

861-8-16

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№19(25)
1991г. 1руб.

ВПЕРВЫЕ В СССР ♦ НОВЫЙ ВИД КУЛЬТУРЫ!

ФОТОФИЛЬМ

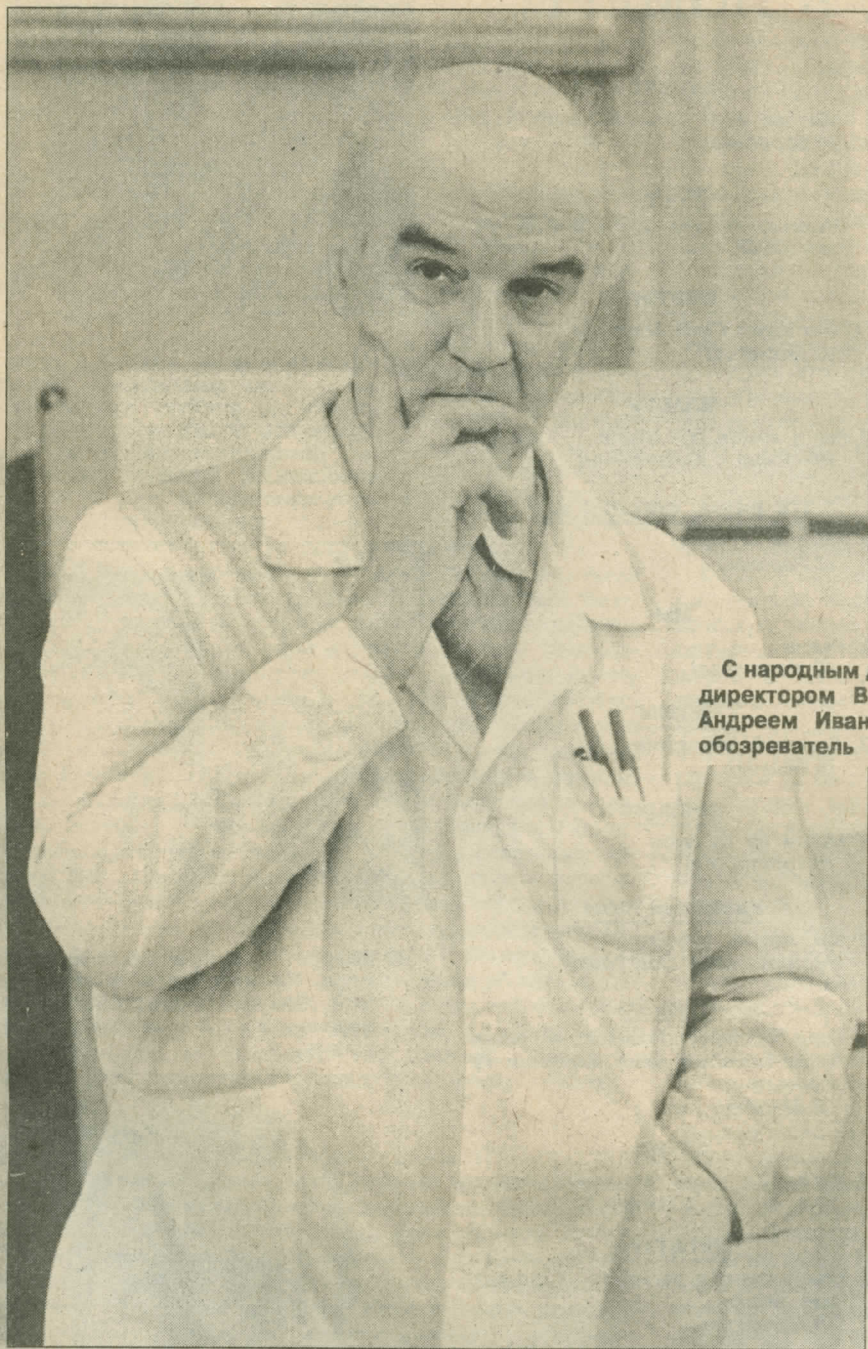
КИНО В ВАШЕМ КАРМАНЕ! СОВМЕСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ! УЧАСТВУЮТ ИЗВЕСТНЫЕ
АКТЕРЫ КИНО И ТЕАТРА

ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ФОТОФИЛЬМА «СЕМЬЯ ВУРДАКА» ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ А.ТОЛСТОГО. В ГЛАВНОЙ РОЛИ ДМИТРИЙ ХАРАТЬЯН. ПОСТАНОВКА РЕЖИССЕРА В.ХОТИНЕНКО. ПРОИЗВОДСТВО НЕЗАВИСИМОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «ФОТОФИЛЬМ» — СОВМЕСТНАЯ РАБОТА СТУДИИ «КОМ», ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДОМ НАЩОКИНА» И «L & G INFORM PRODUKTIONS», USA.

☎ 299-67-20

Наш адрес: Москва, Воротниковский пер., 12

Андрей ВОРОБЬЕВ:

«МЫ ВСЕ ДЕТИ БОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

С народным депутатом СССР, академиком АМН СССР, директором Всесоюзного гематологического центра Андреем Ивановичем ВОРОБЬЕВЫМ беседует обозреватель «Столицы» Михаил ПОЗДНЯЕВ.

Что вы скажете, имея в виду сегодняшнюю ситуацию?

— Мне очень трудно отвечать. Потому что политика как-то очень быстро перешла в профессиональное русло, а я все же не профессиональный политик.

Как я понимаю, вы хотите услышать от меня «историю болезни». Началось с Сумгаита. Все говорили, что это организованная резня, что там «опоздали» не случайно, а сознательно — президент сегодня божится, что ему трех часов не хватило, а ведь там кровь лилась трое суток. Потом так же откровенно сознательно стояли и ждали, когда закончится резня в Баку... Но уже все обнажил этот полицейский репортер из Ленинграда, который кричал в телеэкран, что в Вильнюсе снайперы бьют по стеклам, бьют по целям живым, но так ни в кого ни разу не попали, наоборот, были

Фото Ю. Штуккина

прицельные выстрелы по безоружным жителям, по журналистам; значит, это была не случайность, а провокация... И весь список — цепь провокаций с самого начала. Но только, при всей стройности этой кровавой цепочки, она бессмысленна.

Если власть хочет сломить распоясавшихся демократов — неужели с самого начала так уж трудно было вообразить последствия той же гласности? Или такая версия: власть решила выявить всех диссидентов, и вот-вот будут сданы «под ключ» новые концлагеря, которые будто бы американский спутник засек где-то там в Сибири... Боже мой, да наша страна давным-давно на 99 процентов страна диссидентов! Мы же видим по Восточной Европе, как

— Андрей Иванович, как вам такая метафора: у всех на глазах истекает кровью человек — несчастный случай... И те, от кого это зависит, не то чтобы мешкают — но говорят ему: подожди, авось обойдется, может, и так будешь жить, никто ведь не знает — помрешь ты или нет... К чему это я: наш режим часто называют кровавым. Один мой друг, на котором испытывали первую нашу водородную бомбу, — он был солдатиком-строителем, их заставили вначале строить укрытие, потом посадили всех вовнутрь и рванули эту самую штуку... он мне говорит: «Знаешь, я нисколько не сомневаюсь, что о н и попросту заинтересованы в жертвах — это в сфере их профессиональных интересов!»

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМЕРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Econews, Швейцария
Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Econews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 15.05.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак.827

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 «Мы все дети большого общества...»
(А.Воробьев)

ВЕСЫ

- 6 Открытое письмо в Верховный Совет СССР

СИЛУЭТ

- 9 С кем воюет Юрий Бондарев
(С.Довлатов)

ВЛАСТЬ

- 12 Год у власти без власти
(Интервью с Ю.Лужковым)

КГБ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И...

- 18 Шпионы — герои?
(В.Воронов)

МЫ

- 21 Режим
(О.Николаева)

МИФЫ

- 23 Крестный коллектив
(В.Басков)

ПОЗИЦИЯ

- 26 Мысли на рассвете
(В.Тростников)

КАЗЕННЫЙ ДОМ

- 30 Как любить ребенка
(фоторепортаж Ю.Штукина)

СУДЬБА

- 36 Бард Александр Новиков: «Я выжил лишь благодаря моим железным кулакам...»
(Е.Данилов)

АРХИВ

- 47 Последнее слово Владимира Буковского на суде 5 января 1972 года

КУЛЬТУРА

- 52 «Равноправие и равенство — это разные вещи»
(Н.Михалков)

АРТ-САЛОН

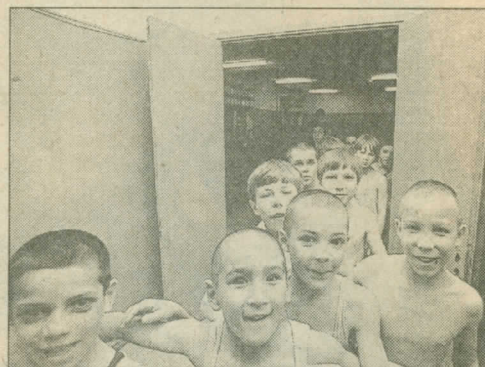
- 64 Мой друг — Иван Бурбичский
(П.Смирнов)

На первой странице обложки фото И.Рогачевского

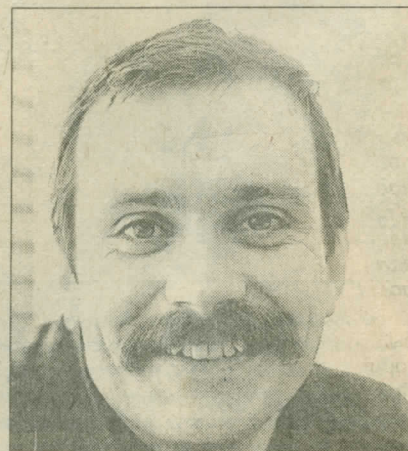
Художественно-техническое редактирование Э.Петровой

12 «Централизация власти в городе — вещь неизбежная, иначе никуда не прийти. Что важно? Сохранить возможность смещения демократическим путем руководителя, который оказался несостоятелен».

30 Возраст — от трех до восемнадцати. Количество — в среднем 200. Каждый месяц 200 новых подранков, так вступающих в жизнь.

52 «У меня достаточно мощные национальные корни, поэтому меня сложно соблазнить инуженностью. Но художник должен походить на дерево — корнями он должен быть в своей почве, а ветвями обнимать весь мир».

в один час рухнуло все, что мы там полвека строили, — все их концлагеря... Они в какие-то несколько месяцев выплюнули без особого труда то, что мы величали «оплотом социализма», как будто у них был во рту камень, говорить и дышать не давал, жить не давал, но выплюнули его — и мигом про него забыли...

Разумеется, наш народ не в пример другим дисциплинирован, хорошо помнит лагерь, помнит Новочеркасск, да в самой последней деревне люди помнят террор — и отчего бы, черт побери, не попытаться — тем более, что можно опереться на определенную часть депутатского корпуса, — навести опять порядок. Можно. И страна прекрасно замолчит!.. Но только есть разница в положении того человека, кому сегодня придет в голову такая дикая мысль, и Сталина, у которого за спиной была армия интеллигенции трудовой, интеллигенции в крестьянстве, в рабочем классе, тянувшей лямку державной колесницы, потому что они не могли не тянуть. Народ работал, потому что он не мог не работать. Нельзя в один день развалить страну — она и разваливалась постепенно...

— *То есть началось-то еще до Сталина...*

— Думаю, что обсуждать и осуждать революцию, когда она уже свершилась, может только поверхностный политик. Против Октябрьской революции выступать сегодня, по-моему, так же смешно, как против Великой Французской революции. Можете не ставить памятников Робеспьеру — в Париже их, кстати, и нет, Дантону есть, а Робеспьеру нет! Однако Робеспьер в революции явление хотя и малоприятное, но такое же неизбежное, как весенний снег. Слишком ревностным критикам Ленина я позволю напомнить, что Октябрьская революция была сделана отнюдь не одним Лениным — в неприятии Ленина его критики всё еще веруют в сталинскую легенду о революции, которая была якобы организована и осуществлена большевиками во главе с Лениным. Надо просто честно посмотреть всю литературу об Октябрьском перевороте, прежде всего эмигрантскую, и не нужно будет тратить столько эмоций для доказательства того, что Ленин отнюдь не руководил этим переворотом! И дело не в том, что это делал Троцкий — не Троцкий, так Подвойский, не Подвойский, так Крыленко, не Крыленко, так Дыбенко... Попросту власть была Керенским потеряна. Она просто лежала — и ждала...

— *Кто поднимет, да?*

— ... совершенно верно — кто поднимет!

— *Я сейчас вспомнил, как Горбачев вошел в Колонный зал, чтобы сказать «адыю» лежащему, рухнувшему под тяжестью власти Черненко... Если копнуть, наверное, именно тогда мы и купились — это была любовь с первого взгляда; и чем-то это, право, напоминало известный киноштамп — проход Ильича сквозь ревуший зал, чтобы, взойдя на трибуну, рявкнуть: «Свершилось!!!»*

— Революцию готовили кадеты, в меньшей степени эсеры... Но мое мнение — я твердо считаю: главным организатором революции был Николай Александрович Романов. При всем том, что это был незаурядный в нашей истории монарх, достаточно прогрессивный, высокообразованный, совестливый, которому очень многое удалось; но в какой-то момент, ко всеобщему неудовольствию, он начал непростительно опаздывать со своими реформами, идти на опасные уступки реакции. Он не понимал, что самодержавие как система власти исчерпало себя в историческом развитии на планете. Его ведь просили об одном: конституционная монархия — он же, по подсказкам властолюбцев из ближайшего окружения, которые потом

его и предали, хотел во что бы то ни стало остаться самодержцем... Зацепившись за наливающуюся тяжестью корону, он погиб вместе с нею...

Ну а то, что в этом тотальном бунте верх взяли крайние левые, — это было уже дело тактики. Вот вам один эпизод из книги Джона Рида об Октябрьском перевороте. Рид спрашивает Володарского (я буду цитировать по памяти): а что они рассчитывают, каковы их планы, сроки ближайших реформ. И Володарский ему отвечает: «Мы думаем о сегодняшнем дне, мы ни в чем не уверены, лишь бы продержаться сегодня-завтра, проснуться у себя в постели, а не встретить рассвет с простреленным затылком!». Я очень вольно цитирую, но за смысл ручаюсь. И для меня очевидно, что люди, подобравшие власть, рано или поздно становятся врагами огромного властного общества. Все против них — но реальная власть у них. И неизбежно встает вопрос: кто кого?..

Революция всегда приводит к колоссальным жертвам, к отбрасыванию демократии на много-много этапов назад, к Термидору обязательному — бонапартистскому ли, сталинскому ли...

Когда у нас говорят о власти, обычно начинаются личные выпады: вместо того чтобы обсуждать позицию, политическую линию, обсуждают человека. Образцом такого политического бескультурья стало сегодня телевидение: вместо спора с политической позицией российской парламента поносят лично его главу. Наш народ должен наконец перешагнуть через политический силовик, который ему все время подбрасывает под ноги дряхлеющий агитпроп: «Вы за кого — за Ельцина или за Горбачева?» Парламент страны могут возглавлять демократы или консерваторы. Во всех культурных странах они периодически сменяют друг друга. Но форма правления при этом должна соответствовать современной культуре — быть республиканской.

В таком идеологическом разброде, как сегодня, появление диктатора — дело момента. Как этот диктатор скрутит шею демократии, легко представить. Я только не понимаю, что он будет делать дальше. Это абсолютный анахронизм — диктатура в наши дни. Она нежизнеспособна. Она самоубийственна. Если сейчас, отбросив подозрительность и упрямство, не сесть за переговоры с лидерами республик о будущих условиях существования государства, если вместо этого ухватиться, как за соломинку, за те полномочия, которые президент выпросил у испуганного Съезда народных депутатов, мы окажемся в положении, в котором оказались в 18-м году. И из него нам ни за что не выйти так, как мы вышли в 18-м году...

— *Я не знаю, быть может, для понимания происходящего лучше всего перепечатать «Скифов», но странное чувство: в демократических государствах отцы нации все время думают, как бы так сделать, чтобы людям потише, помягче, посытнее жилось, а наши — словно бы нарочно толкают общество к экстремальным ситуациям. Мы уже к природным катаклизмам стали относиться как к приметам нашего советского образа жизни! «Правда» обиделась на «Столицу», назвавшую Лебедева-Кумача «самым советским поэтом», и возгласила: так можно и землетрясение назвать «самым советским»! А ведь так оно и есть. Два одинаковой силы землетрясения — в Армении и в Сан-Франциско. И какой результат: у нас никак не меньше 60 тысяч погибших, у них 60 человек — те автомобилисты, которые в момент толчка въехали на мост... спустя всего месяц, впрочем, вновь приведенный в божеский вид...*

— Мы все дети больного общества, и наше мышление

тоже больное. И мы продолжаем навязанное нам патологическое мышление Сталина — весь воздух, дым отечества пропитан был долгие годы тем, что в психиатрии называется манией преследования...

Чернобыль не мог не состояться, потому что в детский сад принесли заряженные мины с часовым механизмом. Мне пришлось очень много заниматься авариями задолго до Чернобыля, когда я работал в Институте биофизики до 1974 года. Эти работы опубликованы, но в них лишь медицинская часть; а анализ самих аварий, конечно же, не публиковался! Могу сказать, что все они произошли в результате фантастических нарушений технологии. Трудно себе представить, как вообще можно такую аварию создать. Ну, например, в реактор с неопущенными графитовыми стержнями мог полезть человек с гаечным ключом. Зачем? Почему? Отчего? Ну, простите... Нет объяснений...

Масштабы Чернобыльской аварии трудно было предугадать, но то, что она должна быть, — извините, я об этом при свидетелях говорил за восемь дней до аварии. Я читал лекцию о лучевой болезни в институте и говорил слушателям: напрасно вы не обращаете внимания на эту тематику — вот взлетит реактор, и все мы станем лекарями...

Если реактор идет в разгон, а дежурный матом кроет оператора, давай, подымай еще давление — ну он и взорвался... Да боже мой, если вообще у реактора, куда должен быть отобран один из тысячи, допустима матерная брань, то допустима в той же степени и авария... Атомная промышленность может иметь место в наши дни. Но при наличии соответствующей человеческой культуры. Интеллекта. И понятий о нравственности.

Ведь что такое Чернобыль?

Первое: довольно быстро засекретили аварию. Это мы делать умеем. Это было уже на Новой Земле. Это было на Урале. Это было в Семипалатинске. Опыт засекречивания внушительный.

И все! Вы ничего не можете сделать. Вы расписались в том, что в печать не даете сведений, а кроме того, ведь вы их и не получаете.

— Не уместнее ли назвать такую секретность сокрытием преступления — тем более, что на следующий день весь Запад уже гудел, нас забрасывали официальными запросами и тому подобное?

— В общем, если говорить о нашем престиже, можно понять тех, кто прятал концы в воду... Уму непостижимо, скажем, как могли пожарные оказаться в ботинках, а не в сапогах — у них просто сожжены были ноги радиоактивными газами; без рукавиц, без противогазов — и это ведь не случайно проезжавшая команда, а пожарная служба атомной станции! И всему миру после Чернобыля, после жутких разрушений в Армении видно: страшные эти несчастия — плоды рук человеческих; и по своему культурному уровню такой человек — пещерный житель. Цивилизованному, обладающему интеллектом человеку во сне не приснится — красть цемент со стройки дома, где ему предстоит жить.

— Андрей Иванович, но Чернобыль, Уфа, землетрясение в Армении, «Нахимов» — все-таки не дорожные происшествия, хотя и их у нас больше чем достаточно. Последствиями катастроф такого масштаба заняты люди уровня все-таки более высокого, нежели инспектор ГАИ и дежурная команда «Скорой», — вот вы, например. Это ваше дело в силу профессионального уровня вашего и попросту вашей службы, ваших обязанностей. Но и президент этими историями тоже по долгу службы призван заниматься? Вы с ним диалог за все эти годы какой-то ощущаете?

— Нет.

Ни с ним, ни с его окружением.

И я думаю, лучше бы они этим вообще не занимались. Это вопросы для профессионалов, и решаться они должны исключительно по просьбе местных властей. Чем меньше из Центра будут лезть со своими советами в ординарные проблемы — будь то морская катастрофа или радиоактивное загрязнение территории, — тем лучше.

Благодаря усилиям правительства по ликвидации Чернобыльской аварии у нас в стране создана мощнейшая система дезинформации с подключением зарубежных деятелей. Это привело к тому, что даже международные организации сегодня считают, что Чернобыль — это сплошная радиофобия...

— И МАГАТЭ?!

— И МАГАТЭ!

— А мы-то их, как доброго барина, ждали!

— А вот и напрасно...

Чудес не бывает. Мне непонятно, как жители Брянска или Тулы так равнодушно относятся к тому, что у них нет нормальной медицины. Ведь чтобы оказывать помощь этим людям, достойную вреда, который был им, не по их вине, нанесен, нужна медицина именно такая, которая есть на Западе. Наши коллеги в Штатах называют способ определения гемоглобина у нас античными! Они вообще не понимают, как мы еще живем с нашей медициной...

— Зато она, как мы с детства знаем, лучшая в мире!

— Нет, она худшая в мире. И это требует немедленного создания качественно иной медицины, хотя бы для начала в загрязненных районах. Тянуть с этим нельзя. И Запад, между прочим, готов в этом участвовать: и поставлять аппаратуру, и реактивы, и медикаменты, и приезжать работать — они готовы. Но нам нужно тоже что-то для этого сделать. Обеспечить им условия работы.

И вот, вместо того, чтобы пойти этим простым и эффективным путем, у нас тратятся десятки и сотни миллионов на сторону. Все опять по нашим старым шаблонам: создать Всемирный Центр! В стороне от аварии. Промотать деньги на какой-то супермодный иммунологический проект, на какие-то фантастические исследования, хотя малейших оснований для развития какой-то сверхсовременной иммунологии в регионах, пораженных аварией, нет. И коль скоро на эти проекты уйдут многие-многие миллионы в рублях и валюте, средств не останется на постройку хороших больниц. И не надо! Если за пять лет не построено ни одного лечебно-диагностического центра в зоне аварии, то все разговорчики о том, что это случайность, для меня абсолютный блеф.

Один пример. Известно, что там подросли лейкозы — не все, а только малая их часть. Но если эти отдельные лейкозы сложить со всем списком болезней крови, то мы никакого роста заболеваемости не получим, понимаете? Результат будет на уровне доаварийного. Подобные статистические ухищрения не просто аморальны, но страшны — потому что это делают люди, хорошо знающие, что они делают! И они не смущаются, подавая дезинформацию в МАГАТЭ. У них все в норме: и в Чернобыле, и в Семипалатинске, и на Новой Земле. И вообще везде!

— И с поездкой президента в пострадавшие районы Белоруссии — в норме?

— А я не знаю, зачем он ездил. Я не понимаю, что он там делал.

— Вообще это производило зловещее впечатление — когда он говорил людям: «Не будем спешить, давайте еще посмотрим, посчитаем, вдруг тут еще можно жить...» А вокруг такой унылый, серый пейзаж, грязь,

эти несчастные крестьяне, похожие на эзков, и они ему хором: «Да нельзя тут жить!» — А он им опять двадцать пять: «Не спешите, а вдруг можно». — А они: «Да нельзя-я-я!!!»

Вот эта команда, о которой вы рассказываете, она ему готовила эту поездку?

— Я не знаю. Чернобыль — это научная проблема. Она требует усилий всего-навсего независимой группы экспертов, которые точно не виновники аварии. Об этом должны знать все...

— Но ведь есть такая группа?

— Нет. Была группа Госплана, которая в прошлом году заседала и приняла решение о выселении людей из местности с уровнем загрязнения 30 кюри и более; эти данные сразу же были похоронены, и всю идеологию по Чернобылю сегодня формирует команда, руководившая радиологической службой до аварии и во время аварии.

— Но как же общество терпит? С ним-то что происходит? Неужто оно и впрямь настолько обескровлено, что не в силах противиться таким экспериментам?

— Ну, общество все-таки сильно изменилось за эти годы. Мы с вами говорили о рассекречивании информации по Чернобылю. При всем уважении к интеллигенции и при всей симпатии к иностранным гражданам, тоже поднявшим хороший шум, должен заметить, что главную роль сыграло освободительное движение народов Украины и Белоруссии. Пикеты, митинги, сбор подписей, а затем и массовое неповиновение — и тогда все рассекретилось. Пришлось рассекречивать. У этих течений, с моей точки зрения, в конечном счете, пожалуй, все-таки реакционных, есть одно достоинство неоспоримое: они разламывают сталинизм, который, извините, пока еще продолжает царствовать. И именно национально-освободительные движения республик в силах его добить.

Сравнивая тех, кто выходит сегодня на митинги, с теми, кто ходил на демонстрации по разнарядке еще пять лет назад, я бы все же не сказал, что сегодня мы видим быдло, а не народ. Это уже очень похоже на народ!

— Вот вы рассказали, как предсказывали Чернобыль за восемь дней, а я вспомнил ваше выступление под завязку декабрьской сессии Верховного Совета СССР — когда вы фактически предупредили, тоже за несколько дней, январские события в Прибалтике, — вашу реплику: «Надо посоветоваться с народом!» Что произошло тогда?

— С самого начала этого сюжета видна была игра: устраивается шум, выступление полномочного представителя Латвии прерывается, выдается за мелкий скандалчик, — и потом, в связи с перегруженной повесткой дня, наскоро предлагается бойкотировать заявление Латвийского правительства...

— Вы прорвались к микрофону? Это было трудно?

— Я просто с места очень громко воскликнул: «Нет, не пойдет!» — там была какая-то доля секунды, когда Лукьянов взмахнул рукой: «Ну, все ясно, не удовлетворены мы заявлением зампреда правительства Латвии!», потом крошечная пауза — и: «Согласны?» — массовка депутатская: «Согла-асны»... И вот на этот их вялый хор наложился мой выкрик.

Лукьянов встал — я тоже встал. Он сделал ошибку: «Ну, пожалуйста» — и я пошел к микрофону. Там ведь, в общем, выступает одна и та же публика, и неожиданных выступлений практически не бывает... В связи с необходимостью уехать на встречу Нового года съезд прошел быстро и гладко; список вопросов, рекомендованных к принятию Верховным Советом, хорошо утрамбован, и все они проскакивают практически без обсуждения...

Что это за голосование в Верховном Совете страны: 354 «за», 1 — «против»? И им не стыдно — сидеть, устраивать такие голосования, попутно разгоняя митинги, осуждая шахтеров? Какая стыдоба: рабочий парламент не желает разговаривать с рабочим классом! И посол Мэтлок, когда поднялся шум из-за намерения американских профсоюзов помочь нашим шахтерам, напоминает — подумайте: кто и кому! срам какой! — «А вы разве не слышали такой лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ладно, бог им судья...

Едва я закрыл рот, сразу выскочил какой-то адмирал, сзади меня генерал-космонавт тоже завопил: «Сколько можно слушать Воробьева?!» — это было просто смешно. Я вообще во второй или в третий раз выступал за свою депутатскую карьеру. Да и понятню, почему они закричали: люди военные, служивые, им главное — отметить перед начальством... Такая реакция зала неудивительна — да и что значит «зал»? Если двадцать человек кричат, то это еще не зал... Мне гораздо дороже, что ко мне подходили люди сказать «спасибо» — ведь за что, самое главное? — за то, что русский поддержал латыша! Низость нашего общего положения в том, что латыш должен выступать в защиту латыша, грузин — в защиту грузина, еврей — в защиту еврея. И это в стране, где Короленко выступал в защиту вотяков, монархист Шульгин — в защиту Бейлиса! Неужели мы в России? Вы можете поспорить, ваше право, с тем, кто заявляет о своей национальной исключительности, — валяйте! Но если в парламенте выступает представитель маленькой республики, прося коллег быть объективными, — приведите факты в опровержение, но не топчите его своим большинством...

— Может быть, пора вспомнить формулировку, прозвучавшую еще на Первом съезде — «агрессивное большинство», — и объявить нашим парламентариям вотум недоверия?

— Съезд народных депутатов СССР разгонять не надо: опасно создавать сегодня вакуум власти, ликвидируя конституционно избранную народом структуру. Но Верховный Совет избран или, если хотите, назначен на безальтернативной основе. За два года его законодательства и политическая, и экономическая обстановка в стране резко сместилась в худшую сторону, против чего он не предпринял ни единого шага. На внеочередном Съезде народных депутатов СССР должен быть выбран новый Верховный Совет, представляющий уже сложившиеся политические группы, партии, союзы, забастовочные комитеты.

— Скажите, Андрей Иванович, сегодня что вас заставляет сидеть в парламенте? Вы врач милостью Божией, зачем вам политика?

— А это все связано. Нельзя не искать путей помощи людям, например, в Якутии, где нет ни одного центра трансплантации костного мозга. Я не могу спокойно относиться к тому, что там жизнь построена не по правилам, и стараюсь помочь. Часто получаю афронт. Это правильно — об этом говорил Дата Туташиа: «Не делайте добра!» А иногда все-таки получается...

Поэтому меня и судьба немцев тревожит. Великий миллионный народ оторвали от культуры, лишили языка, не пускают в институты — это надругательство, это геноцид. И нельзя спокойно на это смотреть. И нет иного способа преодолеть это внутреннее несогласие с тем, что ты видишь, — кроме как встать и сказать: «Нет! Так — не пойдет!»

— Вдруг все-таки получится?

— Вдруг да получится.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

При вступлении в должность Президент СССР принес присягу, торжественно поклявшись следовать Конституции СССР, гарантировать права и свободы граждан.

К сожалению, приходится констатировать, что свою основную конституционную обязанность и клятву, данную при вступлении в должность, Президент не выполняет. Наш вывод основан на анализе принятых им указов, многие из которых преследуют исключительно достижение конъюнктурных политических целей.

Так, Указ от 20 апреля 1990 г. «О регламентации проведения массовых мероприятий на территории Москвы в пределах Садового кольца» установил, что регламентация проведения подобных мероприятий осуществляется Советом Министров СССР. Между тем, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР», утвержденному Законом СССР от 28 октября 1988 года, право дополнительно регламентировать проведение таких мероприятий было предоставлено Президиумам Верховных Советов союзных и автономных республик, местным Советам народных депутатов. Таким образом Президент своим указом ограничил полномочия законодательных органов России и Москвы, нарушил статью 127 (7) Конституции СССР, обязывающую его издавать указы только на основе и во исполнение Конституции и законов СССР.

Так, в 1990 г. Президент своим указом лишил бывшего сотрудника КГБ СССР О.Калугина государственных наград. Сомнительная обоснованность указа требует специального анализа. Но очевидно, что и этот указ является незаконным, так как статья 127 (3) Конституции СССР предоставляет Президенту право награждать орденами и медалями СССР, но не лишать их. Характерно, что необоснованный и незаконный указ Президента в отношении Калугина в нарушение существующего порядка не был опубликован в «Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР».

Пренебрежительное отношение главы государства к принципам законности приобрело особенно опасные тенденции и формы после принятия Верховным Советом СССР Закона от 24 сентября 1990 г. «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны», который предоставил Президенту СССР на период до 31 марта 1992 г. право издавать в соответствии с Конституцией СССР указы нормативного характера, создавать органы и другие государственные структуры для ускорения формирования общесоюзного рынка и обеспечения взаимодействия в этих целях союзных и автономных республик, автономных областей и округов.

Вероятно, полагая, что реализовать предоставленные ему дополнительные полномочия можно лишь с помощью командно-административных методов руководства и усиления деятельности правоохранительных органов, Президент СССР вновь принимает серию противоправных указов.

Указом от 22 января 1991 г. «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан» Президент существенно ограничил право граждан владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим им имуществом, нарушив тем самым статью 1 Закона СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР».

С юридической точки зрения не выдерживает никакой критики Указ от 26 января 1991 г. «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики».

Приравнивая экономический саботаж, то есть отсутствующий в законе состав преступления, к другим преступлениям в сфере экономики, указ грубо нарушает принцип недопустимости использования аналогии закона в уголовном праве, провоцируя тем самым грубейшие нарушения законности правоохранительными органами. Предоставляя этим органам право беспрепятственно входить в помещения предприятий, учреждений и организаций, а также лиц, ведущих индивидуальную трудовую деятельность, производить осмотр этих помещений, изымать образцы, получать документы, письменные объяснения и т.п., президентский указ нарушает уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающее проведение указанных мероприятий лишь после возбуждения уголовного дела, в присутствии понятых, с составлением соответствующих протоколов, а в ряде случаев — только с санкции прокурора.

Если предположить, что перечисленные правовые гарантии остаются в силе, то указ Президента

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

теряет всякий смысл, поскольку не вносит ничего нового в законодательство, определяющее права и обязанности органов предварительного расследования. Внешне эффективными, но абсолютно не убеждающими в правомерности указа являются содержащиеся в нем ссылки на статью 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и статью 1 Закона СССР «О дополнительных мерах по стабилизации экономической и общественно-политической жизни страны», поскольку именно их и нарушает принятый Президентом нормативно-правовой акт, вступая в противоречие с законом.

Последовательно проводя линию на повышение роли вооруженных сил и правоохранительных органов в жизни страны, Президент СССР принимает ряд противозаконных указов, направленных на расширение сферы деятельности и реорганизацию этих государственных структур. Указом от 29 января 1991 г. «О взаимодействии милиции и подразделений Вооруженных Сил СССР при обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью» Президент фактически утвердил противозаконный приказ МВД СССР и МО СССР от 29 декабря 1990 г. «Об организации совместного патрулирования сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота». Противозаконность этого ведомственного акта была очевидной, так как вооруженное патрулирование на улицах является элементом чрезвычайного положения, введение которого не относится к компетенции министров, а в соответствии со статьей 11 Закона СССР от 3 апреля 1990 года «О правовом режиме чрезвычайного положения» является прерогативой Верховного Совета СССР или Президента СССР. Несмотря на это, Президент СССР не только не дал надлежащей оценки противозаконному ведомственному акту, но и сам нарушил статьи 1 и 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», устанавливающие условия и процедуру введения чрезвычайного положения.

Указом от 26 марта 1991 г. «О создании Главного управления Министерства внутренних дел СССР по городу Москве и Московской области» Президент походя нарушил установленную действующим законодательством систему двойного подчинения органов внутренних дел, выведя из подчинения Мосгорисполкома столичную и областную милицию. Между тем принятый 6 марта 1991 г., то есть всего за 20 дней до указа, Закон СССР «О Советской милиции» недвусмысленно подтвердил целесообразность сохранения двойного подчинения органов милиции.

Анализ указов и решений Президента СССР, ущемляющих права, свободы и законные интересы граждан, попирающих принципы права, нарушающих Конституцию и законы СССР, при необходимости можно было бы продолжить. Однако и приведенных фактов вполне достаточно, чтобы понять: принимаемые Президентом противоправные указы — это сознательно проводимая линия на достижение политических целей любыми средствами. Господство политической конъюнктуры над правом представляется нам чрезвычайно опасной тенденцией, которой нет места в правовом государстве, о необходимости строительства которого часто говорит сам Президент.

В этих условиях вызывает недоумение бездеятельность Верховного Совета СССР, который не использует предоставленное ему законом право отменять или изменять принимаемые Президентом СССР решения. Между тем ставшая уже привычной практика издания Президентом СССР противоправных указов может быть рассмотрена в качестве достаточного основания для применения статьи 127 (8) Конституции СССР, которая предусматривает четкий механизм смещения Президента СССР Съездом народных депутатов СССР в случае нарушения им Конституции СССР и законов СССР.

По поручению коллектива кафедры
государственно-правовых дисциплин
Высшей юридической заочной школы МВД СССР:
профессор Н. Витрук,
профессор В. Зорькин,
доцент Л. Суворов.

«МЫ — ПУГАННЫЕ ВОРОБЬИ...»

На вопросы журналиста Григория КРОШИНА отвечают народные депутаты СССР Николай МЕДВЕДЕВ (посланец Литвы в союзном парламенте) и Андрей ЭЙЗАН (первый заместитель постоянного представителя Совета Министров Латвийской Республики в Советском Союзе).

— В опубликованном 24 апреля известном совместном Заявлении Президента Союза и руководителей девяти республик («9 + 1») был обозначен некий поворот в позиции Центра по отношению к «непокорным» республикам, которые не собираются подписывать Союзный договор, в том числе к Литве и Латвии. Им вроде бы предоставляется теперь свобода выбора?..

Николай МЕДВЕДЕВ: Вроде бы... Но прежде всего надо бы разобраться, каков процент в этом Заявлении действительно конструктивных намерений девяти республик по созданию Союза, а каков процент желания просто... получить передышку. Вы ведь знаете, что бывает, когда между воюющими государствами объявляется перемирие? Пока дипломаты заключают перемирие и следят за тем, чтобы оно выполнялось, саперы с двух сторон... ведут подкоп друг под друга. Закладывают новые мины и стараются создать за время перемирия такие условия, чтобы, как только оно закончится, оказаться в более выгодном положении, чем противник... Так вот, на мой взгляд, здесь больше присутствует желание именно взять тайм-аут. Причем каждый подписавший Заявление «9 + 1» думает, что заставит время работать на себя. Тем не менее я считаю, что процесс стабилизации идет, динамика этого процесса такова, что с ней придется считаться. Если пока что доминируют эгоистические тенденции среди республик, то недалекое будущее — за процессами стабилизации.

Андрей ЭЙЗАН: Да, наши республики не собираются подписывать Союзный договор, но... Понимаете, я не очень-то верю, что так уж скоро он будет подписан остальными, этот Союзный договор. Судя по всему, этого

не случится через полтора-два месяца, как, может быть, некоторые предполагают. Тут, на мой взгляд, всплывает сразу столько разных факторов, требующих неременного согласования, на что понадобится довольно много времени. Это первое.

Во-вторых, динамика нашей сегодняшней экономики столь стремительна, что, я боюсь, у нас просто напросто не хватит времени, чтобы заняться сбором подписей под этим Союзным договором... Потому что, полагаю, экономические коллизии заставят постоянно в договоре то одно менять, то другое поправлять. И я считаю, что в этом случае процесс формирования Союзного договора завершить не удастся. Вообще. То есть я лично смотрю на это дело скорее скептически: вряд ли дело дойдет до подписания договора, а значит, и до вытекающих отсюда санкций в отношении «непокорных» республик...

— И все же, согласитесь, позиция центра изменилась: в Заявлении уже отсутствуют привычные окрики в адрес «неподписантов».

Н.М.: Да, это очевидно. Потому я и сказал, что все-таки будущее — за процессом стабилизации. Но, смотрите. Республики, не вошедшие в число подписавших Заявление «9+1», получили, с одной стороны, весьма реальную возможность действительно приобрести независимость на политических условиях, которые для них более выгодны, чем те, что диктовались им ранее. А с другой стороны, у всех этих республик на первый план теперь выйдет степень их готовности быть самостоятельными. Это уже экономический аспект. И я боюсь, что большинство неподписавших республик попадут в исключительно тяжелое положение. Ведь

уже больше нельзя будет ссылаться на давление со стороны Центра и труднее будет поддерживать настрой своего населения на должном уровне противостояния. А значит, придется раскрыть карты — насколько у каждого из республиканских правительств есть реальная программа выхода из того экономического тупика, в котором каждая из республик оказалась.

Конечно, всем этим республикам станет тяжело. Но в самом, я считаю, трудном положении окажутся две закавказские республики — Армения и Грузия, которые в экономическом отношении гораздо более зависимы от Центра, чем прибалтийские. Причем если Армения может еще рассчитывать в какой-то степени на финансовую поддержку своей мощной диаспоры, то Грузия, как известно, такой диаспорой не обладает...

— Значит, может сложиться такая ситуация, когда республикам в борьбе за выживание придется чем-то и поступиться?

А.Э.: Ну... а чем, собственно? Ведь о своем суверенитете мы заявили не одни. Многие республики сделали то же самое, так? Более того, мы, Латвия, я считаю, подошли к этому вопросу весьма реалистично: объявили, что осуществлять суверенитет собираемся не сразу, а через переходный период. Значит, дайте нам нормально работать в этот переходный период, правильно? И давайте работать вместе, а потом уж поглядим, что из этого получится. А что же, отказываться в этой ситуации от своих провозглашенных принципов? Ну, сделать это нас может заставить разве что применение к нам грубой военной силы, которая нас просто раздавит, больше ничего. А в ином случае, думаю, мы от своих принципов не отойдем. Их мы, между прочим, положили и в основу переговоров, которые ведем с СССР. Нас находят даже более реалистичными, чем, скажем, литовцев. Хотя, должен заметить, литовцы, на словах отказавшись от переходного периода, на практике тем не менее работают именно по сценарию такого периода.

И, не в обиду латышам будет сказано, работают на этом пути более активно и плодотворно.

— **Идет ли в ваших республиках какая-то реальная подготовка к тому, чтобы встретить грядущие экономические трудности во всеоружии?**

Н.М.: Нам все время мешают! Беда в том, что внутри республики армия и КПЛ (на платформе КПСС) постоянно производят мелкие атаки и уколы, что не позволяет нам делать главное. Но в республике-то эти «мелочи» воспринимаются не как мелочи: например, нападение на какое-нибудь здание, в котором сосредоточены товары, допустим, на 5—6 тысяч рублей, и ограбление армией этого здания производят впечатление такого глобального события. И на это постоянно приходится отвлекать силы, а экономика продолжает катиться вниз. И если все эти «уколы» координируются Центром, то делается это очень талантливо...

А вообще-то грядущая обстановка, декларированная в Заявлении, по моему, не воспринимается пока еще населением республики как реальность. Скорее — как угроза давления со стороны Центра.

А.Э.: Да, чем нам уже только не грозили! Но, знаете, мы же пуганные воробы. И, кстати, для того, чтоб применить к нам какие-то экономические санкции, надо же разработать специальные критерии, процедуру. А этого ведь тоже пока нет. Поэтому, думаю, дальше угроз дело не пойдет. Вспомним блокаду Литвы. Казалось: ну все, сотрут в порошок. А что вышло? Ничего страшного...

— **Как вы оцениваете в этих условиях договоры с Россией?**

Н.М.: Самым положительным образом. И хотя такой договор между Литвой и Россией пока официально не подписан, но это не потому, что кто-то против. Просто Литва поняла сложную ситуацию, в которую попала Россия, и в частности команда Ельцина. И Борису Николаевичу был задан вопрос: «Будем сейчас форсировать подписание или чуть подождем?» Он сказал: «Если можете, давайте подождем». Потому что ясно, что литовскую карту могли бы разыграть и против него. А сам договор нам обоим, конечно, очень поможет.

А.Э.: Именно так. Мы считаем, что договор Латвии и России может оказаться для Латвии гарантом того, что грядущие экономические пертурбации пройдут для нас менее болезненно.

Сергей ДОВЛАТОВ

С КЕМ ВОЮЕТ Юрий БОНДАРЕВ

Рис. К.Валова

В юности у меня был приятель, который никогда не улыбался и всегда сохранял мрачное выражение лица. В принципе, он был незлым и симпатичным человеком, но нас смущала его вечно хмурая физиономия, и мы как-то раз его спросили:

— У тебя, вообще, есть чувство юмора?

Он ответил:

— Чувства юмора у меня навалом, просто я еще никогда не видел вокруг ничего смешного.

Высказывался этот парень особым образом, с колоссальным напором, рубя ладонью воздух, отрывисто, горячо и совершенно невнятно. Чувствовалось явное желание высказаться и даже сообщить нам что-то важное, но слова звучали примерно так:

— Вижу на экране Людмилу Чурсину!.. Спрашивается — зачем?!.. Кто ответит?!.. А главное — кому?!.. Ведь это может быть волна, но может быть и клетка... Не знаю... А если бы и знал, то где эквивалент взаимности?..

Впоследствии этот человек сошел с ума, оказался в больнице имени Кащенко, и я потерял его из виду, но до сих пор уверен, что в душе его кипела ценнейшая информация, однако слова не успевали за лихорадочным течением мысли.

И вот я читаю многочисленные статьи Юрия Бондарева в советской прессе, читаю внимательно, потому что слышал, какой он знаменитый прозаик, и потому что чувствую — есть в его статьях какой-то смысл, какая-то боль, какая-то смертельная обида, а значит, и какая-то разумная идея, до которой нужно обязательно докопаться. Такое ощущение, как будто слушаешь Мусоргского или Вагнера: есть тема, есть темперамент, есть душевная боль и высокая страсть, есть сила, негодование, ярость, любовь, только слов не хватает, и я даже поймал себя на том, что при моем ужасающем английском чтении статей в «Нью-Йорк таймс» дается мне все-таки легче, чем публицистика Юрия Бондарева. Я даже написал кое-что из его статей, чтобы обсудить эти цитаты с друзьями, но наша совместная исследовательская работа так ни к чему и не привела: все сошлись на том, что статьи Бондарева полны скрытого значения, но какого именно — никто сказать не смог. Вот послушайте:

«В нашей профессии надо время от времени уметь молчать, чтобы в суе-те мирской не расшатать координаты искренности в аллеях риторического сада, благоухающего бумажными цветами...»

Или вот это:

«В диалектическом исключении «да» или «нет» плюрализм бессилён, утверждая разномыслие, разорванность связей, предмета с предметом, небескорыстное отлучение от истины, равноисключающее рефлексии сознания...»

Что это значит?

Или еще:

«То, что происходит в нашей нравственной жизни, порождает миллион вопросов без качества успокоительного фальшивого оптимизма...»

На каком языке это написано?

По всем статьям Юрия Бондарева щедро рассыпаны такие выражения: «фальшивомонетки искусства», «рыцари и дамы серой тьмы», «вседозволенность клятвенного смысла», «бесы и бесенята с самоуверенностью властителей мира», «растлители надежды», «беспощадный экстремизм взвихренных желаний», «синусоидность речи», «узурпаторы слова», «голая мужская натура», «ветер безверия», «акустические трибуны», «тиражированная пошлость брани», «рыцари пепелищ», «тюрьма потребления» и так далее, и тому подобное.

Пусть кто-то из наших пытливых читателей сделает попытку расшифровать такое, к примеру, словоизъявление Бондарева:

«С позиции вечности закон — издержки времени, но свободе следует подчиняться закону, ибо долг надо разделить поровну или хотя бы приблизительно — между всеми.»

Может быть, кто-то переведет на русский язык такое соображение:

«Нашу судьбу творит жизнь, а не предрассудки и мечтания о надземных садах Семирамиды.»

Ведь кроме злосчастной «Семирамиды» здесь все слова известны любому российскому дошкольнику,

а смысл, между тем, остается в тумане.

Иногда возникает ощущение како-го-то могучего лабораторного эксперимента: в компьютер заложили полторы тысячи русских общеупотребительных слов, добавили к ним сотню иностранных, туда же ввели десяток библейских имен, что-то из мифологии, несколько военно-технических терминов, и наконец дали команду: пусть все будет изящно, красиво, внушительно и по-хорошему непонятно. И вот электроника начинает действовать, и на экране появляется изящество на пару с красотой:

«Как собрать осколки разбитого зеркала искусства, как склеить их, чтобы вновь увидена была сцена жизни, большой и маленький человек, играющий свою грустную и смешную пьесу бытия, а не роль сексуального манекена в убогом стриптизе...»

Ведь это же почти Шекспир, если не задумываться о смысле слов, целиком отдавшись музыкальному, так сказать, звучанию всего этого бреда.

Цитировать можно до бесконечности. Вот, к примеру:

«Ничтожные ценности мелкого быта, натуралистические подробности, комья грязного белья вместе с интимными предметами туалета и немощными тарелками возведены на пьедестал, как сама реальная реальность жизни, как глубина познания, как ужас бытия.»

И ведь чувствуется: все это не пустой звук, что-то тревожит Юрия Бондарева, что-то беспокоит его, приводит в негодование, заставляет выходить из себя, но что же?!

Ломая голову над статьями Юрия Бондарева, я сначала думал, что он просто обиделся, просто взял и обиделся на то, что в эпоху гласности его, как графа Хвостова в пушкинское время, вытеснили из литературы талантливый или, как минимум, членораздельно пишущие современники. Я думал, что на них-то и обрушивается, с ними-то и воюет Бондарев в своих таинственных статьях. Кроме того, существовало мнение, что под всеми

этим «фальшивомонетчиками», «рыцарями и дамами», «бесами и бесенятами» скрываются чужаки, инопланетяне, то есть, попросту говоря, — евреи, «осквернившие нашу родину и пустившие ее по миру», но в этом случае Бондарев мог бы высказываться проще, откровеннее, сейчас это можно, благородные традиции газеты «Литературная Россия» или журнала «Наш современник» это позволяют, так ведь нет же. Значит, дело не в этом.

И вот я страшно напрягся и понял, кажется, что произошло с Юрием Бондаревым. Юрий Бондарев, начитавшись в эпоху гласности разных замечательных произведений, убедился в том, что литература — это серьезное дело, что орудие писателя — слово, что орудием этим надо умело пользоваться, так же, как надо слесарю умело пользоваться молотком и зубилом, иначе все пальцы будут в ссадинах, и тогда Юрий Бондарев начал работать над словом, варьировать слова, нагромождать их друг на друга, со скрежетом и грохотом выстраивать из этих слов цепочки фраз, иногда падать ниц под грузом этих слов, вновь подниматься, ронять эти слова, подобно кирпичам, на свои израненные ноги, рыдать в бессилии и снова браться за работу.

Я понял, с кем воюет Юрий Бондарев — не с евреями, империалистами, стилистами или наркоманами: Юрий Бондарев воюет с русским языком, он, как всякий серьезный писатель, борется со словом, преодолевая слово, пытаясь выразить этими непослушными, коварными, ускользающими от него словами — не важно что, лишь бы справиться с этим наваждением, с этой морокой, с этой одержимостью, только бы не сгинуть окончательно под нагромождением тяжелых, упрямых, безжалостных слов, только бы не сдать, не капитулировать под натиском такого знакомого, такого любимого, такого трудного, такого недоступного ему русского языка!

Это одна из последних статей Сергея Довлатова, опубликованная в мае прошлого года в нью-йоркской газете «Новое русское слово».

Александр ПОРТНОВ

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС В РУКАХ МАФИИ

Советское правительство бесплатно переправило за границу 80 тонн золота. Почему?

Золото входит в тот скудный перечень товаров, которые СССР постоянно продает за рубежом. Его покупают, потому что ни одна страна в мире, за исключением ЮАР, не добывает его в таком количестве. Богатейшие природные запасы нашей страны помогают содержать экономически несостоятельные политические режимы — не только в СССР, но и во многих других частях света.

Тысячи тонн золота добыты сотнями тысяч рабов-заклученных на невероятно богатых россыпях Сибири, Якутии, Кольмы; себестоимость золота здесь практически не отличалась от цены гравийно-галечной смеси, идущей на покрытие шоссе дорог. Во время войны, когда шли переговоры о поставках товаров и вооружения из США в СССР по ленд-лизу, американцы выразили сомнение в платежеспособности СССР. По приказу Сталина специальный самолет доставил американских представителей в Магадан, столицу государства НКВД, а отсюда — на один из богатейших приисков. Американцы присутствовали при открытии опечатанных промывных приборов — и каждый раз снимали шляпы перед сверкающими грудями золотого песка и самородков. Вернувшись в Москву, они заявили, что у них нет сомнений в валютных богатствах СССР. В магаданский порт Нагаево стали регулярно приходить американские подводные лодки. Сколько они вывезли золота, по какой цене?.. Американцы об этом знают, но молчат.

А те, кто причастен к экспорту золота из СССР, — молчали всегда, потому что запасы, добыча и продажа драгоценных металлов относятся к разряду наиболее строго охраняемых государственных секретов. Правда, Ленин неоднократно повторял известные слова первого социалиста-утописта Томаса Мора, сказанные еще в XVI веке, о том, что золото годится лишь для изготовления ночных горшков (у Ленина — унитазов, влияние технического прогресса!). Томас Мор писал также, что при социализме тяжелые золотые ожерелья, цепи и кольца будут носить лишь уголовные преступники — и если они

провидел брежневскую элиту, то угадал не хуже знаменитого астролога Нострадамуса. Труднее оценить точность ленинского прогноза относительно золотых унитазов: для этого надо знать обстановку квартир партийных лидеров; впрочем, слухи о ваннах из золота просачивались в народ...

Раньше информация о продаже советского золота шла только из-за кордона. Сообщалось о продаже сотен тонн золота, причем наших зарубежных конкурентов возмущал факт одновременных залповых выбросов огромных масс драгоценного металла. Цена золота на мировом рынке при этом резко снижалась — и комментаторы удивлялись нелепости «русского бизнеса», при котором на каждую сотню тонн проданного металла валютные потери оценивались стоимостью 10—15 тонн золота!

Сейчас глухая стена молчания стала рушиться — и стали известными удивительные факты, относящиеся уже к нашей современности. АйФ № 13 за 1991 год сообщил, что в 1990 году СССР выбросил на мировой рынок 234 т золота на сумму 1 миллиард 638 миллионов долларов. Добавлено, что, возможно, золото это «заложено». Означает ли это, что СССР собирается его выкупать обратно? Если да, то откуда он возьмет деньги?.. Опыт работы ломбарда свидетельствует, что обнищавшие владельцы драгоценностей, как правило, при закладе теряют свои фамильные сокровища. Составители информации в АйФ приходят к выводу, что золото было продано. И здесь возникает главный вопрос, не затронутый в еженедельнике: **ПОЧЕМУ ЗОЛОТО ОКАЗАЛОСЬ ПРОДАННЫМ ПО БАСНОСЛОВНО НИЗКОЙ ЦЕНЕ?**

Действительно, деление 1,638 млрд. долл. на 234 т показывает, что золото было продано по цене 7 ДОЛЛАРОВ ЗА 1 ГРАММ! И это — при стабильной цене 400 долл. за унцию (31 г), т.е. 12,9 долл. за грамм. Еще зимой 1990—1991 гг. цена золота на лондонской бирже доходила до 412 долл. за унцию! АйФ сообщает, что цена на золото сейчас упала до 350 долл. за унцию (11,3 долл. за грамм), но ведь это следствие советского «золотого залпа»!

Как ни оценивать состояние цен на мировом рынке золота, остается загадочным главный вопрос: почему золото продано по смехотворно низкой цене — 218

долл. за унцию? Почему стало возможным такое чудовищное разбазаривание золотого фонда СССР??? В масштабе честных деловых операций это означает, что 80 тонн золота просто ОТДАНЫ БЕСПЛАТНО ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СССР В ЧЬИ-ТО РУКИ ЗА РУБЕЖОМ!

Цена 234 тонн золота составляет все же 1,638 млрд. долл., а колеблется от 2,64 до 3,0 млрд. долл., причем последняя цена более вероятна. Значит, Союзное правительство подарило кому-то более-миллиарда долларов! Не слишком ли велик подарок от нашей нищей страны?

Что такое 80 тонн золота? Это два крупных месторождения мирового значения, выработанных до дна; два брошенных рудника, два мертвых поселка, десятки тысяч шахтеров... И если годовые потери оцениваются в миллиард, то сколько потеряно Внешторгом, Минфином и Правительством СССР только на золоте за последние 10—15 лет?

Скупщикам краденого известен закон: если продают дешевле своей цены — это неспроста. Тот же закон, но с другой стороны, известен и продавцам: если торгуешь краденым — снижай цену! Так почему же российское, узбекское, якутское, казахское золото уходит за границу по дешевке? Что это: ГЛУПОСТЬ ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Прокуратура СССР не возбудила дела против Правительства СССР о хищении 80 тонн золота из золотого запаса СССР, иначе говоря, о хищении в особо крупных, невероятно крупных размерах.

Но, может быть, наберется смелости Прокуратура России, Казахстана, Якутии и других республик? Ведь совсем не исключены переводы десятков и сотен миллионов долларов в виде взяток за воровские сделки за счет народа — на секретные счета швейцарских банков! Это ведь не подачка в 60 рублей компенсации (2—3 доллара по курсу) за переход к нищенской стадии «развитого социализма»? Интересно также узнать, по какой цене продавалось советское золото в прошлые годы? Не исключено, что потери от продажи золота оцениваются многими миллиардами долларов. Потери — для народа СССР, но жива — для банкиров и финансистов капиталистического мира.

Тогда возникает последний вопрос: **КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?**

ГОД У ВЛАСТИ БЕЗ ВЛАСТИ

Председателю Исполкома Моссовета Лужкову 54 года. В столице он олицетворяет реальную власть, которая дает жилые квартиры и помещения под конторы, продает автомобили и продукты, поднимает зарплату малооплачиваемым муниципальным работникам и назначает дополнительные субсидии на детей.

Именно Лужков и его команда отвечает и за чистоту улиц, и за плохие дороги, и за отсутствие мест в гостиницах, и за рост хулиганства, и за недостаток общественных туалетов. И он (может быть, деля эту участь только с Гавриилом Поповым) — одна из основных мишеней прессы. За пустые прилавки, безудержный рост цен, вообще за все тяготы жизни в нашем городе. Причем обстреливают и справа, и слева, и с центра. И в то же время с момента назначения и по сей день Лужков, наверное, единственный человек, который на своем месте устраивает всех. Своей устойчивостью к воздействиям толпы и начальства, своей разумной неторопливостью и умением быстро принимать решения там, где того требуют обстоятельства. И, наконец, своей немислимой работоспособностью по 14—16 часов в сутки, включая зачастую и выходные дни.

Сегодня мы публикуем интервью, которое Юрий Лужков дал обозревателю «Столицы» Владиславу Янкулину.

— Юрий Михайлович, Явлинский недавно сказал, что в сложившейся в стране ситуации все решает уже не программа, а команда. Наверное, он имел в виду, что в связи с чрезвычайным положением в экономике нужна «пожарная» команда. Какова ваша команда?

— Взаимоотношения в моей команде основаны на общих интересах и на стремлении как можно быстрее реализовать поставленные цели. Нет в нашей среде ни панибратства, ни комплиментарности — отношение даже к успехам спокойное. А ошибки разбираются без всякой оглядки на лица. Моя команда — это 17 человек, во всяком случае пока 17, у каждого из которых есть дело, за которое он отвечает. Но при этом каждый может участвовать при малейшей необходимости в обсуждении и принятии решений по любому вопросу. Причем не в качестве экспертов, а именно как лица, принимающие решения. У них право принимать, но и отвечать за эти решения.

Ибо наша работа, как и общегородская жизнь, строится по междисциплинарному принципу, на стыках, как принято говорить, проблем.

Взять, например, торговлю: она зависит от производителей товара — тех же предприятий легкой промышленности, транспорта, обеспечивающей своевременную доставку этих товаров, строителей, производящих ремонт существующих и строительство новых магазинов, наконец, в самой торговле множество своих проблем — от охраны до эстетики витрин и этики продавцов. Причем названные «цепочки» этим не исчерпываются. Та же легкая промышленность испытывает проблему кадров, для которых нужны общежития, а это опять завязано на строителей.

Таков клубок городских проблем, где все переплетено и закольцовано. И любая из них требует своего финансового обеспечения, которое, в свою очередь, нуждается либо в изыскании бюджетных средств, либо в нахождении спонсоров, либо в параллельной коммерческой программе, которая бы заработала деньги для жизненно важных объектов. Короче, простых проблем у нас в городе не бывает и почти не бывает проблем, которые бы я мог решить, переговорив, скажем, с руководителем какой-нибудь одной службы.

— Структура исполкома и связанная с ней, естественно, система принятия решений сохранилась со времен Промышлова?

— Она, конечно, изменилась. Но менять надо более кардинально. В связи с приватизацией многие вопросы переходят на совершенно другой уровень — самоорганизации и таким образом уходят из исполкома. Ни один муниципалитет за рубежом не занимается поставками продовольствия и снабжением магазинов. Организацией торговли в какой-то мере заниматься надо: следить за тем, чтобы жители были обеспечены всем необходимым и доступным для условий данной страны и данного города, контролировать взаимодействие городской среды с торговлей на основе существующего законодательства. Но ни в коем случае муниципалитет не должен разгружать вагоны — пока это только наша особенность.

Возьмите бытовое обслуживание, где у нас были и министерства, и главки, и территориальные управления всех уровней и еще множество различных организаций, таких, как, научно-исследовательские и учебные институты. Во всем мире эта сфера регулируется конкуренцией небольших лавочек, в которых ремесленники разных профессий — от ювелиров и часовщиков до мойщиков окон — осуществляют свою деятельность по заказам людей. Зачем нам в городской структуре управления иметь «быт» — зани-

маться поставками сырья, запчастей, следить за часами их работы? Пусть сами себе покупают все необходимое, пусть гибко реагируют на потребности населения и пусть исправно платят налоги. Нам больше от «бытовиков» требовать нечего.

Надеюсь, что нынешние наши обязанности все-таки отомрут.

— Когда, вы думаете, это может произойти?

— Думаю, года через три все закончится либо полной катастрофой, либо мы начнем выгрывать на устойчивое повышение наших акций.

В исполкоме должен быть отдел, занимающийся развитием инфраструктуры в новых районах и совершенствованием ее в старых. Но исполком не должен находить стройматериалы, оборудование, профессионалов для того, чтобы открыть новый ресторан или химчистку. Его функция в данном случае информационная: пригласить всех желающих этим заняться, выбрать из них наиболее надежного, предоставить ему все необходимые права, получить от него юридические гарантии договорных обязательств.

Прямыми функциями исполкома остаются в обозримом периоде градостроительная политика — застройка и реконструкция, развитие коммуникаций — водоснабжение, канализация, энергетическое обеспечение. Впрочем, и они, частично или полностью, могут быть переданы каким-либо организациям, государственным и частным. В зависимости от конкретных обстоятельств те будут получать либо особо выгодные условия (скажем, освобождение от налогов или банковский беспроцентный кредит), когда нужно решить за короткое время жизненно важную для города проблему, либо, наоборот, за выгодный контракт станут бороться многие организации, и предпочтение получит та, которая готова платить городу максимальные налоги или в рамках благотворительности финансировать еще какой-то городской проект.

Аномалия существующей системы управления в городе, и в высших городских структурах, и в нижестоящих — районных, в том, что нет четкого разделения функций. А властные функции обладают притягательностью. Все хотят распределять, но мало кто хочет производить.

Московский Совет стал крупной структурой — несколько сот депутатов, многие из которых считают себя преуспевающими политиками и потому практически ничем больше не занимаются. И им нужно обеспечить себе поле деятельности. Кроме того, Московский Совет стал мощной организацией с большим числом освобожденных работников, со своим финансовым счетом и желанием зарабатывать деньги. И вот его структуры стремятся совместить, а порой и захватить функции, которые могут принадлежать только исполнительной власти, то есть исполкомом.

Мы как-то подсчитали — причем это далеко не полные данные, — что конфликтные ситуации в последнее время в Москве развернулись вокруг сотен объектов. Конфликты касались не только городского, но и районных Советов, а также исполкомов города и районов. Так вот во всех этих конфликтах приостанавливались важные для города и людей объекты — их строительство, пуск, замораживались огромные средства, лишались работы тысячи людей — все было в простое, пока выяснилось что к чему. А ведь речь идет о строителях, людях одной из наиболее дефицитных в Москве профессий. Ущерб только от этих конфликтов можно оценить в сотни миллионов рублей.

Всем известно, что заморожено строительство Север-

ной ТЭЦ. Опломбировали недостроенный объект, который должен был обогревать и обеспечивать развитие северной части города. В этом направлении развития городской среды замерло. Сложившийся здесь баланс тепла не позволяет уже строить дома, не говоря уж о хлебопекарнях, химчистках. Больше того, из-за консервации Северной ТЭЦ энергетиками отозваны соглашения на уже запланированные объекты. С большим трудом удалось мне вырвать у них согласие на несколько колбасных цехов и других пищевых предприятий, без которых район задохнется от нехватки продовольствия. Но десятки объектов культурного назначения, бытового обслуживания и многие пищевые предприятия останутся на бумаге. А значит, на бумаге останутся и все наши сотования на то, что детям вечером некуда деться и они трут по подъездам, что в химчистку надо ехать с сумками в центр, что после работы приходится тащиться через весь город с продуктовыми сумками, набитыми в обеденный перерыв.

Каждому из противников Северной ТЭЦ известно что в его микрорайоне не хватает магазина, химчистки, пекарни. Но ему представляется, что это никак не связано с новой ТЭЦ; подумаешь — еще один небольшой потребитель электроэнергии. Но когда все эти объекты со всех микрорайонов складываются — а их тысячи (!) — и умножаются на гигакалории, то выясняется, что без Северной ТЭЦ это будут замороженные коробки.

Бог нас милует, что все эти годы морозы либо небольшие, либо непродолжительные. Отказ от Северной ТЭЦ не только заморозил развитие северной части города, но и поставил под угрозу всю его энергетику. В Москве больше 20 ТЭЦ, расположенных главным образом по периферии, а также множество больших и малых котельных, которые в совокупности ухудшают экологию значительно больше недостроенной станции. Так вот, если бы Северная была построена, необходимость во многих местных производителях тепла отпала, и, главное, у нас появились бы некоторые резервы мощностей, которые бы позволили последовательно, по кругу, ставить теплоэлектроцентрали на ремонт. После ремонта соседних ТЭЦ их экологические характеристики также бы улучшились, суммарный выброс продуктов горения стал бы меньше. Так примитивный эгоизм, а также непонимание и технических и экономических решений приводят к результатам, прямо противоположным тем, которые хотели получить. Северная ТЭЦ, хотя и крупный объект, но один. А таких по городу остановлено 350. Кому-то не нравится, что рядом с его домом строится еще один жилой дом. То ли воздуха жалко, то ли бояться, что очереди в магазинах за водой станут чрезвычайными. Но этот недовольный выходит на улицу и начинает поджигать бытовки строителей, бить стекла, ломать все, что подвернется под руку, короче, выражает протест. Дошло до того, что в Южном Бутове были вынуждены остановить строительство жилья. Объяснить с точки зрения здравого смысла это было нельзя: люди здесь живут в ветхих избах и бараках, нет элементарных удобств. Методом «волны», постепенно строя и переселяя, их предполагалось поселить здесь же, в Бутове, в хорошие благоустроенные квартиры. Причем не только многоэтажки, но и коттеджи. Поверить в отказ от такого благодеяния было невозможно. Стали выяснять. Оказывается, противятся этому не местные жители, а те, у кого в районе сохранились личные дачи. И те, кто зимой живет на своих квартирах совсем в других районах, возбудили местное население против строительства. А сейчас идет обратный откат — местные жители просну-

лись, поняв что к чему, и уже, так сказать, с ножом к горлу требуют, чтобы строили здесь дома и как можно быстрее. Но время-то потеряно. Абсолютно такая же ситуация в микрорайоне «Ухтомская».

Или здесь же, в Южном Бутове, начали прокладывать новый коллектор. Прокладка ведется на глубине 70 метров проходческим щитом (выходы наружу небольшие и через интервалы не менее полукилометра). Все равно твердят: нарушается экология! Какая экология? Покажите. Не могут ничего грамотно объяснить, низ-з-з-я — экология!

— Почему бы не создать в исполкоме некую группу паблик релейшенз, которая, с одной стороны, изучала бы общественное мнение в подобных случаях, а с другой — формировала бы его разъяснением истинного положения дел. Может быть, Северную ТЭЦ также бы не останавливали?

— Это дело не исполкома, а Совета. Взаимодействие с населением, или, как вы говорите, связь с общественностью, это дело Совета. Драматичность ситуации состоит в том, что некоторые депутаты, по неразумению чаще всего, а иногда по нежеланию глубже вникнуть в суть дела, в своих предвыборных программах широкообещательно заявляли, что они добьются запретов на новое строительство, остановят уже почти готовые объекты. И этими своими обещаниями загнали себя и город в угол, стали их заложниками.

В Хорошевском районе на улице Паршина закрыли строительство 17-го хлебозавода. Это должен был быть хлебозавод, выпекающий 200 тонн черного хлеба в сутки. Жители возразили — боятся ухудшения экологии. Район действительно перегружен автобазами, промышленными предприятиями, воинскими частями и прочим. Жители не возражали против того, что хлебозавод — экологически чистое предприятие, они говорили: нам предприятий вообще хватает.

А ведь можно было спокойно сесть за стол и предложить: раз городу так нужен этот завод, да и мы понимаем — без хлеба сидеть никто не хочет, давайте завод построим, а в виде компенсации выведем из района какое-нибудь промышленное предприятие. Этот диалог в парламентском режиме, не останавливая строительства, мог бы решить проблему к всеобщему удовольствию. Но требование жесткое, ультимативное: остановите строительство, а потом мы будем разговаривать. И вот остановили, будто бы не понимая, что строители сейчас разбредутся на другие объекты. А мы будем напряженно думать: как реконструировать и ремонтировать заводы, безостановочно пекущие хлеб с 30-х годов? Останавливать надо — недалеко до беды, какая уже была и с хлебопекарнями и с табачными фабриками — тотальная остановка. А останавливать нельзя — хоть с хлебом сейчас нет напряженки в столице, и то спасение...

— Исходя из той картины, которую вы нарисовали, надежды на самоорганизующееся естественным образом хозяйство города невелики. Даже если и предположить, что за 3—4 года что-то изменится к лучшему. Ведь пока никаких шагов, кроме силовых методов, которые противопоставлены самоорганизации, нет?

— Да, здесь вы правы... С 1985 года идут процессы, которые мы называем перестройкой. На мой взгляд, перестройка — это когда здание в целом сохраняется, а какие-то его элементы — будь то части фундамента, перекрытия или ненесущие стены меняются. Но основное остается. Что получается у нас? Из-за непрофессионализма нашего руководства пять лет идет оголтелая деструкция хозяйств-

ва (я не говорю о политике — там процессы иного рода, воздействие на них подчиняется принципиально иным закономерностям). Причем речь о развале очень мощного потенциала государства. Можно говорить о непропорциональности его развития, о бессмысленно раздутым военно-промышленном комплексе и вообще так называемой промышленности группы А, но так или иначе народно-хозяйственный комплекс весьма внушителен.

Деструкция, к сожалению, продолжается. Люди, которые стоят сегодня у власти и у которых она действительно есть — над финансами, над ресурсами, над валютой, над налогами, наконец, над людьми (это лучше всего продемонстрировал проведенный и никому не нужный обмен денег), этого не понимают.

Уже давно должна была наступить пора синтеза, созидания. В идеале она идет сразу же вслед за деструкцией, точнее, созидание должно было вытеснить то ненужное, что только выглядело постройкой, а на самом деле либо давно сгнило, либо служило декорацией. И если мы хотим, чтобы это созидание начало приобретать реальные очертания, то для этого должны прийти другие люди.

— *Кого вы имеете в виду, когда говорите о людях, стоящих у власти? Ведь и Ельцин, и Попов, и Собчак, да и вы также стоите у власти, другое дело, насколько реальна эта власть?*

— Я имею в виду союзное правительство и аппарат Президента, а также реальную власть в Москве, Ленинграде — далее везде. Если говорить непосредственно о Москве, то здесь есть объективные сложности роста. Не хватает опыта работы у новых Советов и новых исполкомов, их взаимосвязи друг с другом. Немало ограничений, которые сверху накладывают союзные органы, а снизу — районные Советы. Законопослушность упала до нуля, воздействие на руководителей районного уровня чаще всего ни к чему не приводит. Мы вынуждены прибегать к крайним мерам, а это уже далеко от нормального управления городом и его хозяйством.

В итоге — многослойная структура власти приводит к полному упразднению властных функций. Принимается решение, и тут же один из тех, кому оно предназначено, говорит: я считаю, что оно неправильно. Этот человек может находиться как рядом с лицом, принимающим решение, так и ниже его. В итоге реальной власти нет. Ни у Собчака, ни у Попова нет сегодня возможности активно заниматься созидательными процессами. В сложившейся ситуации их огромные усилия направлены на одно: удержать от окончательного развала систему жизнеобеспечения городов. Другой задачи у них попросту нет: разве созидательная задача — вводить талоны или карточки и как это делать? Эта задача имеет цель только одну: не допустить катаклизма, вызванного развалом системы. Могу сказать, что огромный потенциал и Попова, и Собчака сегодня расходуется крайне неэффективно.

Вообще-то они должны были заниматься синтезом новых рыночных структур, новых структур городского управления. Как-то им удается выкраивать время и для нормальной работы — свидетельство тому, скажем, очень глубокие разработки Попова по структуре городского управления. В ней предусмотрены должности мэра, вице-мэра и небольшого, но профессионального и эффективного муниципалитета. 50—60 депутатов — больше не нужно. 500 начинают искать себе работу и занимаются в связи с этим не своим делом.

Согласно этим предложениям Попова, законодательно должны быть определены и система подчиненности и система назначаемости. Председатель исполкома ут-

верждается сессией по представлению мэра. Районные советы упраздняются, райисполкомы остаются. Председатели райисполкомов назначаются мэром. Мэр определяет и схему районирования, решение кардинальных и спорных вопросов. За свои решения мэр, естественно, несет персональную ответственность. Неважно, сколько в городе — 22, 33 или 10 — районов. Главное, чтобы они были управляемы, чтобы объем проблем не превышал возможности управляющих структур.

А пока у нас суверенитет каждого отдельного дома определяется комитетом общественного самоуправления, райисполкомом, районным советом. Московским горисполкомом, Московским советом, Российским правительством, Российским парламентом, Совмином Союза и Союзным парламентом. И в промежутке еще может влезть какое-нибудь министерство или ведомство, которое также захочет определять судьбу «своего» имущества.

— *Кто же будет определять судьбу этого дома?*

— Я думаю, прежде всего его собственник.

— *А кто собственник — районный совет или райисполком и т.д.?*

— Изначально — город.

Централизация власти в городе — вещь неизбежная, иначе никуда не прийти. Что важно? Сохранить возможность смещения демократическим путем руководителя, который оказался несостоятельным. В США даже для президента есть принцип импичмента — отстранения от власти в связи с юридически компрометирующими обстоятельствами. Так и у нас должен быть заложен механизм отзыва руководителя, который не оправдал доверие избирателей. В предложениях Попова эта возможность предусмотрена. Она трактуется как возможность Московского Совета поставить вопрос перед Председателем Верховного Совета России или ее президентом о переизбрании мэра. Там, правда, есть и предостережение против необдуманных обвинений: в случае если мотивировка предложения муниципального совета окажется необоснованной или сомнительной, президент может принять решение о переизбрании этого муниципального совета. Таким образом, высшему руководителю России предоставлено право и смещения главы муниципалитета и роспуск самого муниципалитета.

Конечно, надо проанализировать, насколько это право достаточно. Мы уже как-то свыклись с мыслью, что власть в городе принадлежит демократическим силам. И что бы там ни говорили, наиболее реальная и наиболее приемлемая фигура, возглавляющая эти силы, — сам Попов. Он и город хорошо знает, и прекрасно владеет экономическими механизмами и процедурами, человек очень творческий, способный и свою идею предложить и понять чужую. Повторяю, я знал многих руководителей, и в лице Попова вижу очень сильного, грамотного, стратегически и вариативно мыслящего экономиста.

Так вот вдруг придет на его место с помощью «комитета общественного спасения» или какой-нибудь другой крайне ортодоксальной организации иной человек, который повернет вспять все демократические преобразования в городе. Кстати, не меньшую опасность может представлять приход к власти и крайне левой группировки, тогда нам придется переживать нечто подобное китайской «культурной революции». Каждая из крайних группировок может под своими лозунгами воспроизводить в наше время год 1937-й...

Этого допустить нельзя.

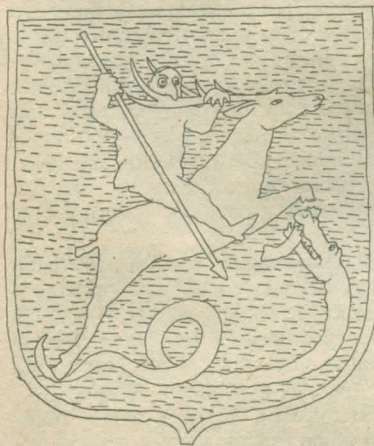
Нижний Новгород

АВТОНАЕЗДОМ — ПО ПЬЯНСТВУ

Наша жизнь с каждым днем все больше напоминает «черный» анекдот.

Вечером по Нижнему Новгороду ехал автомобиль «Жигули», водитель которого был в таком состоянии, что машине ширины дороги едва хватало. Но, как известно, и в наши дни есть место подвигу: проезжавший мимо на «Волге ГАЗ-21» Павел Казаков, увидев такое дело, бросился догонять машину ГАИ, чтобы обратить внимание автоинспектора на безобразие, пресечь и обезвредить.

Однако как только движимый благородными помыслами Павел вышел из машины и стал объяснять гаишнику, в чем дело, сзади уже подоспел пьяный «Жигуль» с гражданином А. за рулем и врезался в «Волгу» Казакова. Удар был сильным. «ГАЗ-21», в свою очередь, «въехал» в «ГАЗ-3102» ГАИ. Причем гражданин А. ничего не понял и, когда его вытаскивали из машины, вскрикивал: «Почему вы меня оставливаете?»

Кузов «Волги ГАЗ-21» восстановлению не подлежит. Правда, страховку Павлу Казакову обещают выплатить, но по старым, низким расценкам.

Да, после такого не раз подумаешь, прежде чем сделать благородное дело.

Андрей СМЕРНОВ

Анатолий СМЕРНОВ

Карикатуры рисовал В. Пасичник

Винница

ПЛАНИРУЮТСЯ РАСКОПКИ БУНКЕРА ГИТЛЕРА

Кроме повышенного уровня радиации, Винница славится еще и тем, что во время войны Гитлер приказал построить здесь подземный бункер для своей ставки. И вот этим летом ученые планируют начать раскопки бункера — несмотря на предупреждение супругов Глоба о том, что из казематов могут быть выпущены томящиеся там темные силы и окутать собой город.

Предполагается, что бункер имеет форму свастики, а в целом его объем — 25 тысяч квадратных метров. Исторический интерес раскопок заключается в том, что в бункере, видимо, сохранилась часть нацистских архивов. К тому же, по мнению исследователей, в погребенной ставке находится немало ценностей. Например, знаменитую Янтарную комнату, исчезнувшую из послевоенного Кенигсберга, ученые надеются найти именно здесь.

После того как бункер исследуют, его предполагается использовать в качестве склада-холодильника, так как казематы строились в скальных породах.

Елена ОСТАПЕНКО

Новосибирск

АКТ ПАЦИФИСТА БАБЕНКО

Оригинальную форму против военного призыва в армию избрал семнадцатилетний А.Бабенко. Он выпустил единственный экземпляр газеты «Пацифист», представляющий

Осколки собирала Е.Аверина

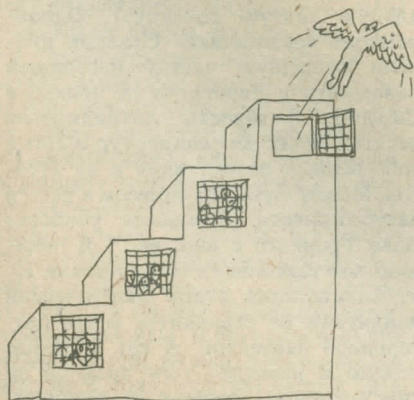

собой достойный образец «хоум-арта» (домашнее искусство) со вклеенными статьями из местной молодежки и карикатурами на тему дедовщины. Бабенко отправил свое детище в военкомат Центрального района Новосибирска. Через четыре дня призванного пригласили туда на беседу отеческо-патриотического содержания, которая, похоже, не дала никаких результатов. Неугомонный редактор собирается выпустить второй номер «Пацифиста» — уже в десяти экземплярах — и разослать их по всем военкоматам города.

Валентин СИДОРОВ

Чимкентская область НА СВОБОДУ — С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

В одной из исправительных колоний Чимкентской области в этом году проводилась попытка эксперимента с осужденными. Не пугайтесь, суть

его всего лишь в том, что изменилась система с видами режима, которые

сложились у нас со времен ГУЛАГа и существуют поныне. В экспериментальной колонии отменили общий, особый и поремный режим, а взамен сделали три вида наказания: открытый, полузакрытый и закрытый.

Этот дерзкий эксперимент предполагает в будущем в каждой колонии установить четыре ступени «продвижения» осужденных. Это выглядит так.

Первая ступень — так называемый карантин. Начало срока здесь отбывает и тот, кто получил десять лет за непреднамеренное убийство, и тот, кто «загребел» на два-три года за спекуляцию, растрату или пьяный дебош. Карантин — самое уязвимое место новшества. На второй и третьей ступени режим слабеет, а заработок — увеличивается. Ну а на четвертом этапе «исправления» зек может даже рассчитывать на краткосрочный отпуск домой, чтобы побыть в нормальной среде и почувствовать себя человеком.

В общем, мало кнута и много пряника.

Одно «но»: чтобы эксперимент стал для всех наших зеков действительностью, надо отменить две статьи Уголовного кодекса и двадцать восемь статей исправительно-трудового кодекса.

Валерий РУДАКОВ

Киев НУ ЧТО, АКУЛА, СЪЕЛА?

У богатых свои привычки, мог бы подумать каждый из нас, изучив список подписных изданий из 140 наименований на сумму 1200 рублей. Но такую солидную подписку на 1991 год сделал не подпольный миллионер, а житель села Русава, тридцатилетний Василий Рочняк, инвалид труда второй группы, пенсионер.

Он не только подписался. Похоже, что все 140 изданий, включая «Каталог технической информации», «Пачемыш», «Пионер йук», «Чукинэи», а также журналы на испанском и японском языках подписчик усердно читает.

О себе Василий сказал без затей: «Я просто хотел побить рекорд по подписке среди пенсионеров».

К сожалению, выяснить, как отнеслись к рекорду Рочняка его жена и двое детей, не удалось. Зато мы установили отдельные штрихи к портрету самого читающего пенсионера: в прошлом году заочно окончил Мос-

ковскую школу рационального чтения, в нынешнем — также заочно — изучает несколько языков. Родной язык — украинский.

Вот какие у нас пенсионеры! И иная «акула империализма», перелистывая «Книгу рекордов Гиннесса», на странице с именем Василия подавилась бы от бессильной зависти своей американской сигарой!

Ольга ГЕРАСИМЮК

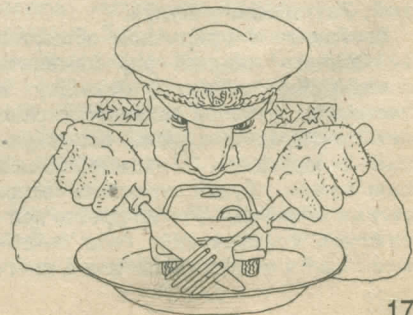
Архангельская область СТРАСТИ НА КОСМОДРОМЕ

Определенно, смятение закралось в ряды наших доблестных северных военных-ракетчиков. Еще не так давно на центральной площади города Мирный (недалеко от космодрома Плесецк, с которого запускают спутники серии «Космос») устроил голодовку майор Э.Фоменко, требуя освободить парторганизацию от лжекоммунистов.

А теперь здесь демонстративно голодали подполковник У.Шайнуров (депутат Архангельского облсовета) и майор В.Хальфан (депутат Мирнинского горсовета). Правда, цель голодовки была не такая высокая, как у их предшественника: военные депутаты протестовали против несправедливой дележки причитавшихся гарнизону «Жигулей».

Сам генерал-лейтенант Олейник поспешил утвердить весьма спорный список будущих автовладельцев. Все это «нужные люди»: начальник теплицы, начальник клуба в Нарьян-Маре, начальник политотдела, первый секретарь Плесецкого райкома КПСС, председатель местного горсовета... кого из них вовсе не было в очереди, кто числился на ее задворках. Изрядно похудев, Шайнуров и Хальфан прекратили голодовку. В Мирном побывала московская комиссия, да что с нее толку: автомобили-то уже при хозяевах.

Александр МАКЕДОНСКИЙ

Владимир ВОРОНОВ,
аспирант
Московского
историко-архивного
института

ШПИОНЫ

Событие, о котором пойдет речь, имело место уже почти полгода назад. Именно событие, хотя никто его не заметил и достойно не отметил.

... Утром ко мне постучался друг: — Спишь? А на почтамте вот что дают! — и продемонстрировал мне конверт. Моя душа старого филателиста радостно взывала: ТАКОГО я еще никогда не видел. «Давали» весьма интересные вещи: конверт первого дня, новую серию марок и производили спецгашение. Для непостоянных объясню. Конверт первого дня (так и именуется) выпускается в честь определенного события или юбилея с соответствующей надписью «первый день» (имеется в виду день выхода в обращение) и обычно сопровождается специальным памятным гашением в эту честь.

А теперь из области политической филателии. Конверт был посвящен, цитирую дословно, 70-летию «Советской внешней разведки». На конверте имелось и соответствующее красивое изображение щита и венка, на штемпеле памятного гашения — щита с мечом... Впервые в истории отечественной филателии отмечен даже не юбилей ВЧК—КГБ, а именно юбилей советской «внешней разведки»! (Кстати, а как понимать слова «внешняя разведка»? Как признание факта существования и разведки «внутренней»? Я-то всегда, по серости своей, считал, что разведка может быть только внешней, а если внутри, то это уже не разведка...) Мало того, спецгашение сопровождалось выходом целой серии марок «Советские разведчики». На них изображены Абель, Филби, Молодой, Ваупшасов и Кудря.

Вообще-то в приличном обществе не принято лишней раз поминать спецслужбы вообще, а разведку, в частности. В любой западной стране нет почтовых выпусков, посвященных «органам», занимающимся шпионажем (будем называть вещи своими именами). Это же просто неприлично, считают там, если почтовые службы отметят шпионов и шпи-

онскую организацию! И в принципе не важно, идет ли речь о «хорошей» спецслужбе или «плохой»... Нет выпусков, посвященных ЦРУ, например. Ладно, у советских «особенная» гордость. Ладно, разведка все-таки, не каратели-костоломы и охотники за диссидентами — и то хорошо! Однако о какой, собственно, разведке идет речь? Их же у нас две, и действуют они на внешней арене порознь. Символика дает нам вполне определенный ответ — речь идет о юбилее нынешнего Первого главного управления КГБ (оно, кстати, так и именуется — «внешняя разведка»), а не армейского ГРУ. Хорошо, если идет речь о юбилее, то принято вспоминать и деятельность «юбиляра», хотя бы некоторые ее детали и подробности.

Итак, чем же прославились разведчики-чекисты за 70 лет, что такого славного они совершили, дабы увенчать их памятным выпуском?

Мы много слышали о героической и славной борьбе наших чекистов с иностранными спецслужбами в 20—30 годы, о добытых ими военных и иных секретах, о внедрении во вражеские разведки... Но... но деятельность Иностранного отдела (так именовался в 30-е гг. отдел ОГПУ—НКВД, занимавшийся разведкой) имела такое же отношение к разведке, как и к охране окружающей среды. Основной задачей этого подразделения всегда была борьба с политической оппозицией Советского режима и компартии за рубежом. В конце концов и в Российской охране существовало подразделение, занимавшееся контролем за деятельностью политической оппозиции за рубежом, но никто его разведкой никогда и не называл (и памятных филателистических серий не выпускал). Так что эта самая «внешняя разведка» была не чем иным, как внешним ответвлением тайной политической полиции, «вооруженного отряда партии», известно чем всегда занимавшегося. И среди «выдающихся» деяний чекистов — «разведчиков» того вре-

мени — убийства лидеров русской политической эмиграции, похищения, элементарный политический бандализм. Все эти операции «Трест» с заманиванием на территорию Совдепии Бориса Савинкова, похищения генералов Миллера и Кутепова, Анненкова, многочисленные убийства в Европе ближе к политическому терроризму, нежели к разведке, и делают мало чести настоящему разведчику.

Другая сторона деятельности «разведки» ОГПУ—НКВД тоже не слишком героична: осуществление руководства компартиями, входившими в Коминтерн. Коминтерн, по сути, лишь обеспечивал прикрытие многоплановой работы тайной полиции советского режима по внедрению агентуры во все сферы западного общества. И в «большевизацию» (то есть сталинизацию) западных компартий чекисты внесли решающую лепту, не останавливаясь перед физической ликвидацией непослушных лидеров. «Внешняя разведка» наиболее сильно прославилась во время Испанской войны, нещадно истребляя всех «непокорных» и «подозрительных» в рядах республиканцев, наводя страх и ужас не на франкистов, а на мирное население и бойцов самой республиканской армии (что вовсе не помогло ликвидировать реальную «пятую колонну»). Одновременно «разведчики» Сталина провели нещадную чистку настоящей разведсети в Европе (и не только в Европе), физически ликвидировав десятки своих же резидентур и сотни собственных разведчиков и их агентов. Может быть, мы занесем в реестр «выдающихся» удавшееся убийство Льва Троцкого в Мексике?! Я понимаю, что таков был заказ и приказ. Но от констатации этого политический бандализм не становится более благородной разведкой. А вот реальные успехи в разведке того времени на счету именно военных разведчиков, а не «внешней разведки» НКВД. Столь прославляемые Рихард Зорге, Ян Берзин, Лев Маневич и многие

ГЕРОИ?

другие, действительно разведчики, не являются героями КГБ, потому как являлись деятелями именно военной разведки, и гордятся ими могут и должны не чекисты КГБ, а разведчики ГРУ. «Внешняя разведка» довоенного периода поставляла руководству не разведанные, а те «данные», которые от них требовало сталинское руководство. Иная же информация просто отменялась. И в военное время больше реальных дел на счету именно военных разведчиков, а не чекистов. Чекисты предпочитали заниматься любимым делом: в тыл противника засылались «разведчики», которые должны были составлять список попавших в плен — для «принятия мер» в отношении их семей. Не перестали наши «органы» и вести борьбу против наших союзников — именно во время войны с общим врагом в английскую разведку внедряют нашего агента Кима Филби... В общем, и в тылу врага надо выявлять «врагов народа»...

Были и иные деяния, но полиция остается полицией. Как были чекисты карателями и террористами, а часто и провокаторами, так и остались ими во время войны. Агентура НКВД провоцирует уничтожение ряда руководителей польского Сопротивления — Армии Крайовой. При помощи провокации руками гестапо убивается руководство Украинской повстанческой армии, вместо того чтобы попробовать договориться о борьбе с общим врагом (для украинских «националистов» немцы были таким же врагом и противником «самостийности», как и «красные»). Вспомните, чем занимался в «свободное от основной работы время» разведчик-чекист Николай Кузнецов? Что погубило Кузнецова как разведчика-профессионала? Терроризм. Его сгубил именно бессмысленный, тупой терроризм. Я беседовал в свое время с одним из руководителей отряда Медведева, полковником КГБ в отставке. Он прямо сказал: «Наш отряд подчинялся лично наркомму госбезопасности и, мы имели четкие и

однозначные его указания — террор только террор, индивидуальный террор против руководителей немецкой администрации и противников советского строя, террор, а не разведка и партизанская война!»

И эта «славная» деятельность тянется в последующее время. Убийство Степана Бандеры в Западной Германии, попытка убийства лидера НТС Околовича чекистом Хохловым...

В общем, не вижу значительных событий, ввиду которых можно было бы отметить нашу «внешнюю разведку». Разве припомнить нашим разведчикам, что на основе и их информации вводились войска на территорию Афганистана, посылались советники и оружие в Африку, Азию и Латинскую Америку, принимались решения о размещении ракет в Восточной Европе и тому подобное и так далее?.. А уж сколько сил и средств было потрачено на внедрение наших «внешних разведчиков» на «подрывные радиочастоты» — «Радио Свобода/Свободная Европа!» Помните? Один Туманов чего стоит! Меня забавляет, что эти внедренные наши «разведчики» вещали на СССР всяческую антикоммунистическую антисоветчину! Вклад КГБ в дело развала «цитадели империализма» и ее «радиоголосов», результат этой деятельности для всех ныне очевиден. Где мы и где «Радио Свобода»... Что у нас было и есть и о чем «оттуда» нам говорили и говорят... Так что эта сфера профессионального интереса КГБ вызывает

вполне резонный интерес и весьма уместные смешки...

Ладно, может сказать читатель, черт с ней, с разведкой, с организацией. Дашь нам человеческий фактор, дашь нам филателию с людьми — может, хоть люди-то хорошие?! Увы, придется разочаровать — и с героями марочной серии накладок хоть отбавляй. Опять-таки, в приличном обществе не только шпионским организациям, но и персонально шпионам марок не принято посвящать. Даже весьма приличным и знаменитым. Нет марок с Лоуренсом. Нет на марках и портретов руководителей британской разведки периода войны, нет марок с портретом адмирала Канариса... Впрочем, ранее у нас выходили марки с портретом Дзержинского, Рихарда Зорге, Медведева и др. Кого-то из них можно было считать выдающимся разведчиком, кого-то — государственным деятелем, военачальником или героем-партизаном. Времена были такие и критерии соответствующие. Но все пять героев серии — сотрудники НКВД—КГБ, ведомства весьма специфического и стоящего ближе к жандармскому, чем разведывательному. А в старые (до 17-го г.) времена в традициях русского офицерства было не подавать руки тем офицерам, кто из армии ушел служить в Отдельный Корпус Жандармов.

Итак, о людях. Чем знаменит Рудольф Абель? Причастен к знаменитому «атомному шпионажу» в США,

за который заплатились жизнью на электрическом стуле советские агенты-супруги Розенберг. Знаменит Абель и своим обменом на сбитого пилота У-2 Пауэрса. По меркам западного мира, Абель весьма высококлассный разведчик, но не слишком уж выдающийся, чтобы увековечить его на почтовой миниатюре.

Конон Молодой, герой очерка «Профессия — иностранец». Человек, работавший непосредственно с Абелем, его преемник, шеф резидентур КГБ в Англии и Северной Америке, более известен под именем Лонсдейл. Как и Абель, провалился, был взят английской контрразведкой, получил срок, но впоследствии его обменяли на англичанина Винна (этому англичанину «шили» соучастие в деле Пеньковского), но доказать это так и не смогли).

Третий герой нашей портретной галереи — тоже «сгоревший» и провалившийся разведчик — Ким Филби. О нем у нас писали довольно много. Его характеризует то, что он изменил своей стране из идейных побуждений — он был ярким поклонником коммунистической идеологии и последовательным сталинистом до мозга костей. Для меня проблематично: стоило ли делать в эпоху «нового политического мышления» героями почтовых миниатюр не просто шпионов-разведчиков, а шпионов именно эпохи «холодной войны». Войны, кстати говоря, по-хорошему, нами проигранной полностью и всухую. Мало того, что не придумали лучшего, чем в свой юбилей прославить не борцов с фашизмом, а наших резидентов в Великобритании и США периода самого яростного накала «холодной войны». Это что, намек или напоминание нашим западным партнерам? Да и с Кимом Филби не хорошо получается. По законам и меркам Англии — он не разведчик-герой, а тривиальный предатель, изменник родины и английского народа... И, в таком случае, чем же хуже, например, полковник Пеньковский или Олег Гордиевский? Представьте себе, выходит в Англии серия марок под названием «Герои британской разведки», а в этой серии — портреты Олега Гордиевского и Олега Пеньковского, скажем, с надписями: «Выдающиеся английские разведчики — борцы с советским тоталитаризмом». А тут, ничего, не смуглились, издали марку с портретом «предателя английского народа»...

Но эта наша «тройка» имеет, по крайней мере, право именоваться

разведчиками. А вот двое следующих «портретов» вызывают не только недоумение, но очень много вопросов. И.Д.Кудря и С.А.Ваупшасов имеют столько же прав называться «разведчиками», как я именоваться «героем Куликовской битвы»! Эти люди принадлежали именно к карательным структурам классического и «знаменитого» НКВД, и то, что они были в тылу немцев, не дает никакого основания гордо именовать их «разведчиками». Да, раньше выходили почтовые миниатюры с изображением сотрудников НКВД и КГБ, но это было раньше, а иных с натяжкой можно было отнести к партизанам. Скажем, есть миниатюра с изображением Д.Медведева, но он изображен в качестве Героя Советского Союза и партизанского деятеля, а не чекиста. В свое время мне пришлось вплотную познакомиться с некоторыми старыми чекистами, бывшими в тылу немцев, беседовать с ними. Дело в том, что моя дипломная была по разведывательной деятельности партизанских формирований и обойти деятельность «профессионалов» было, конечно же, невозможно. С тех пор я и не упускаю из виду таких людей, как Ваупшасов, проходящий сразу и по разряду «партизан», и по ведомству «органов». Так вот, пресловутый Станислав Ваупшасов личность весьма интересная и неординарная, но к ведомству разведки его никак нельзя отнести. Его настоящая фамилия — Ваупшас, литовец по национальности. В период революции и гражданской войны связал свою судьбу с большевиками. В тот период он оперировал в основном в большевистских отрядах на территории Белоруссии — воевал против поляков. С 1920 года вплоть до начала тридцатых годов Станислав Ваупшас занимается организацией «партизанской борьбы против польских оккупантов» на территории Западной Белоруссии. Напомню, что боевые действия с Польшей были прекращены осенью 1920 г. и согласно Рижскому мирному договору между Советами и поляками территория Западной Белоруссии вполне официально и законно считается польской территорией. Однако же, подписывая правой рукой договоры, левой большевики вели подрывную работу против соседнего государства. И вот эта «партизанская» деятельность Ваупшасова заключалась в чисто террористической деятельности: он и его соратники убивали польских пограничников, изредка нападали на отдель-

ных солдат (если они были без оружия), убивали офицеров, но более всего любили убивать гражданских польских чиновников, вплоть до служащих почт и управ, благо они были безоружными. Не гнушались и террором против рядовых польских тружеников, обывателей. Цель этих операций: создать нетерпимую для польских обывателей обстановку, заставить их под страхом террора покидать в общем-то родную для них землю; террором в отношении стражников, солдат и администрации заставить польские власти прибегнуть к массовым репрессиям в отношении белорусов. А это, в свою очередь, должно было способствовать подъему «революционного освободительного движения». Чистой воды политический терроризм, бандитизм и провокация в придачу. И если занимавшийся тем же, но без поддержки из-за рубежа, Степан Бандера в тот период вполне справедливо считался политическим убийцей и уголовником, то чем же лучше С.Ваупшасов?! Только тем, что за его спиной стояло «великое государство трудящихся» с его ГПУ и Коминтерном, тем, что когда на польской территории становилось слишком уж горячо, Ваупшасов со товарищи уходил на советскую территорию — отдохнуть, отоспаться и отогреться перед очередным рейдом на польскую территорию.

В начале тридцатых Ваупшасова отзывают из Польши — стал очевиден провал тактики и стратегии политического бандитизма, но опыт таких асов, как Ваупшасов, становится нужен на родине Октября ввиду грядущей «чистки». И Ваупшасов сразу же получает весьма высокое персональное звание в органах безопасности, что весьма нетипично для бюрократической системы госбезопасности 30-х годов: только что из-за границы, подданный Польши да и литовец в придачу... Но, значит, заслужил, имел большие заслуги перед ведомством Генриха Ягоды. Далее последовало назначение в территориальные органы, и Ваупшасов исчезает с горизонта до 1937 года. Что он делал в этот период — загадка, в своей книге он вообще выбрасывает этот период своей жизни. Значит, есть, что скрывать, значит, были весьма нелестные делшки на периферии...

Затем — Испанская война. Ваупшасов командировается в Испанию. И тут в его мемуарах полный провал — ни разведкой, ни контрразведкой, ни организацией партизанского движения он не занимался. Да и не мог — не его

стеяз, не его профессиональная сфера. Он же террорист, провокатор, убийца и костолом. Есть работа в Испании и для него. Ваупшасов входит в группу Орлова. Чем занималась эта группа, сейчас хорошо известно — убийство политических противников коммунистов, поиск и ликвидация «врагов народа» в рядах республиканцев. Короче говоря, Ваупшасов занимается в Испании тем же, чем его коллеги с Лубянки занимались тогда дома. Возвращается домой Ваупшасов весьма удачно — чистка самих органов уже завершена, люди нужны, да еще с таким богатым опытом. Единственная миссия, которая может трактоваться как разведывательная, выполнена Ваупшасовым под прикрытием дипломатического паспорта в Финляндии — наблюдение за высадкой в порту немецких частей весной 1941 года. За Отечественную войну Ваупшасов получает звание Героя Советского Союза. Но и тут больше тумана, чем ясности. Отряд Ваупшасова боевых действий не вел, разведывательные его достижения также сомнительны. Основное внимание Ваупшасов уделял личной безопасности и посылке в Центр радиogramм о своих «героических» действиях. Скажем, рванут рельс — радиог-

рамма Центру: «Пущен под откос эшелон с танками». Поди проверь!

Такая фальсифицированная «статистика», «липа» сплошь и рядом шла в Центр именно от спецотряда НКВД и НКГБ, а не от партизан и военной разведки. В 1944 и 1945 годах из-за этого большие были скандалы на Лубянке, когда стали проверять эти бумажные «подвиги». С Прудниковым, например, та же история была. Но закрыли все дела — не снимать же, в самом деле, звания героев с чекистов... А после войны — привычная работа по «очищению» территории от всяких там «лесных братьев»... Тоже нет смысла комментировать.

Спрашивается, зачем весь этот длинный рассказ о шпионах и террористах? Да ведь далеко не каждый день выпускаются марки, прославляющие шпионов и террористов, не каждый... И даже не каждый год. Конверт и марки вышли в обращении 20 ноября 1990 года. Вспомните: с чем это совпало и что за этим последовало: выступление председателя КГБ по телевидению о «происках иностранных спецслужб», активизация деятельности КГБ во всех сферах жизни нашего общества, особенно в экономике, резкое усиление политической реакции, усиление цензуры на

ТВ, активизация КГБ в Прибалтике, на Кавказе, да и в самой России. Открыто взят курс на реабилитацию и обеление деятельности КГБ за всю его историю. В общем, всю идет процесс «отмывания добела черного кобеля». Осмелев, КГБ вполне открыто выходит и на телеэкран, вновь ставя нам заезженную пластинку о «Радио Свобода», вещая устами своего информатора-провокатора Туманова (опять же «разведчик», однако!)...

И выпуск серии почтовых миниатюр весьма показателен и вполне логично ложится в основание пропагандистской пирамиды: вот наши герои, вот кем нам надо гордиться, вот с кого надо брать пример, на них должны воспитываться настоящий чекист 90-х... Что ж, как волка ни корми, а он в лес смотрит, чем было КГБ, тем оно и осталось. И никакие камуфляжные краски и фильмы этого не скроют. Если для КГБ 90-х героями являются убийцы и террористы, люди, предавшие свою страну и свой народ, то чего стоит трепотня о «перестройке» в органах...

Почтовая миниатюра всегда считается лицом страны. Посмотрите на лица шпионов — это лицо СССР, лицо нашего общества...

Мы

«Да что диверсантам делать в военном городке? Там только офицерские жены и солдатская баня!»
Из кинофильма «В зоне особого внимания»

Театры начинаются с вешалок, царства — с виселиц. Советская Армия начинается с контрольно-пропускного режима.

Много лет пытаюсь понять — зачем? Для кого в 60-е годы восемнадцатилетние ребята голыми руками тянули вокруг жилых домов колючую проволоку, в 80-е годы голыми руками эту проволоку снимали для того, чтобы на ее месте поставить бетонный забор с той же колючей проволокой поверху? Много раз спрашивала у солдат на контрольно-пропускном пункте № 6 (Центральном): «Вам хотя бы объяснили, что такое контрольно-пропускной режим вообще и для чего он конкретно нужен?» Мнут, сплевывают в сторону и неохотно отвечают: «Что значит: зачем? Не бывает военных городков без заборов и охраны... Для предотвращения краж из домов гарнизона... Чтобы порядок

Ольга НИКОЛАЕВА

РЕЖИМ

был на улицах... Чтобы из окрестных деревень не приходили в магазины...»

В этих словах есть доля истины: военные городки, не обнесенные забором, встречаются в нашей стране, но это скорее исключение из общего правила. Кражи личного имущества граждан, проживающих на территории городка, редки, но все же случаются; также редко, но все же бывают уличные драки. Кражи и драки — работа местного отделения милиции, а не контрольно-пропускного режима. Что же касается магазинов, то в них давным-давно нечего купить, а если

что-либо завозят, то товар распределяют по талонам.

Что такое контрольно-пропускной режим?

12 мая 1987 года на всей территории Советского Союза была введена в действие Инструкция № 0126 «Об обеспечении режима секретности в министерствах, ведомствах, учреждениях, предприятиях и организациях СССР». Общеизвестно, что Министерство обороны все союзные инструкции глубоко презирает и пользуется собственным сводом положений и установок, но я попытаюсь провести параллель между терминологией Министерства обороны и Министерства оборонной промышленности (для которого инструкция № 0126 и была написана). Исходя из терминологии, «контрольно-пропускной режим — составная часть всеобъемлющего режима секретности, по целевому назначению — обеспечение функционирования режимного объекта с соблюдением требований режима секретности; по содержанию — совокупность правил, регламентирующих порядок входа-выхода лиц, въезда-выезда ^{авт.} транспортных

средств, вноса-выноса секретных документов и изделий, а также мероприятий по реализации этих требований». Вдумчиво прочитав это определение несколько раз, все же тяжело его понять, а уж тем более — запомнить. Так уж у нас общегосударственные инструкции пишутся. Наверное, именно поэтому они и не выполняются.

Попытаемся разобраться по порядку. Есть в инструкции № 0126 (кстати, она имеет гриф «секретно» — на это указывает один ноль в начале номера) еще одно понятие — «легендирование». Легенда — это сказка, которую пишут для обмана любопытных, «... для сокрытия истинного предназначения объекта». В ситуации с Министерством обороны — это лапша, которую вешают на уши налогоплательщикам, то есть всему населению СССР, если население спрашивает, на что же государство расходует налоги. В моем родном городке легендирование таково: он не обозначен ни на одной, даже самой крупномасштабной карте, но о существовании его знает каждый, кто хоть раз проезжал на электричке Горьковского направления Московской железной дороги между станциями Черное и Купавна, — бетонный забор, ворота с надписью «СТОП» и четыре красные буквы «ЗАРЯ» отлично видны со всех сторон. Было бы что легендировать...

«Вход-выход лиц». Вот с этим-то пунктом интереснее и безобразнее всего.

Войти в поселок Заря может лишь тот, кто имеет черную книжечку-пропуск. Но иметь пропуск мало.

Инструкция помощнику дежурного по КПП № 6 гласит: «тщательно проверять пропуска у всех лиц, проходящих через КПП, сличая пропуска с образцами... при проверке пропусков брать их в руки... следить, чтобы пропуска не были просрочены, фотокарточки постоянных и временных пропусков соответствовали их предъявителям...» Утвердил все эти строгости заместитель командира военной части генерал-лейтенант Н.Брянцев 19 сентября 1989 года, а прочитать эту инструкцию мне любезно разрешил рядовой Чирков Игорь Анатольевич после маленького скандала — в приступе должностного рвения он так усердно тянул мой пропуск, что чуть не вывернул руку. Рвения хватило ненадолго, рядовой Чирков И.А. оказался славным парнем, а у славных парней всегда тяжелая служба:

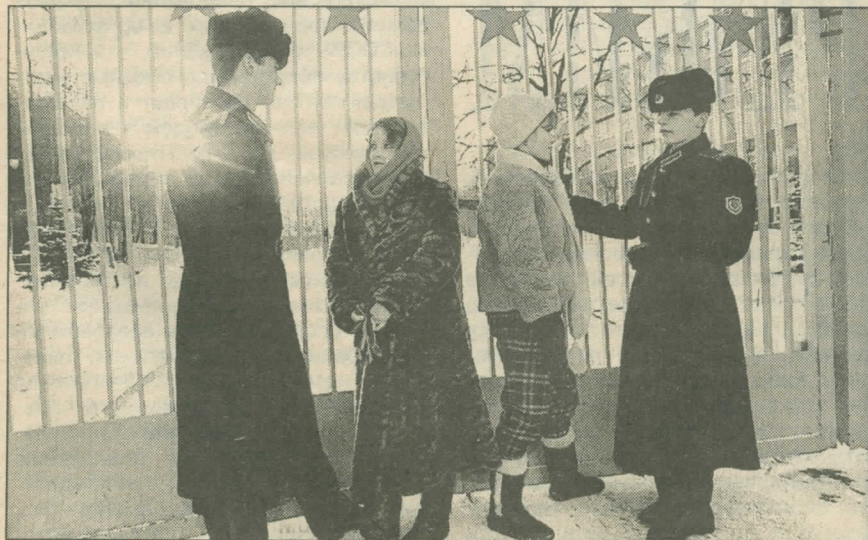
— Если я каждый пропуск буду сличать с установленным образцом, то желающим пройти в городок придется становиться в многокилометровую очередь, — выразительный кивок в сторону караулки, где в ряд вывешены штук двадцать образцов всевозможных пропусков, — но если я буду проверять пропуска невнимательно, то, по закону подлости, именно в этот момент через КПП будет проходить жена какого-либо начальника, которой стоит вечером, небрежно, за ужином, кинуть мужу: «Опять солдаты на КПП распоясались, совсем в пропуска не смотрят» — и на завтра же нам устроят разнос и сошлют в Среднюю Азию, где мы миглом научимся бдительно нести службу. Не раз уже так бывало. А попытался бы кто-нибудь на нашем месте

не отступить от буквы инструкции: по Уставу нам положено дежурить сутки через сутки, но солдат не хватает, и нас часто просто перевозят с КПП на КПП практически без отдыха. Мой служба в армии — вереница лиц!

Справедливости ради следует сказать о пропусках: зачастую фотография в пропуске настолько не соответствует внешности предъявителя, что непонятно вообще, на что смотрят контролеры: может, на наличие необходимого количества печатей? В моем пропуске их три, но есть люди с пятью печатами в пропуске. Мыслимо ли сличить пропуск с образцом, разглядеть фотографию, пересчитать печати за какие-то секунды?

Но приятнее всего жить без пропуска! Постоянный пропуск выдается лишь тем, кто прописан на территории городка. Временный пропуск выдается на полгода, но для этого нужны основания. Есть Жилищный кодекс РСФСР, где черным по белому написано, что муж имеет право проживать по месту прописки жены (и наоборот — жена имеет право проживать по месту прописки мужа), но это еще не основание для выдачи временного пропуска. Сначала ответственный квартиросъемщик должен написать заявку в Бюро пропусков, потом завизировать ее в квартирно-эксплуатационной части и в отделении милиции (что у него в квартире будет жить родственник, а не вражеский шпион), а уж потом командант городка решит — выдать разрешение на оформление пропуска или не выдавать. Были случаи, что и отказывал. Но и в этих случаях люди все равно в городке жили, каждые три дня заказывая разовый пропуск для прохода на территорию городка, действительный лишь по предъявлению паспорта. Видела я эти паспорта — они теперь в таком состоянии, что возникает резонный вопрос: ими клозеты мыли или сапоги чистили? И другой вопрос: для чего советскому человеку дан паспорт? Для того, чтобы испытывать неудобства?

«Въезд-выезд транспортных средств». Для того чтобы ездить, нужна печать в пропуске. Тем, у кого этой печати нет, прямой путь к начальнику Бюро пропусков младшему сержанту по имени Людмила Леонидовна. Сумеете договориться: ваше счастье, не сумеете — умрете под воротами, но не выпустят. Кстати, имея печать в пропуске, можно угнать с территории городка любую легковую машину, было бы желание. Ведь печать в пропуске говорит лишь о том,

Вячеслав БАСКОВ

КРЁСТНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

что вы имеете право въезжать на территорию городка и выезжать на машине, а на какой конкретно — ваше личное дело.

«Внос-вынос секретных документов и изделий». Вынести их с территории городка невозможно по той простой причине, что секретных изделий в Заре нет, ибо кто хранит секреты в жилых помещениях? Разве только стащить от Музея целиком выпотрошенный радиолокационный комплекс, бывший на вооружении Войск ПВО в 50-е годы? Только он вряд ли кому-нибудь понадобится.

Что же касается общественного порядка на территории Зари, то его зачастую нарушает само большое и малое начальство, за порядок ответственное. Не так давно, например, комендант охраны, сцепившись на центральной улице с кем-то из мирного гражданского населения, блеснул властью и вызвал для разбора конфликта военный патруль в полной боевой экипировке. Подумаешь, ерунда какая — права человека! Нам к вооруженным конфликтам не привывать! Поэтому мирное гражданское население до прибытия патруля успело навалить коменданту по внешности под одобрительные крики толпы: «Тут тебе не Литва, не дадим оружием размахивать!»

Все это было. И еще было пятнадцатилетнее обещание всевозможных представителей командования Войск ПВО построить железнодорожную платформу около КПП № 6, чтобы жителям городка не таскаться ровно километр и сто метров от платформы Черное в дождь, снег и темноту. Раньше говорили, что платформу не строят, исходя из соображений секретности городка, теперь жалуются, что на строительство нет средств, времени, сил. А пока начальство блюдет секретность и копит деньги на стройку, по пути от станции Черное до ворот городка молодых женщин бьют, насилюют, грабят. И никому из командования до этого нет дела! В прошлом году из электрички выбросили юношу, живущего в городке Заря. Встречным поездом ему отрезало ногу и руку. Все, чем могла помочь ему Советская власть, это установить первую группу инвалидности с ежемесячной выплатой мизерной пенсии. Военные власти от случившегося отмежевались вообще.

На контрольно-пропускной режим деньги есть, на помощь конкретным людям — нет. Сколько еще лет ждать, когда они появятся?

Знаете, я лично знаком с журналистом, который впервые сообщил советскому народу, что у нас всем управляет мафия. «Мафия» сразу стала нашим словом. Им стали обозначать все самое ужасное и необъяснимое. Особенно часто оно стало встречаться в письмах трудящихся.

Тот известный журналист, с которым я — честное слово! — несколько раз пил чай, добился, чтобы в Министерстве внутренних дел СССР открылось новое управление — по борьбе с организованной преступностью. То есть с мафией. Управление по борьбе с организованной преступностью возглавил прославленный тем прославленным журналистом товарищ Гуров. Мужественный товарищ Гуров, как и весь советский народ, убежден, что в стране существует мафия. По прошествии нескольких лет после создания специального управления в МВД СССР с товарища Гурова стали требовать результатов работы. Потому что оклад идет, а мафии все нет. Рядовые милиционеры, правда, мне всегда говорили (и всегда почему-то шепотом, чтобы другие милиционеры не подслушали и не донесли по начальству), что шуму про мафию много, а преступных организаций в стране-то и нет. На всю страну нашли, кажется, шесть — разве это мафия? Тем не менее миф о советской мафии живет в умах и сердцах каждого честного человека. Мафия торговая, мафия кремлевская, мафия партийная — это в бедной Италии, сапогом поправшей Средиземное море, всего одна мафия, а в СССР, усталым котом разлегшемся по 1/6 суши, в каждом городе и в каждой деревне обнаружилась своя мафия.

Извините за многословное вступление, но понятие мафии столь широко и непонятно, что, строго говоря, оно заслуживает не короткого вступления, а целой книги. Недаром же статьи того известного журналиста и интервью с товарищем Гуровым всегда занимают в газете тоже очень много места. Но если говорить об извест-

ной нам мафии, то это итальянская, о которой поведал итальянский кинематограф, и мафия американская, подробно описанная сперва в романе «Крестный отец», а затем и в одноименном фильме, так и не показанном в Советском Союзе. Словом, с мафией мы знакомы больше по произведениям искусства, чем по деятельности товарища Гурова.

В Италии и Америке мафия разная, но человеческая кровь с итальянских и американских кинолент летится совершенно одинаковая. И полицейские с карабинерами и прокурорами со схожим рвением идут по следу преступников, красиво погибая в неравной схватке и заражая зрителей неумным желанием немедленно идти работать в полицию.

В советской милиции остро ощущается нехватка кадров. Цифры недостающих милиционеров переходят из газеты в газету, фигурировали они и в «Столице», поэтому не стоит повторяться. Однако если в «массах» все еще живет надежда, что все беды в стране исходят от мафии, от паразитов хорошо организованных преступников, то развеивать такой приятный миф было бы жестоко. У нас действительно существует преступность, но не организованная, а коллективная. Там, где существует коллектив, уже никакой особой организации создавать не следует. Трудовой коллектив — это уже организация. Редкий коллектив не совершает преступления. Самый наглядный пример этого — магазин. Когда вы, покупатель, схватывались с продавщицей, разве вы не чувствовали поддержку продавщицы со стороны ее подруг, членов ее коллектива? По-видимому, в самом чувстве коллективизма есть что-то преступное. Разве вы, честный читатель, попадая в какой-то коллектив, не начинали испытывать чувство «семьи единой», солидарности с товарищами по работе? Вы переставали быть индивидуальностью, а начинали быть «членом коллектива». Всегда ли вы с тех пор поступали по совести?

Самое удивительное, что именно наиболее честные люди и наиболее добросовестные и трудолюбивые, те, которые и составляют обычно так называемое ядро коллектива, оказываются вовлечены в коллективную преступность сильнее, чем другие. Это происходит помимо их воли. Просто сам коллектив в том понимании, которое в нас вдалбливают в школе, когда все должны быть якобы за одного, а один — за всех, — это учение, не оставляющее ни одного человека незапятнанным, преступно.

Нет никакого сомнения, что на Островском промышленном комбинате (Костромская область), где шьют женские ночные сорочки из хлопчатобумажной ткани, очень дружно работают хорошие девушки и женщины. Но их продукция столь низкого качества, что в первом квартале 1991 года вся их продукция была забракована.

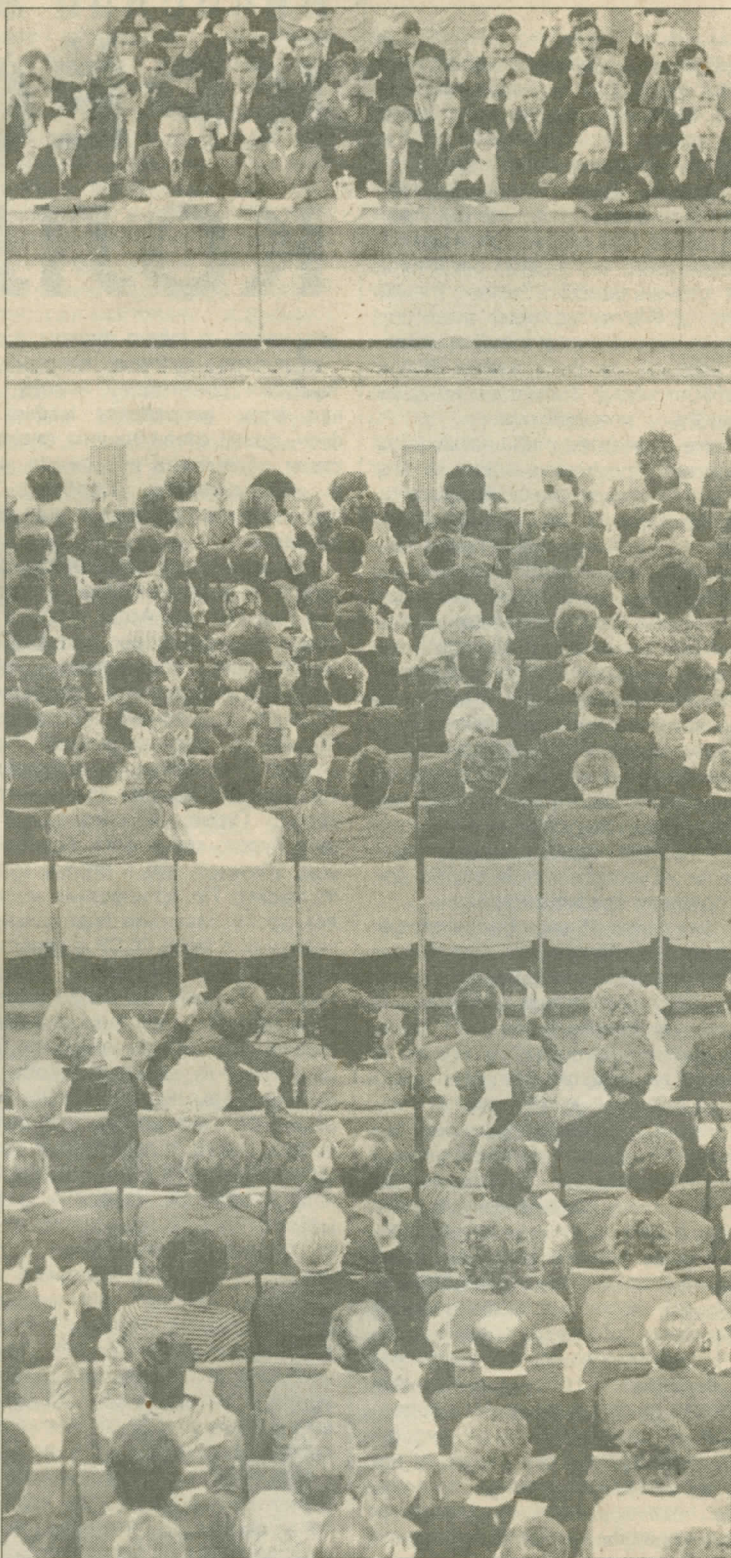
Сплоченный коллектив трудится и на швейном предприятии «Дигора» при Северо-Осетинском ПО местной промышленности. Это предприятие передовой коллектив взял в аренду. Все виды изделий на меховой подкладке, выпускаемых «Дигорой», запрещено принимать в торговлю: это сплошной брак.

Шабалинская мебельная фабрика промышленно-торгового концерна (концерна!) «Кировместпром» гнала мебель наборами «Гранит-48». Спаянный коллектив выпускал поточный брак.

Производственное объединение «Кургансельмаш» делает алюминиевые сковородки... опасные для здоровья. Содержание свинца в этих изделиях превышает допустимую норму от 2 до 9 раз.

Прославленный Магнитогорский металлургический комбинат, тот самый, сталеваров которого так любил показывать отмененный ныне киножурнал «Новости дня», но верность которому пронесло сквозь перестройку ищущее скромных героев будней центральное телевидение, этот комбинат выпускает дуршлаг. В 1990 и в 1991 годах эти кухонные изделия с невыговариваемым названием браковались постоянно и стопроцентно, но брак шел валом и идет упорно: сколотая эмаль, эмаль прожженная, криво вогнутое дно — брака много. Но дружный коллектив металлургического комбината все равно выпирает на магазинные прилавки свою продукцию!

Коллективы комбината питания ПСМО «Челябгражданстрой», Новог-

ригорьевского рыбного цеха колхоза «20 лет Октября» ГКО «Волгоград-рыбхоз», Мошенского маслодельного завода, народного предприятия «Петровское» АПО «Красноармей-

ское» Челябинского Агропромсоюза выбрасывали в 1991 году на рынок непригодные в пищу зернистую икру, копчено-вяленую рыбу, масло, молоко. В Измалковской и Воловской за-

готконторах Липецкой области коллективы заготовителей мяса делали друг перед другом вид, что не замечают, как нарушают условия хранения скоропортящегося продукта, и доводили свинину и баранину до появления на них плесени и прочих бьющих в нос признаков порчи. В Добринской заготконторе (той же Липецкой области) сотрудники грубо нарушали учет и движение от цеха в торговлю мясной продукции собственного изготовления.

Варварскому обращению с мясом можно вообще посвятить отдельную статью. Есть ли в нашей стране хоть одно предприятие по переработке мяса, каждый член коллектива которого мог бы спать со спокойной совестью, что загубленное там животное пошло людям на еду, а не забито ради ежемесячной зарплаты? В 1990 году из 27 мясоперерабатывающих цехов одного только Челябинского облпотребсоюза полностью прекращалась выработка и приемка колбасных изделий в шести цехах: Агаповском, Троицком, Еткульском, Верхне-Уральском, Нагайбакском, Брединском и на Челябинском мясоконсервном заводе. Колбасы там делали с нарушением технологии в антисанитарных условиях.

Брак выпускают коллективы швейных фабрик, фабрик обувных, птицеферм, молочных заводов, заводов консервных, кондитерских фабрик, хлебозаводов, коллективы шляпников, коллективы, выпускающие сумки и портфели, ткани, текстильную галантерею, верхний трикотаж и трикотажное белье, чулки, носки, игрушки, пылесосы, велосипеды, электрические чайники, пластмассовые тазы, коробки, банки, сахар, водку и ликеро-водочные изделия, вина, пиво, безалкогольные напитки, рыбу, сыры всех видов, маргарин, колбасы, пирожные, даже яйцо, чудо природы — готовую продукцию, к созданию которого человек рук не прикладывает. Посудите сами, зачем стране, где, как видите, существует коллективная преступность, взаимопокрывательство и, вероятно, полная апатия к собственной работе, зачем такой стране изоциренная импортная мафия? Она нужна разве только для того, чтобы назвать виновного, которого общество будет искать и не находить несколько лет, пока не опомнится.

Может быть, есть и мафия. Если нашли шесть «группировок», то, может быть, еще не напали на след двадцати шести. Но не мафия

виновата, что продукты уже много лет выпускаются невкусные, а одежда некрасивая. Не мафия виновата в том, что люди в последнее время каждое утро ходили на работу, а магазины опустели так, как не опустели они в Багдаде, пережившем всемирную бомбардировку. Куда подевалась коллективная продукция? По одним слухам, ее прятали на складах, по другим — и продукции никакой не было, по третьим — все будто бы честно шло в магазины, но быстро раскупалось. Самое интересное, что за все это страшное время в редакцию не позвонил ни один человек и не сказал: я работаю на таком-то заводе, наши склады забиты, или что-нибудь в этом роде. Это, наоборот, журналисты приезжали на предприятия и видели горы лекарств, продуктов, вещей. И еще рабочих, которые молча смотрели, производя впечатления тупых. Сознание, что ты не человек сам по себе, а часть коллектива тебе подобных, вырабатывает инстинкты послушания и молчания. И еще смотрения на журналиста: чего ему тут надо?

Критику коллектив не воспринимает. Жертвы коллектива годами добиваются восстановления на работе, наказания воров, которых в любом коллективе видимо-невидимо и которые и могут существовать исключительно в коллективе, их одежда обтрепывается, туфли стартываются — они выглядят идиотами. И это другая сторона преступной сущности коллектива — жестокость к людям, которым чувство коллективизма не свойственно на уровне генов.

Оно вообще противоестественно, но массы людей, стоящие у станков и сидящие за швейными машинками, тяжело заболели бессилием перед коллективом. Я видел рабочих, которые делают холодильники, лекарства, хлеб, котлеты, автомобили... Все то, что нигде не продается. Это не рабочие в гордом смысле слова, а поблекшие за неинтересной работой люди. Тем не менее очень многие из них со всем мыслимым энтузиазмом навивно полагают, что от их конкретного вклада зависит состояние рынка товаров, — и сидят, не поднимая головы от стола, и стоят у станка, не отходя на перекур. Но не эти прекрасные люди определяют состояние рынка. Их трагический труд тонет в хаосе спроса. Они против собственной воли — это особенно хорошо видно со стороны — становятся соучастниками коллективной преступности.

Человек в общем труде неразли-

чим. И в этом и состоит его забитость, очень, кстати, им самим хорошо осознаваемая. Кто из нас может сказать, что мое слово будет услышано и мое предложение опробовано и принято? Коллективный труд стер индивидуальности, сделал людей ничего не значащими там, где они проводят большую часть своей единственной жизни. Пожалуй, только на кондитерских фабриках когда-то был введен индивидуальный штамп «Браковщика». То есть конкретный человек вкладывал листочек со своей фамилией в каждую проверенную им коробку конфет. Вся остальная продукция — безымянна. Даже хлеб! Даже мясо! Между тем во всем мире эта продукция имеет вполне конкретных производителей с именем и фамилией — покупатели ходят брать хлеб в булочную к такому-то человеку, в мясную лавку к такому-то. Наша сплошь безымянная маркировка на лекарствах (вроде «Химфармзавод», Уфа), должно быть, сильно поражает жителей других стран. Уж на лекарствах-то обычно стоит фамилия производителя или его потомков. А между «Химфармзаводом» и «Фирмой Баер» есть большая разница.

Могут возразить, что фамилия производителей у нас тоже непременно появится после того, как заводы и фабрики будут приватизированы. Но приватизация — это политика, которая длится веками, а жизнь человеческая слишком коротка, чтобы зависеть от таких мелочей, как политика, религия, трехтомник «Капитала». От коллективной безответственности нужно избавиться немедленно! Когда каждый рабочий и инженер будет знать, что его труд не безлик и анонимен, в нем проснется авторское чувство, очень хорошо знакомое артистам, художникам, журналистам, писателям. Это вовсе не значит, что все сразу заработают хорошо. Но страна избавится от позора коллективной преступности, когда весь народ ходит подавленный. Конечно, таким народом управлять очень легко, потому что каждый несет ответственность за то, скажем, что в магазине нет картошки, а непричастным к картошке и вообще к торговле в этой ситуации требуется доказать продавщице свою невиновность (задача бесполезная!).

Когда у каждого человека на его рабочем месте появятся имя и фамилия, мы коллективно весело посмеемся над мифами и призраками, за которыми гонялись так долго.

Общественность запомнила имя Виктора Николаевича Тростникова после участия в альманахе «Метрополь».

Большой резонанс в стране и за рубежом имела его статья «Научна ли научная картина мира», опубликованная в журнале «Новый мир» в 1989 году.

В настоящее время он — московский редактор журнала «Вече», журнала, о котором все слышали, но мало кто его читал.

Кроме всего этого, Тростников — профессиональный математик, философ, специалист по христианской апологетике...

Виктор ТРОСТНИКОВ

МЫСЛИ НА РАССВЕТЕ

*Беседу ведет
Евгений Данилов*

— На первый взгляд, из этой характеристики может показаться, что я в своей жизни разбрасывался. Пытаясь определить мотивацию своей деятельности, я вижу, однако, известную цельность в моей жизни.

Для того чтобы мои слова стали понятнее, нужно учесть то время, на которое пришлось мое становление. Я родился в 1928 году на Арбате, где прошло все мое детство. Семья была типична для молодых людей 20-х годов. И я долгое время рос неверующим. Хотя вопрос Веры — это вопрос прихода к Истине, или экспликация этой Истины, существующей внутри нас. Как говорил о. Дмитрий Дудко: по складу своей натуры атеист может оказаться более религиозным, чем богоугодным. Вера тоже может быть разной. Вам трудно поверить, но, когда я был ребенком, все вокруг были твердо убеждены, что через 10—15 лет мы сможем заходить в магазины и брать все бесплатно. Я не знал, что явился в мир, чтобы преобразовать данный мне Божий образ в подобие, а поэтому вел неправедную жизнь. Но какая-то совесть во мне была.

— *Совесть — это память о Боге, как сказал Н. А. Бердяев.*

— В этом смысле я как будто всю жизнь мучительно вспоминал Бога. И вот еще что добавлю. Никогда у меня не было любви, доверия и верноподданнического чувства по отношению к властям предрежащим. Будь то Сталин или другие вожди. Неприятие большевизма и марксистского мировоззрения было обусловлено у меня развитым, по счастью, инстинктом самосохранения.

А с другой стороны, сказалось влияние моих бабушки и дедушки. Родители были атеистами. А бабушка и дедушка — верующими людьми, людьми дореволюционной России. Период до 14-го года они называли «мирное время».

И третье, что на меня повлияло, — это русская художественная литература...

— *С ее поисками Бога?*

— Да нет... Даже нейтральные в этом плане какие-то вещи. Скажем, Тургенев... Он описывал любовь, чистые человеческие отношения, дворянские гнезда, и сжималось сердце при узнавании такой жизни. Многие люди моего

поколения говорят сейчас, что мы в молодости верили, а потом разочаровались. Я могу сказать, что при своих отрицательных чертах и недостатках, о которых я знаю лучше всех прочих, этого греха не было, и я никогда не принимал коммунистической утопии всерьез...

Я вообще являюсь одним из самых старых диссидентов. В 1959 году, еще до Осипова и Аксенова, в двух номерах очень престижной лондонской «Санди таймс» я опубликовал большую статью о положении в Советском Союзе.

— *Под своим именем?*

— Нет, конечно. Тогда это было равносильно самоубийству... А в прошлом году, поехав в Англию, я получил за свою первую публикацию гонорар. И в качестве продолжения появилась статья обо мне, где говорилось, что за эти годы мои воззрения не изменились и что я и сегодня занимаю резко антикоммунистические позиции, этакий «вечный диссидент».

— *Как сказал Лютер: «На том стою и не могу иначе».*

— Да. Это идет не от вредности характера. А все от того же инстинкта самосохранения, не позволяющего все происходящее сегодня принять всерьез. Нужно жить, опираясь на что-то позитивное, онтологическое, выходящее из нашей воображаемой жизни. Тогда многие представляли Запад идеалистически, полагая, что это оплот свободы и нас там поймут. Очень хотелось, чтобы где-то в мире торжествовала правда! А поскольку веры в загробную жизнь не было, то, по нашему материалистическому мировоззрению, хотелось поместить ее или в будущее, или в прошлое, или же в какое-то географическое место.

— *После этой публикации вы стали регулярно печататься в независимой прессе?*

— КГБ тогда до меня не докопался, и меня не вызывали. И на долгое время все этим и ограничилось...

— *Но вы писали в стол?*

— Да. С детства мне нравилось работать со словом, складывать слова во фразы...

Я автор десятка научно-популярных книг по разным разделам математики и физики. Были книги по математической логике, по ускорителям элементарных частиц. Некоторые из них переведены на многие языки.

Математикой я занимался четверть века, читая лекции по всему курсу высшей математики — от анализа до теории вероятности, и этим зарабатывал на жизнь. Я считался хорошим преподавателем, являлся заместителем зав. кафедрой по научной работе.

Но однажды меня выгнали. Это было в 1980 году.

— *После «Метрополя»?*

— Да. Я не входил в диссидентские круги. Я был академическим человеком. И вдруг в «Метрополе» я опубликовал рассказ апологетического содержания, посвященный моей бабушке, моему детству, написанный в форме дневника.

«Метрополь» сыграл известную роль в моем становлении. Я познакомился с прекрасными писателями, людьми гражданского мужества, людьми, безусловно, выдающимися. Я почувствовал больше уверенности в себе...

— *А как вы сегодня относитесь к вашим авторам «Метрополя», с Аксеновым, после произошедшей общественной поляризации?*

— С Аксеновым у меня личная дружба, и я смотрю на него не как на писателя, а как на своего друга. В свой приезд в США три года назад я у него жил. Я его очень люблю как человека, а что он сейчас пишет, я просто не читаю.

— *Были ли у вас в тот период конфликты с КГБ?*

— В КГБ, как я уже сказал, меня ни разу не вызывали. Я думаю, что к моменту моего увольнения у меня уже бы-

ло некоторое реноме. «Метрополь» наделал много шума, участники были люди заметные, за границей за них вступились, поэтому власти решили спустить все дело на тормозах.

Надо было начинать жить — и им, и нам...

Преподавать мне было невозможно, так как меня уволили с волчьим билетом. И в течение двух лет я работал сторожем в будочке реставрационных мастерских в Барашевском переулке. Это многих славный путь. У меня появилось свободное время. Бывали многие интересные люди. В это время я стал активно воцерковляться. До того я теоретически вычислил существование Бога, а в это время соприкоснулся с таинствами, с сакральной жизнью, и за два года я настолько в этом плане продвинулся, что, когда началось восстановление Данилова монастыря, я немедленно, в первый же день, перешел туда работать.

В первое время просто таскал носилки, работал на бетономешалке, потом стал приличным каменщиком, а закончил уже прорабом! Когда сгорели церковь и общежитие в Духовной семинарии в Троице-Сергиевой лавре, то я успел поработать и там на восстановительных работах...

— *Сегодня вы являетесь московским редактором журнала «Вече». Как это случилось?*

— Журнал выходит в ФРГ с 80-го года, это ежеквартальный. Тираж очень небольшой, всего полторы тысячи экземпляров.

Когда-то русский патриот Владимир Осипов издавал самиздатский журнал под таким же названием, за него, среди всего прочего, он и сел. Живущий в Германии Олег Красовский решил продолжить это начинание. Сам он во время войны попал в плен и остался в Германии. От прежнего «Вече» сохранилась лишь патриотическая ориентация, направленность на возрождение России.

До перестройки журнал имел чисто эмигрантский характер. С началом перестройки редактор решил опираться на материалы из России. С появлением московской редакции рукописей стало поступать довольно много. Красовский пригласил меня быть представителем журнала, когда я в 1989 году был во Франкфурте-на-Майне. Он читал раньше мои книги, статьи в «Континенте», «Гранях», «Вестнике РХД». И мы с ним поладили.

Пока мы собираем заказы на подписку и надеемся, что найдется предприимчивый человек, который наладит выпуск «Вече» здесь.

— *Вы также занимаетесь устройением вечеров, посвященных Дому Романовых. По своим воззрениям вы монархист?*

— Да.

Вот, вы знаете, я два раза ездил в Литву, специально с целью изучения тамошней политической ситуации. Беседовал там с очень умными людьми, прекрасно знающими свою историю. Но когда я спросил их: «А понимаете ли вы, что высшая форма национального существования есть монархическая форма?» — они удивились: «В наше время, и монархия...» Тогда я сказал им: «А что, Япония несовременная страна? Но это монархия. То же в Англии, в Голландии, в Бельгии, в Испании...» Тут они задумались. Они хорошие ребята, я желаю им успеха. Они хотят национальной Литвы. И это неплохо. Вы же в первую очередь любите свою семью, но от этого не начинаете плохо относиться к другим семьям. И наоборот, если у вас в семье будут раздоры, вы и других возненавидите. Тут все взаимосвязано...

Вот Александр III вел подчеркнута национальную политику и даже открыто заявлял, что Россия — для русских, но в то же время его, как никакого другого царя, уважали

в Европе. На международном театре он установил мир, согласие, уравновесил борющиеся силы. И никто его не обвинил в том, что он излишне заботится о русском народе. Это воспринималось как нечто естественное.

Я вот недавно вернулся из Голландии, и там ясно увидел, что их королева Беатрикс — это та скрепа, которая их объединяет. Они постоянно ругают свое правительство. Кстати, как и в Англии. Но о королеве никто не скажет худого слова!

— *Споря о тоталитаризме, ленинизме, сталинизме и прочих «измах», мы упускаем из виду важнейший аспект. Ведь в России культ личности возник из умышленного искажения представления о царе как отце своих подданных...*

— Сегодня было бы лучше этому образу отца вернуть его исконный статус. Статус помазанника Божия. Это будет та сила, которая объединит людей и сделает их русскими.

Я считаю, что для России это единственно стабильная форма правления. Хотя, как сказал И.А.Ильин, «монархию Россия должна заслужить». Сейчас мы ее не заслуживаем.

Так что можете считать меня монархистом. Монарх олицетворяет в себе институт чести, он облагораживает нацию.

— *Сейчас, Виктор Николаевич, я хочу задать вам традиционный вопрос, всегда волновавший русскую интеллигенцию: «Что делать?»*

Мне памятна ваша глубокая аналитическая статья в журнале «Выбор» «Что случилось с Россией», где вы анализируете сегодняшнюю ситуацию...

— Этот вопрос интересовал многих — скажем, Солженицына, который поначалу обвинял во всем Сталина, затем понял, что Сталин — это естественное продолжение Ленина. Потом осознал, что либеральная думская буржуазия подготовила большевизм...

Пожалуй, можно постепенно прийти до реформ Петра Великого.

Но нельзя так идти до бесконечности. И когда мы актуализируем эту тему, то в онтологическом плане ясно становится, что виноват, конечно же, Дьявол. Все время он подсовывает нам идеи, которые на практике оборачиваются катастрофой.

Но этот богословский взгляд мало конструктивен в том случае, когда нам надо жить дальше и думать о возрождении России. Надо серьезно задуматься над природой коммунистической идеи, вот уже полтора столетия сотрясающей Россию.

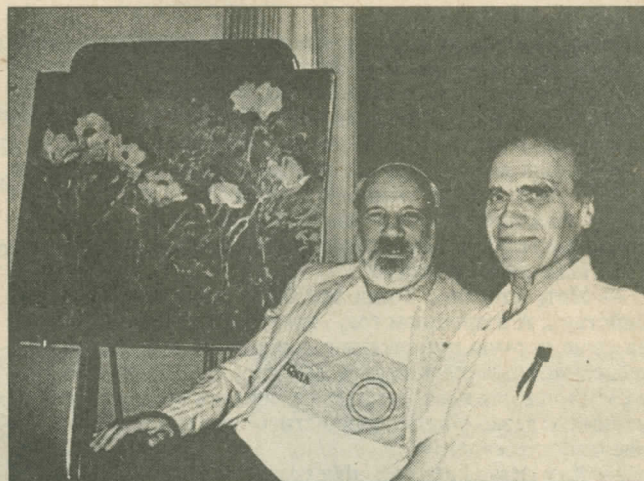
Истоки коммунизма лежат в отпадении от Бога, в том, что Флоренский называл «возрожденчеством».

И Запад ведь тоже отпал от Бога. Но это не привело к созданию других общественных структур. Он отпал по-другому, чем мы, и всегда плохо нас понимает. В настоящее время страшная ошибка Запада и опасность для него в том, что он трактует Горбачева как человека, бросившего вызов партии.

На самом деле «перестройка» была разработана самой партией. Недавно Горбачев сознался, что перестройке предшествовал ряд секретных совещаний Политбюро.

У меня введливая память. Я помню, что в самом начале «перестройки» Горбачев заявил, что история дала нам всего два года. Если за эти два года мы не выйдем на уровень производства развитых стран, то наша страна погибнет.

Прошло шесть лет, страна не только не вышла на этот уровень, но спустилась намного ниже. И коммунисты име-

На съезде кадет с Тихоном Николаевичем Куликовским-Романовым, внуком Александра III и племянником Николая II (Санта-Роза, США, 1990 год)

ют наглость заявлять о том, что сегодня никто лучше их не способен спасти Россию от развала. Отечество-де в опасности, и лишь компартия способна навести порядок. Полный абсурд! Довели страну до пропасти, а теперь же и заявляют, что лишь они могут ее вывести из кризиса. Они готовы, как встарь, заявить: «Государство — это мы». И все время спасение нации отождествляют с сохранением советского государства.

По моему глубокому убеждению, государство не является самоцелью. Государство — служебная структура, призванная обеспечивать свободу и защиту граждан и — самое главное — ненарушаемость исповедания. Государство должно стоять на страже духовного делания, духовных целей нации, ради которых по большому счету она и живет. И если государство не обеспечивает нормального развития каждого индивидуума — оно не нужно.

Коммунисты часто пишут о том, что, мол, Европа объединяется, а у нас идет развал. На это я ответил бы им так.

Во-первых, вы сами и устроили этот развал. А во-вторых, это далеко не так. Есть «общий рынок», но национальные особенности сохраняются, и нет никакого космополитизма. В мире существуют мощные сепаратистские движения. Вспомним ирландцев или же басков. Не надо выдергивать лишь выгодные примеры и закрывать глаза на другое. Каждая нация имеет свою специфику.

Россия как единица высшего духовного порядка держалась на православии, соединявшем массу этнически различных народов.

Сейчас большевики говорят о том, что, мол, наши предки в течение многих веков создавали нашу державу.

И это — после многих лет утверждений, что вся русская история началась с 1917 года...

— *Но где же все-таки выход?*

— Я не призываю жить ненавистью. Но есть еще и праведный гнев. Сегодня в опасности наши дети и внуки, и требуется уничтожить марксистскую заразу, которая продолжает губить все живое. В статье, только что вышедшей в № 41 журнала «Вече», я аргументированно показываю, что Коммунистическая партия в настоящий момент не может стать нашим рулевым.

Желая любой ценой удержаться у власти, коммунисты запели новую песню: не надо раскачивать корабль, нельзя

жить отрицанием, надо жить созиданием. Иногда можно и нужно!

Если человек страдает от опухоли и мы решим ее удалить, то, конечно же, это будет отрицательное действие, потому что мы что-то уничтожаем, но, если мы ее не удалим, человек просто умрет.

— Не кажется ли вам, что сама идея референдума в Союзе явилась превентивным шагом по отношению к идее референдума о доверии коммунисту Горбачеву и коммунистическому правительству?

Ведь ясно, что на э т о м референдуме большинство народа сказало бы «нет»...

— Не исключено, что вы правы.

Если бы с самого начала был поставлен вопрос о доверии КПСС, ответ был бы однозначен. То, что они сделали, — карикатура на юридически нормальный референдум. Ведь шесть республик вообще от него отказались. А потом, с точки зрения юридической, как могут, скажем, граждане Украины решать вопрос о том, остаться ли Литве в составе СССР?

— Как вы относитесь к противостоянию Горбачева и Ельцина?

— Еще Эйзенхауэр сказал, что мы живем в мире словесного хаоса, когда демократией называют тоталитарный режим, свободой — тюрьму и т.д. У нас этот словесный хаос длится 75 лет и имеет место быть и сегодня.

Слово «демократия» коммунисты всегда очень любили. Почему же сейчас это слово стало в их устах ругательством?

«Демократия», иначе говоря «власть народа», осуществляется путем опросов, путем отлаженного механизма выборов и учета мнения народа. У нас ничего подобного нет. И сегодня этот термин просто стали механически переносить на людей ельцинского окружения. Мол, они хотят развалить страну, выступая против сильной власти и единого Союза.

На самом деле те, кого называют «демократами», — это люди, борющиеся с коммунизмом. В чем-то у них могут быть не совпадающие с моими взгляды, но я испытываю к ним симпатию, потому что у нас общий враг.

— Полное совпадение взглядов, вероятно, и в принципе невозможно — даже между близкими друзьями?

— Важно, чтобы люди обрели какую-то внутреннюю свободу.

А главное, чтобы получили собственность. В этом смысле платформа Ельцина мне близка. Конечно, какой-то контроль необходим. Даже помещики контролировались опекуном советом, а позже земствами. Но трудности проблемы не есть основание, чтобы ее не решать. Необходимо отобрать землю у коммунистов, вернуть награбленное ими у народа имущество, применив по отношению к ним при необходимости штрафные санкции.

Я не призываю нарушать принцип веротерпимости.

Верите в Маркса — собирайтесь в частных домах, повесьте его портрет и молитесь на него. Но не трогайте меня и моих детей. Однако...

Лауреат Нобелевской премии мира Горбачев, хоть и как-то стыдливо, продолжает заявлять, что нашей перспективной целью остается коммунизм. Нашей — значит, и меня, и моих детей. Но он не имеет никакого права этого говорить за нас. И я, и мои дети, и мои внуки ненавидели коммунизм, марксизм и ленинизм, ибо это ложь и человекоубийство. И к этой цели идти не собираемся.

Впрочем, я понимаю, что в основе всех действий коммунистов — звериное стремление править! Кроме материальных, самых примитивных, скотских жизненных благ для них ничего не существует.

Поэтому сейчас всем людям, которым дороги интересы страны, необходимо объединиться в борьбе за окончательное уничтожение заразы коммунизма. А после этого сама жизнь подскажет выход. Тут я, как и Ильин, придерживаюсь позиции «непредрешенчества».

Каждый найдет свое место, если будет настоящая свобода, если уйдут эти паразиты, пьющие соки из нашей великой, потенциально мощной и богатой страны.

Поэтому я хочу — хотя бы пользуясь этим случаем интервью в «Столице» — обратиться ко всем, кто ненавидит коммунизм, кто считает его источником всех бед. Забудем разногласия, объединим силы в борьбе с общим врагом. Ибо шесть лет «перестройки» — продолжение все той же лжи и обмана.

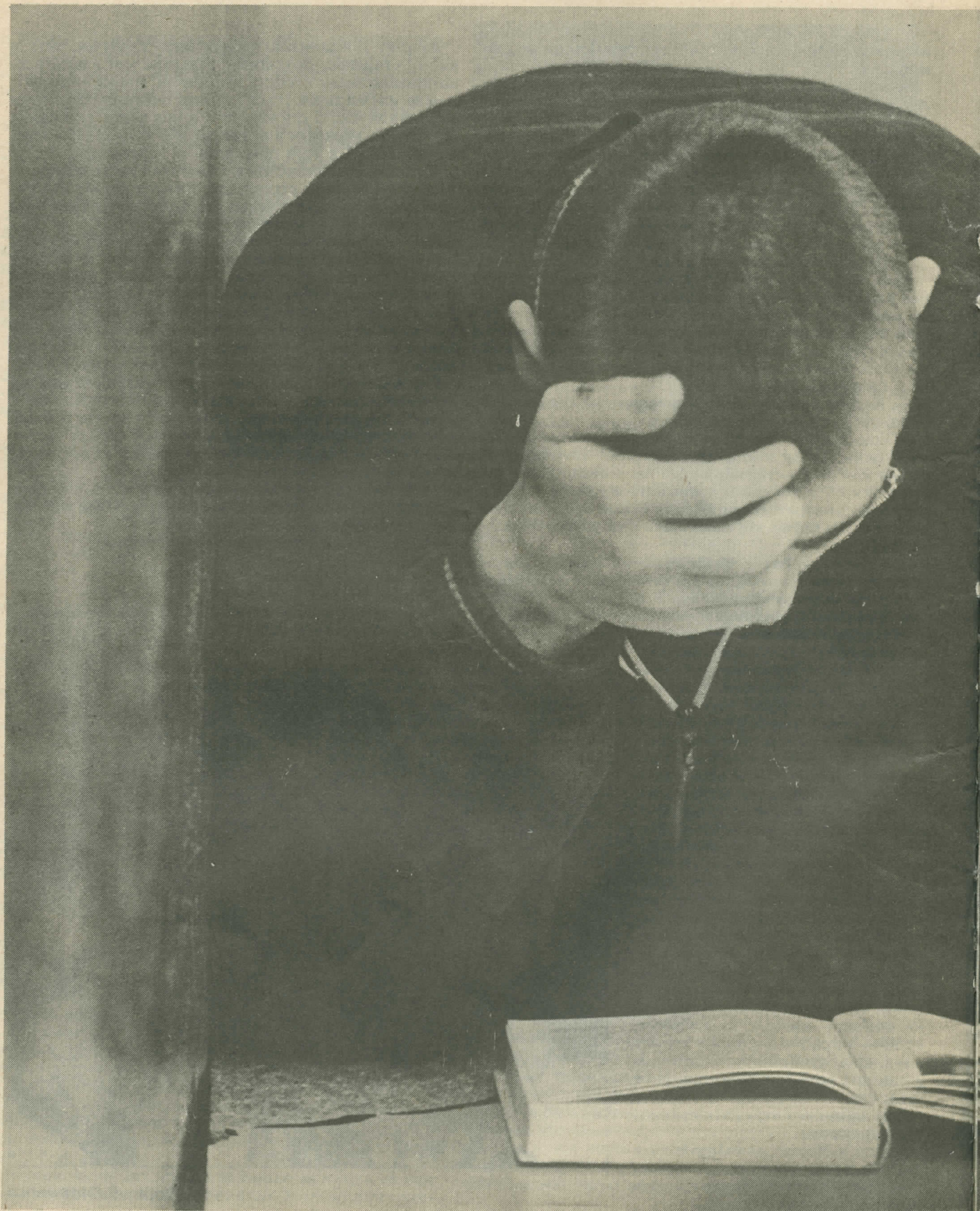
Если Россия выздоровеет, станет на ноги, она постепенно придет к той форме управления, которую она действительно заслуживает.

Не исключая и конституционной монархии.

В.Тростников среди авторов и друзей альманаха «Метрополь» (1980 год)

Фото В.Плотникова

КАК ЛЮБИТЬ РЕБЕНКА

«Грозная проблема — как делить завоеванные пространства, какие и кому давать задания и вознаграждения, как освоить покоренный земной шар. Сколько и как разбросать мастерских, чтобы накормить алчущие труда руки и мозг, как удержать человечий муравейник в повиновении и порядке, как застраховать себя от злой воли и сумасбродства личности, как наполнить часы жизни действием, отдыхом, развлечениями, уберечь от апатии, пресыщения, скуки. Как спланировать людей в дисциплинированные союзы, облегчать взаимопонимание; когда разъединять и делить. Здесь подгонять, ободрять, там сдерживать, здесь разжигать пыл, там гасить.

Осторожно действуют политики и законодатели, да и то часто ошибаются.

И о ребенке взрослые совещаются и решают; но кто станет у наивного спрашивать его мнения, его согласия: что он может сказать?»

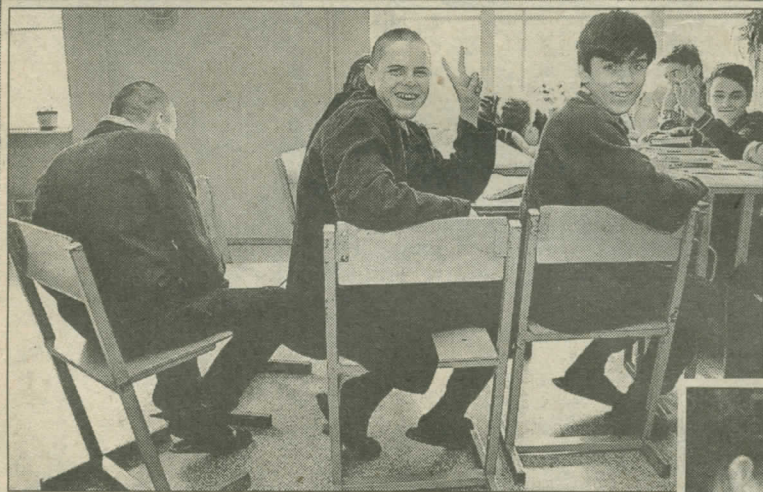
Здесь и не спрашивают. Не для того торчит за бетонной стеной вдоль грязного Алтуфьевского шоссе этот дом — московский приемник-распределитель для несовершеннолетних.

Жизнь всегда почему-то оказывается проще наших представлений. Жизнь кошмарно проста и убога. Мамкино молоко пахло «бормотухой», вместо папки — чужой кулак, а деньги берутся из случайного кошелька, и чистая простынь — в диковинку.

Обмыть, накормить, проклассифицировать: бродяга, подкидыш, спец-интернатский, — подержать пару недель и с плеч долой. перевалочный пункт. А из сердца?

Возраст — от трех до восемнадцати. Количество — в среднем 200. Каждый месяц 200 новых подранков, будущих граждан, так вступающих в жизнь.

Книгу Януша Корчака
«Как любить ребенка»
читала Елена САЛИНА.
Смотрел и фотографировал Юрий
ШТУКИН

ния и желание обвинить.

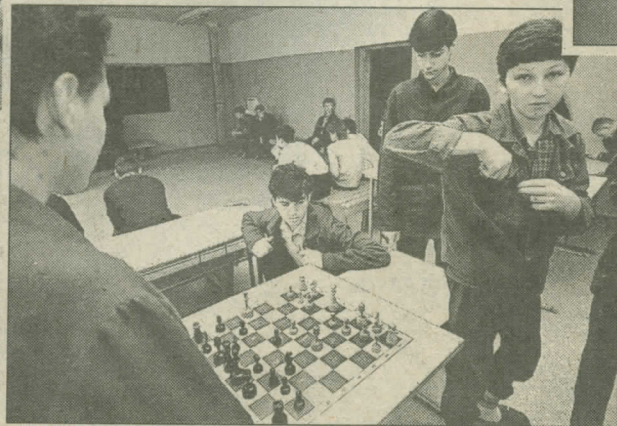
Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же — вместе, под одной крышей?»

«Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обмануть. Всегда у него готова отговорка, увертка, утайт, а то и вовсе солжет. Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозре-

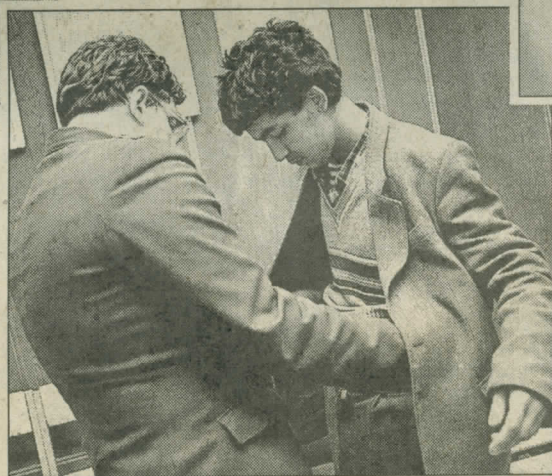
шт В де
нечно,
холода
ты Э
лья, в
Правд
— ни з
купиш

Но уникальное учреждение, способное принять практически любого ребенка — с улицы, с чердака, из товарного вагона, с помойки, — обиходить, подлечить болячки, подучить и даже приласкать, не хочет оставаться лишь КЛЕТКОЙ. Оно хочет (и может) в отведенный ему краткий срок еще и лечить души, воспитывать, занимать головы и руки. Разломанная деревянная игрушка — плохая подмога.

В детприемнике нет... Можно, конечно, написать, что там нет ни психолога, ни психиатра. Но это из мечты. Элементарное есть: столы, стулья, миски, нехитрая одежка. Стирают, например, вручную, ни за какие деньги в наше время не купишь стиральной машины.

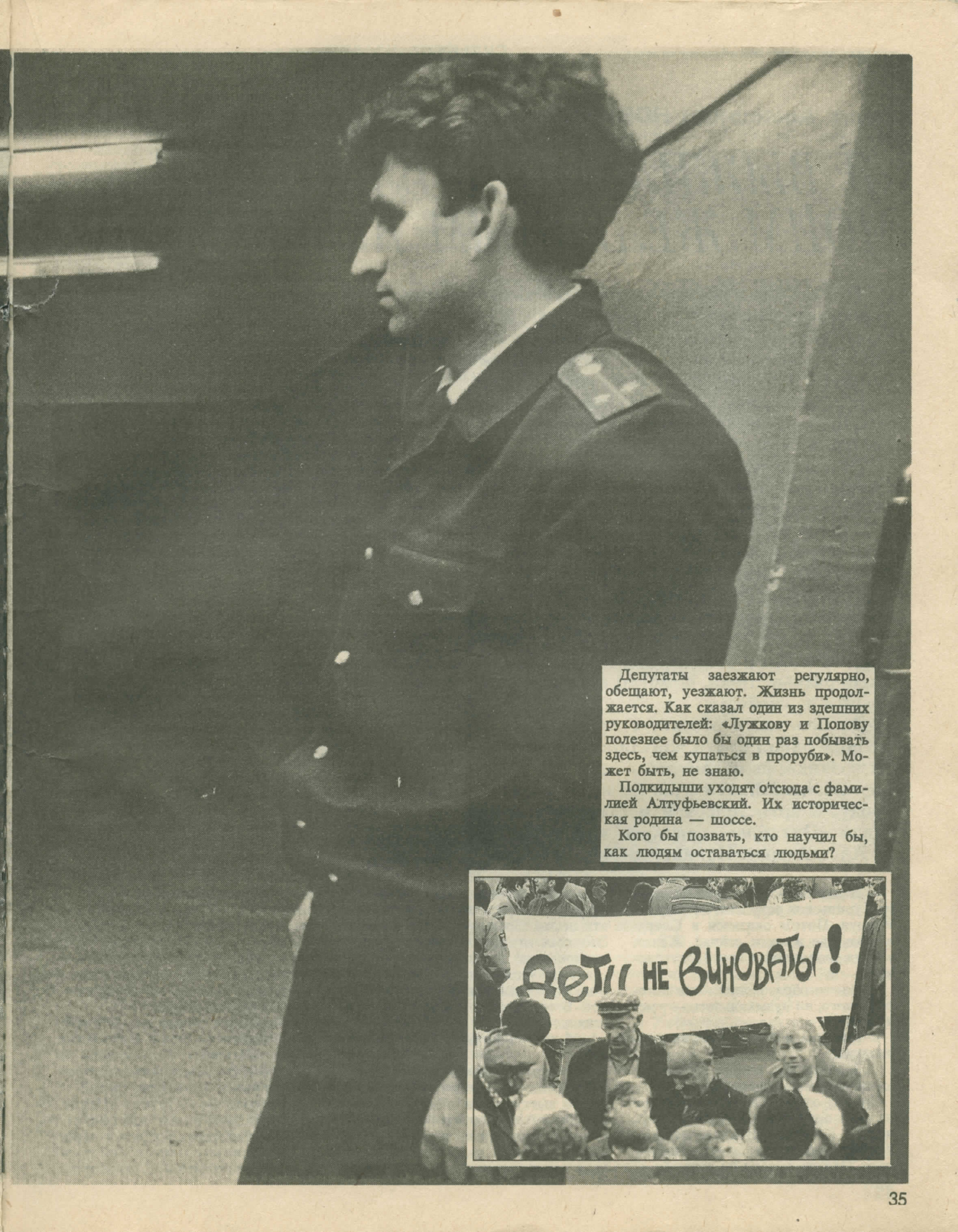

Позарез нужен компьютерный класс, обучающие и игровые программы, зал с тренажерами. Что, им??? Да! Им нужнее, чем кому бы то ни было. В идеале — диагностический центр, четко определяющий причины безнадзорности в каждом случае, дающий рекомендации, куда направлять.

«Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша услада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы...

Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок? Откуда неприязнь к любимому ребенку?»

Депутаты заезжают регулярно, обещают, уезжают. Жизнь продолжается. Как сказал один из здешних руководителей: «Лужкову и Попову полезнее было бы один раз побывать здесь, чем купаться в проруби». Может быть, не знаю.

Подкидыши уходят отсюда с фамилией Алтуфьевский. Их историческая родина — шоссе.

Кого бы позвать, кто научил бы, как людям оставаться людьми?

Бард Александр НОВИКОВ:

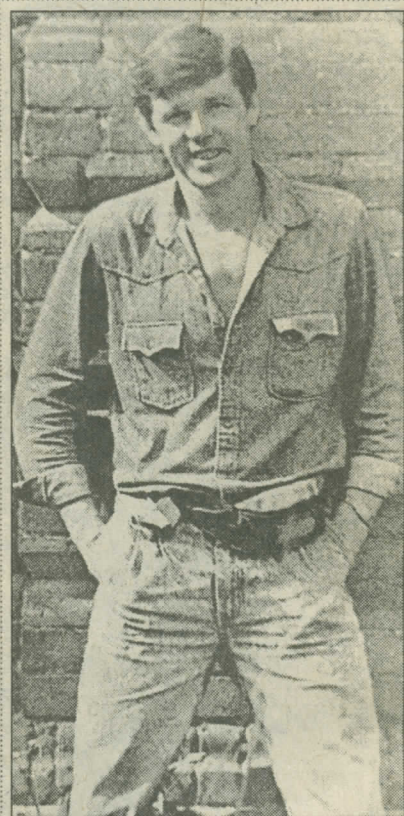
«Я ВЫЖИЛ ЛИШЬ БЛАГОДАРЯ МОИМ ЖЕЛЕЗНЫМ КУЛАКАМ»...

Поэзия в России всегда являлась чем-то большим, чем просто род литературы. Тоталитарный режим советского образца страшился сплочения нации, которому могли способствовать искусство, литература, наука, религия. Поэтому-то с таким обостренным вниманием прислушивались к каждому неподцензурному, вольному, без страха сказанному слову и народ, и партия. Разве что в этом они были едины.

С появлением и развитием «магнитоиздата» феномен неподцензурной поэзии стал зримым фактом нашей культурной деятельности.

В песнях Александра Новикова не было как таковой «политики», но в них жил тот мятежный дух, та удалость и широта, которые способствовали их гигантскому распространению в сотнях тысяч записей. Закономерен итог его творчества — 10 лет лагерей по сфабрикованному в недрах карательных органов «делу». Все же движение в защиту Новикова, в котором участвовали самые разные люди, помогло поэту и певцу выстоять и выйти на свободу.

Он приехал в Москву с программой, названной по строке одной из его популярных песен, — «Вези меня, извозчик», включающей в себя и старые его песни, и новые, написанные в лагере и уже после выхода на свободу. В артистической московского киноконцертного зала «Октябрь», накануне концерта, мы беседовали с Александром Новиковым о его судьбе.

— Я родился в год смерти Сталина на Курильских островах, на острове Итуруп. Потом оказался в Свердловске, где живу и сейчас. Женат, у меня двое детей. Сыну 15 лет, дочери — 9.

Высшего образования — ни литературного, ни музыкального — у меня нет.

— Хотя вы, кажется, учились в институте?

— Поочередно в трех ВУЗах, но ни один из них не закончил...

Трудно объяснить, что повлияло на мой приход к песенному творчеству. Когда я учился в восьмом классе, я впервые услышал Высоцкого. Это произвело на меня боль-

шое впечатление, вызвав желание научиться играть на гитаре и петь эти песни. Позже услышал Галича. Это был второй человек, определивший мою творческую судьбу. Я сразу почувствовал, что вот это — мое. Я захотел делать нечто подобное. В то время я уже давно писал стихи...

— А когда впервые вышли на сцену?

— Впервые я выскочил на сцену в 1970 году — с песнями «Битлз»; за это выступление я был подвергнут первой идеологической экзекуции. На подступах к микрофону кольцом стояли люди с ограниченным мышлением, прокаженные,

насквозь пропитанные коммунистической заразой, приспособленцы и негодяи, политические бандиты.

Поэтому о свободе творчества и речи не было, все так или иначе приспособивались. А я не приспособивался, поэтому на сцену прорывался крайне редко.

— Вы жили в городе, где возникла очень известная, даже знаменитая группа «Наутилус Помпилиус». В Свердловске существовала какая-то близкая вам музыкальная среда?

— Разумеется. А группа «Наутилус Помпилиус» и возникла вследствие того, что меня посадили в тюрьму. Половина музыкантов этой группы работала у меня. С ними я за-

писал магнитоальбом «Вези меня, извозчик», вызвавший гнев властей. Меня посадили, мою группу начали преследовать и вскоре разогнали. Тогда часть музыкантов и организаторов перешла в «Наутилус Помпилиус».

— *Ваше дело было шито белыми нитками, насколько я знаю. Поводом была «спекуляция музыкальной аппаратурой». Так ли это?*

— Все «дело» от первого до последнего слова было сфабриковано. Сразу после выхода магнитоальбома «Вези меня, извозчик» была слежка, я ее замечал. Потом однажды меня схватили посреди улицы и закинули в «Волгу». И пошло следствие. О радиотехнике — ни слова.

Начиналось все с экспертизы по каждой песне. Буквально...

— *А музыкальная аппаратура?*

— Тогда — как, впрочем, и сейчас — крайне сложно было приобрести импортную аппаратуру. А я все делал сам. Ничего не крал. Все детали покупал в магазине.

— *Я слышал, что в союзном КГБ была сформирована специальная группа, курировавшая следствие по вашему делу?*

— Этого я не знаю. Может быть. Потому что в Управлении внутренних дел Свердловского облисполкома, то есть на высшем уровне в области, была создана следственная группа, огромная...

— *Назовите хотя бы несколько имен — страна должна знать своих героев.*

— Охотно. Прежде всего — начальник следственного отдела Свердловского облисполкома полковник Семенов, прокурор области Лукин, следователи Анищенко, Глушенков, Ралдугин, Шистеров...

Всех фамилий не помню, группа была огромная. Это было в Свердловске дело № 1.

— *Чем вы подобное к себе внимание объясняете?*

— Скорее всего, из Москвы дали ЦУ — и «верные Русланы» бросились исполнять.

— *Все это происходило уже при Горбачеве?*

— Нет. Еще был жив Константин Устиныч.

— *Как долго шло следствие?*

— Почти год. И кончилось статьей 93 прим УК РСФСР «Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах».

— *А почему «государственных»?*

— А потому, что я сдавал изготовленную мною аппаратуру в комиссионные магазины, и там ее покупали организации по безналичному расчету. Поскольку деньги платили организации — то они и считались «государственными».

— *Вам еще инкриминировалась «частнопредпринимательская деятельность»?*

— Да. Но это, а также «антисоветские измышления» почти сразу отменили. Потому что по этим статьям были слишком мизерные сроки — до трех лет.

— *То есть изначально воплощалась идея «дать на полную катушку»?*

— Причем любой ценой! Любой хлам шел в дело. Составлялась экспертиза по каждой песне. В деле есть специальное заключение...

— *Кто взял на себя роль Зоила от МВД по вашему творчеству?*

— Евгений Родыгин, композитор-алкоголик, автор любимой среди алкоголиков же песни «Ой, рябина кудрявая...». Он дал заключение, что мои песни общественно опасны. Ему помогал еще такой писатель Очеретин. Писателей у нас много...

— *Сколько же вам дали и где вы отбывали срок?*

— Дали 10 лет усиленного режима. А срок я отбывал в Увделе — это север Свердловской области. Отсидел 6 лет.

— *Ходили слухи, что вас там ваши поклонники устроили на хорошее место, что вы были библиотекарем?*

— Это ложь. Я работал в самых тяжелых условиях, под самым страшным надзором. В условиях травли и унижений.

И то, что я выжил, так это лишь благодаря моим железным кулакам... Я вам скажу: по отношению ко мне сверху была дана следующая установка «Осудить, посадить, отправить в лагерь и истребить». В этом лагере было достаточно 3—4 месяца, чтобы физически истребить человека.

Когда я пришел с этапом, первое, что я увидел, было следующее. 20 человек, по лагерной терминологии называемые «петухами», выскочили, все драные, рваные и битые, когда вытащили ведро с помоями для лошадей, вырвали это ведро и начали есть содержимое.

— *То есть со времен Варлама Шамова практически ничего не изменилось?*

— Абсолютно! Этот лагерь, осно-

ванный в 1937 г., относился к спецлагерям НКВД, и в 1987 г. лагерная администрация даже праздновала его 50-летие. Лагерь был создан в целях истребления. Недавно сняли начальника лагеря, его зампом по режиму, еще кое-кого из лагерной администрации — к этому и я приложил руку. В лагере был страшный бунт. Настоящая резня, в результате чего погибло много людей. Был шум, публикации в прессе...

— *А среди охранников встречались приличные люди?*

— Да. Ведь в основном это тоже жертвы системы. Палачи и жертвы одновременно. Несчастные люди, и к ним следует проявлять сострадание. Живут они почти в таких же условиях, как и заключенные. При той же бытовой неустроенности. Психологически их можно понять.

— *Когда вы освободились?*

— Я вышел на волю 19 марта 1990 года. Сейчас думаю: не суждено мне было выйти ни днем раньше, ни днем позже. Если бы не поднялась общественность, не стали бы собираться подписи в мою защиту, мне бы нико гда отсюда не выбраться. Быть может, сейчас меня уже не было бы в живых...

— *С их стороны не было даже и позыва выпустить вас досрочно за «хорошее поведение»?*

— Абсолютно! Они просто испугались. Система дрогнула. Ведь подписи под письмами в мою защиту собирали десятками тысяч. Проходили митинги, мои друзья музыканты устраивали концерты. Благодаря всем этим людям, которым я теперь низко кланяюсь, я жив. Ведь я немало дней провел в ШИЗО («штрафном изоляторе»). К гитаре никто не давал подойти. Стравливали с заключенными. Это администрация делает мастерски.

— *На Западе тоже выступали в вашу защиту, были передачи по «Голосам»...*

— Сам я ни одной передачи, естественно, не слышал, но люди мне потом их пересказывали... Вот все это и не позволило удавить меня, как kota в мешке.

— *Удавалось ли вам там заниматься творчеством?*

— Какое творчество?! Тяжелая физическая работа по 12 часов. Морозы доходят до минус 55, и людей все равно выгоняют на работу. Никаких «активированных» дней нет. Народ мер как мухи...

Плюс к этому — сознание того, что тебя оклеветали...

Леонид Никитинский был первым встреченным мною журналистом, который отказался писать обо мне фельетон. Мы встретились в следственном изоляторе Свердловска, командировал его журнал «Крокодил». Когда я изложил ему суть моего дела, то он не поверил, затребовал материалы следствия и пришел в ужас. Сам он юрист, кандидат юридических наук, сейчас работает в отделе морали и права в «Комсомольской правде». Он — автор сценария фильма «Беспредел».

Мы с ним потом переписывались.

— **А концерт «Александр Новиков: из-за колючей проволоки»?**

— Это мне не принадлежит, это вообще не мои песни. Чисто коммерческий трюк каких-то неведомых мне людей.

— **Значит — шесть лет немоты?**

— Нет. Почему же. Я написал песни, прятал, пересылал на волю, но в виде текстов. Кассету не то что передать — записать было невозможно.

И когда я вышел, я сразу же записал два магнитоальбома: «В Екатеринбурге» и «Ожерелье Магадана», целиком состоящих из песен, написанных ТАМ. А в мае дал первые шесть концертов в свердловском Дворце спорта. Ну а дальше пошло-поехало...

— **Не собирается ли фирма «Мелодия» выпустить ваши пластинки?**

— Серьезных предложений с их стороны не было. Те условия, которые предлагает «Мелодия», в принципе неинтересны. Даже не в деньгах дело. Я хотел бы видеть свои диски вышедшими без какой-либо цензуры.

— **А независимые студии?**

— Велись переговоры в Прибалтике, и там диски обязательно выйдут.

Я хочу, чтобы они были хорошо оформлены и вышли именно в том виде, в каком хочу я, а не кто-то другой. Надеюсь, что имею на это право.

— **Многие ваши песни хорошо смотрятся и на бумаге. Не думаете**

ли вы и о поэтическом сборнике?

— Предложения на сей счет были. Но я, видимо, просто включу часть стихов и песен в книгу своей мемуарной прозы. Я ее сейчас готовлю. Но издам лишь тогда, когда буду убежден в том, что тянуть с ее выходом больше нельзя...

Слушатели мои — это люди не консервативного мышления. Я желал бы им в такой тяжелый момент объединиться, поддержав демократические силы России.

Чтобы мы успели все-таки стать цивилизованной страной, потому что сегодня мы находимся на краю пропасти. Поверьте уж мне: я видел изнанку «перестройки».

И хотел бы всеми фибрами своей души, чтобы люди сегодня проявили решительность.

Иначе нас всех опять засунут в лагерь.

Вел беседу Евгений ДАНИЛОВ

ИЗЛЕЧИСЬ САМ, ИЛИ ПОСТОРОННИМ ВХОД РАЗРЕШЕН

Нравы, царящие в лечебно-трудовых профилакториях, сейчас известны всем. Одно время пресса пестрила материалами о том, как в неволе живут и работают люди, больные алкоголизмом. После этого по стране прокатился ряд бунтов, немало озадачивших руководство МВД, а точнее, одну из его структур — Главное управление по исправительным делам. Однако далее дубовых министерских столов дело не пошло — бунты удалось погасить и... оставить все по-прежнему. МВД никак не хочет расставаться со своим детищем гулаговского типа, приносящим в милицейский карман баснословные прибыли. Подневольный труд, как известно, самый выгодный, потому что бесплатный. Жалкие гроши, получаемые алкоголиками в ЛТП, деньгами назвать трудно. Чтобы поддерживать этот способ выколачивания средств, и была создана система нар, решеток, конвоя и штрафных изоляторов — все, как в заурядном лагере для уголовников, плюс врач-нарколог в погонах и с сомнительной профессиональной подготовкой. Вот и получается, что лечат больных не врачи, а милиционеры. Пока никому не пришло в голову заставить медицинских работников ловить преступ-

ников, а обратная идея, как оказалось, вполне сгодилась и работает по сей день.

МВД, призванное соблюдать законность, почему-то игнорирует гражданские государственные акты. Например, постановление Верховного Совета РСФСР «Об освобождении лиц из лечебно-трудовых профилакториев для хронических алкоголиков» от 28 февраля 1991 года оказалось для милицейских чинов пустым звуком. Люди, попавшие в ЛТП только по факту их уклонения от добровольного лечения или в связи с продолжением употребления спиртных напитков, после «лечения» до сих пор практически остаются заложниками ЛТП. Это опять же выгодно МВД, так как таких там добрая половина.

Адвокаты, которые отныне должны допускаться на судебные заседания, когда решается судьба больного человека, так и не участвуют в процессах. Этот важный момент также оговорен в постановлении ВС РСФСР и, выясняется, — вхолостую.

Все это, как и многие другие нарушения элементарных свобод, обнаружил подкомиссия Моссовета по правам человека, побывав в ряде московских ЛТП. В результате на

свет появился еще один документ, который, по мнению его авторов, наконец позволит сдвинуть с мертвой точки наболевшую проблему. Было решено создать межведомственную комиссию по делам больных алкоголизмом и наркоманией, включив в ее состав народных депутатов, представителей здравоохранения, администраций ЛТП и общественных организаций. Комиссия и должна контролировать выполнение постановления Верховного Совета России. Основное внимание будет уделено организации реабилитационных центров для людей, страдающих тяжелым недугом. Как и положено, хозяином будет Минздрав, и больные смогут лечиться в обычных больничных палатах без решеток на окнах. Конвой в этих центрах заменят психологи, социологи и священнослужители. По мнению специалистов, такая структура будет обеспечивать качественное лечение.

Главное, чтобы это постановление не осталось на бумаге, не стало мертворожденным ребенком. Хотелось бы, чтобы шаг навстречу сделал и МВД как полновластный владелец ЛТП — заведений, мягко говоря, устаревшего типа.

М. МАСЛОВ

Ефим СМОЛИН

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

Мы у себя в сумасшедшем доме очень разволновались, когда заговорили об отмене привилегий. Дело в том, что у нас не просто сумасшедший дом. Этим сегодня никого не удивишь. Сегодня вообще такая жизнь, что вместо любого почтового адреса, скажем, «улица Горького, дом 17...», спокойно можно писать — «улица Горького, сумасшедший дом 17...».

Но наш дом особый. У нас сумасшедший дом Четвертого управления. Вернее, не целый дом, а только наша спецпалата. Ну и контингент соответствующий — крупные партийные работники. И диагноз у всех один, так сказать, профессиональная болезнь партийных работников — мания величия. Конечно, этим недугом и на Западе страдают, но там люди все больше Македонским прикидываются или Наполеоном. Ну а у наших своя специфика, образование партийное. Наполеоном никто не прикидывается, думают, что Наполеон — это торт. А уж тортом прикинуться — это совсем сумасшедшим надо быть...

Правда, была у нас одна дама широко образованная. Ее как-то ночью из-под санитара Василия вытащили. Она кричала, что она Анна Каренина, а Василия приняла за поезд, вот под него и легла... И Василий кивал головой и делал так: «у-у-у, чух-чух-чух...»

Ну, до скандала не дошло. К нам ведь применяют метод щадящей психотерапии. То есть, если кто кем прикинется, морду не бьют, а, наоборот, подмигивают пациентам, всячески подыгрывают: мол, да-да, так оно и есть — в общем, ждут, когда сам переберется. Даму эту с литературным уклоном тихо выписали, и больше у нас таких персонажей не было. У нас свои герои.

Вот в ту среду к нам в палату Ленина привезли. У нас уже были свой Каменев, свой Дзержинский, а Ленина еще не было. Мы, конечно, обрадовались. Ну что этот Дзержинский? Он или обои ест, или стоит два часа у умывальника в туалете и за всеми подслушивает. А если увидит, что его за-

секли, сразу воду включает, мылит и приговаривает: «У чекиста должны быть чистые руки...» Подвойский все время из игрушечного пистолета стреляет. Свердлов воображаемых кур зовет: «цик, цик, цик...» Не, конечно, с Лениным веселей стало...

Ну, что сказать про него? Вот иногда спрашивают: какая у Ильича главная черта? Я вам скажу — простота. Прост, как правда...

Когда санитар Василий привел его к нам, он поздоровался со всеми запросто, за руку, а с Урицом даже за ногу: тот в это время на люстре висел — качался. Подошел ко мне:

— Ленин. Владимир Ильич.

— Очень приятно, — говорю. — Давно это у вас?

— Да месяца три. Вот Кашпировского посмотрел да еще запил чумаковской водой. Смотрю — лысеть начал, борода пошла, закартавил. А вы здесь с чем, батенька?

— А что я? — говорю. — Я-то нормальный, я-то случайно здесь.

— Понятно, понятно. Ваша как фамилия?

— Моя — Зиновьев...

Санитар Василий отдал его вещи, газеты протянул.

— Товарищ Василий, — спросил Ленин, — это что, вся пресса? А где же черносотенные издания?

— Владимир Ильич, да там такое про вас... Я думал, не надо...

— Давайте, давайте!

Василий вздохнул и протянул Ильичу «Наш современник».

В это время в палату заглянул какой-то мужик в женском платье.

— Керенский? — встрепенулся Ленин и тут же нахлобучил парик и достал документы на имя немого финского батрака.

— Да нет, — сказал мужик, — я не Керенский, я Маврикиевна, мы тут с шефским концертом.

Но Владимир Ильич не поверил, решил скрыться от ищеек Временного правительства, вытащил свою кровать на середину палаты, сделал из простыни шалаш, юркнул в него, а мы всей палатой напрудили вокруг — полчились Разлив... И мы с Дзержин-

ким по очереди плавали к Владимиру Ильичу на ночных судах.

Вышколенный медперсонал спецпалаты в полном соответствии с методом щадящей психотерапии сквозь пальцы смотрел на наши штучки. Сестры и няньки только подмигивали друг другу для бодрости: мол, это мы так, сами-то мы нормальные...

Ленин тихо сидел себе в шалаше, никого не трогал, и нянька, утром разнося завтрак, подходила ко мне или к Дзержинскому, протягивала тарелку, подмигивала и говорила: «Отвезите Ильичу...»

Каждый раз, когда мы подплывали, Ленин выскакивал из шалаша, как кушка из часов, и спрашивал: «Ну, не созрела еще революционная ситуация?..»

И мы говорили: мол, не созрела. Между нами говоря, чего ей было так особенно зреть? Жили мы неплохо. Тихонько защищали себе интересы рабочего класса. Рабочий класс был у нас в шестой палате, там выдвигавшиеся занимались трудотерапией — клеили конверты. Мы эту палату называли «почтой». И было там все нормально, только паренек один из Луганска, Ворошилов, кажется, все время жрал клей...

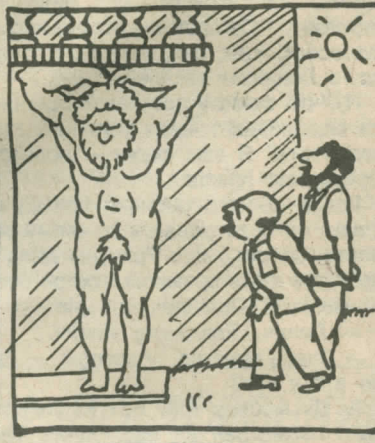
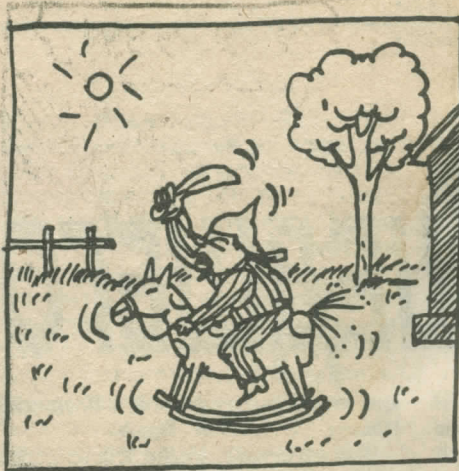
Ну, Ильич, конечно, расстраивался, когда узнавал, что ситуация не созрела, ел вяло. Вообще-то в еде он был неприхотлив, но вот на воле узаконили частную собственность, и он стал принохиваться к каждому кусочку колбасы и с подозрением спрашивал:

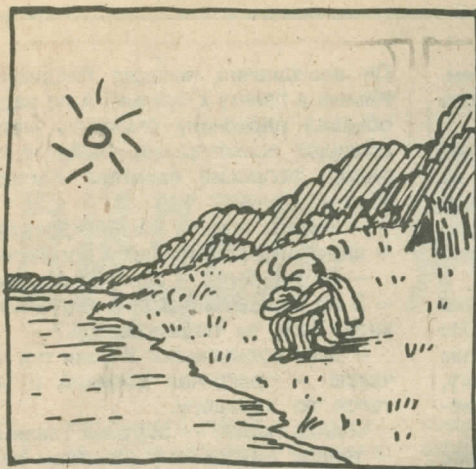
— Это социалистическим способом сделано? Не в результате эксплуатации человека человеком?

И мы наперебой говорили ему:

— Ну что вы, Владимир Ильич! Конечно, не в результате! Посмотрите на срез — тут и волосы, и опилки... Видно, что ребят не угнетали в процессе работы...

В общем, мы успокаивали его, как могли, и он, повторяю, тихо сидел в шалаше, пока мимо опять не пробежал какой-то мужик в женском платье. И как мы ему ни говорили, что это не Ке-

ренский и даже не Маврикиевна, а просто какой-то педераст, ничего не помогало: подхватился, перевязался платком, достал чужие документы и стал бегать от санитаров. Но и тогда санитары вместе с главврачом не отказались от метода щадящей психотерапии. Они говорили:

— Владимир Ильич! Владимир Ильич! Мы сочувствуем большевикам! Идите сюда! Мы вас спрячем!..

А он в соответствии с законами конспирации говорил:

— Какой Владимир Ильич? Я рабочий Иванов!

А они, продолжая подыгрывать, незаметно перемигиваясь, спрашивали, потягивая самокрутку:

— Браток, а ты Ленина видел? Какой он из себя?

И он отвечал:

— Ленин? Ну, как вам сказать... Похож на артиста Каюрова...

И так, в разговоре, они потихоньку подводили его к отдельному боксу.

— Что это? — обеспокоенно спрашивал Ильич.

— Пломбированный вагон. Тихо! Сейчас поедете через Германию...

И он потом стучался оттуда, спрашивал:

— Почему мы стоим?

— Приехали, — отвечал главврач.

— Почему не открываете?

— Трудности с разгрузкой. У нас сейчас в России жуткие пробки на дорогах.

— Кто Председатель Совета Министров? — строго спрашивал из бокса Ильич.

Главный забыл, кто был в те годы Председателем Совета Министров, и почему-то сказал:

— Рыжков...

— Немедленно расстрелять, — сказал Ленин.

— Слушаюсь, — сказал главный и выстрелил из взятого у Подвойского пистолета.

Когда Ильичу полегчало, его вывели погулять во двор, но пьянящий весенний воздух действует непредсказуемо. Ленин принял стоявшую во дворе «неотложку» за броневик, забрался на нее и выступил с апрельскими тезисами... А няньки и санитары нарочно изображали народ, перемигивались и кричали: «Хватит! Попили нашей кровушки!..»

Стащить его не было никаких сил. Пришлось просить пробежаться по двору того мужика в женском платье. Очень Ильич Керенского опасался. Слез, дал тихо увезти себя обратно в шалаш.

В общем, конечно, нянчились с ним. А что вы хотите? Вождь мирового пролетариата...

Как раз в это время в гости к нашему главврачу пришел главврач из другого сумасшедшего дома. Он прошелся по палатам, равнодушно скользнул взглядом по шалашу и сказал:

— Господи, Ленин, что ли? У меня этих Лениных девать некуда... Да. Но они у меня тихо сидят, у меня ж там еще и Деникин, и Врангель. Могу, кстати, парочку Корниловых прислать.

— Да нет, спасибо, у нас и так тихо, тыфу-тыфу-тыфу, — сплюнул наш.

— А вы своего где брали? — спросил чужой.

— В Смольном, — сказал наш.

— В Смольном? Так партия же, слава богу, снова в подполье ушла. Там же опять Институт благородных девиц.

— Вот он к одной девице и пристал, — сказал наш. — «У тебя, — говорит, — подружки нет? Мы сейчас с Троцким придем». Ну, она перевозку и вызвала. Ой, еле поймали! Санитары сначала перепутали и вместо него на памятник у входа смирительную рубашку надели...

Врачи посмеялись и пошли к выходу.

А Ильич... Не знаю, то ли он услышал разговор, то ли наш главный сплюнул не через то плечо, — в общем, к вечеру у Ильича началось обострение. Ночью он собрал расширенный ЦК и поставил вопрос о вооруженном восстании.

Мы с Каменевым, конечно, были против и тут же наступали главврачу.

Он немедленно посадил Владимира Ильича в палату к буйным. А по радио объявил персоналу отставить метод щадящей психотерапии. Выйдя в коридор, попросил санитаря Василия убрать шалаш.

— Хватит, попили нашей кровушки! — вдруг заорал Василий и подмигнул.

— Ты где был? — спросил главный.

— Я же передал по радио: игру отставить. Чего ты подмигиваешь?

— Я не подмигиваю! У меня тик начался! — прокричал Василий и умчался по коридору.

«Жалко парня, — подумал главный, — теперь ему самому санитары нужны». У них это иногда бывало. Сумасшествие, конечно, не заразно, но работа на нервах. Он увидел несколько медсестер, подошел к ним.

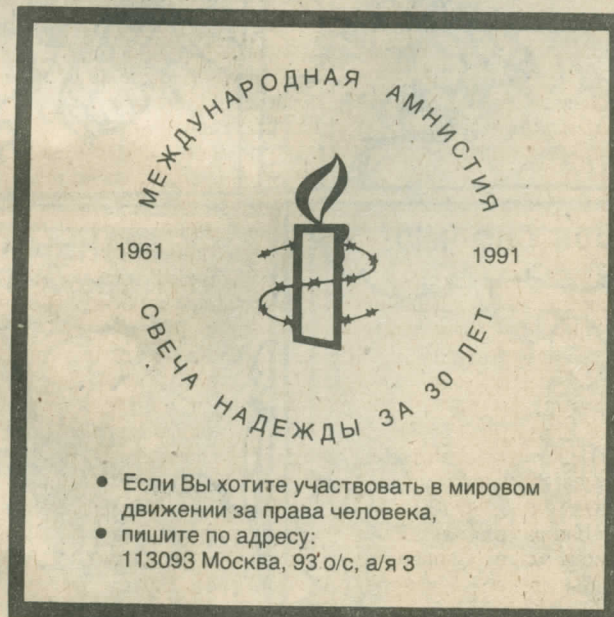
— Там Василия бы связать надо, — сказал он. — С ума сошел.

— Сейчас некогда, — сказала медсестра Клава, — мы буржуев бить идем. Наша задача — захватить телеграф и почту...

— Что? Зачем?!

— А там в конвертах клей очень вкусный...

Главного бросило в дрожь! Сумасшествие, может, и не заразно, а вот идеи мировой революции! Господи! Да он же его сам к буйным посадил! Он бросился к палате, но было поздно. От буйных доносилось пение «Интернационала». Потом дверь распахнулась, и оттуда в коридор выглыл на каталке один из них в самодельной бескозырке с надписью «Аврора» и оглушительно пукнул, изображая залп легендарного крейсера. Начинаясь новая эра...

«ВИДЕЛ Я ТРЕХ ЦАРЕЙ...»

Очень много пишут о политике. Хотя слово «политика» здесь, по правде говоря, не совсем точное. Просто мы регулярно получаем тяжелые конверты, содержащие 20, а то и 30 страниц текста. Иногда этот текст отпечатан типографским способом на ослепительно белой бумаге. К нему приложена визитная карточка автора, выполненная на двух языках — русском и английском. Но это может быть и стопка тетрадных листков, где корявые крупные буквы старательно выведены зелеными чернилами. Объединяет столь несхожие по внешнему виду послания одно — их авторы пытаются выяснить, что же происходит вокруг, и высказать свое к этому отношение.

«Не знаю как вас, а меня давно уже преследует ощущение, будто вся страна живет напряженным ожиданием конца света, — пишет Е.Обухов (г.Павловский Посад). — Экстазы, видения, кликушества... Врачеватели лечат взмахом руки по телевизору, летающие тарелки садятся прямо на колхозные огороды, изголодавшиеся по сплетням граждане платят немалые деньги, чтобы узнать, кто ближайшие родственники жены президента.

Партийные функционеры цитируют Библию. Того и гляди, крестные ходы с хоругвями пойдут вокруг обкомов и райкомов.

Всюду бестолковость, безалаберность и беспринципность. Жизнь вышла из берегов, и в ее мутных водах не видно дна.

По настроению и мироощущению это письмо — одно из самых характерных. Но не самое мрачное.

«Я не могу жить в этой проклятой стране. Я боюсь и ненавижу ее! — восклицает некто, себя не назвавший по причине, очевидно, того же страха. — У нашего государства нет будущего, оно существует, лишь чтобы уничтожить и топтать своих граждан. Если бы мою ненависть материализовать, страна сгорела бы дотла... Я уверен, что пригожусь Америке больше, чем

своей Родине. Я согласен жить в пустой коробке из-под бананов и мыть полы в дешевых забегаловках... Советского человека нищетою не запугать — мы нищие со дня рождения. Но я хочу быть свободным в своей нищете, а не рабом у коммунистического государства».

Да, кстати, наши читатели очень не любят коммунистов. Никто не любит. Даже поклонники Сталина, которые начинают свои послания в «Столицу» вопросом: «Что, гады, еще скрипите?», и те обличают «партократов, развращавших и губивших Отечество». О гражданах демократических взглядов и говорить нечего. Л.А.Минина (г.Люберцы) увидела по телевизору одного из партийных лидеров: «Такой гладкий, скользкий, сытый, наглый, весь импортный, добрался, видно, до кормушки».

«Когда я слышу, как партийные функционеры с презрением рассуждают о захлестнувшей страну митинговой стихии, мне хочется спросить: «А судьи кто?» — продолжает тот же Е.Обухов. — Разве не митинговая стихия в Октябре 17-го вынесла их наверх? Разве не они сами старательно раздували едва зачинавшееся пламя народного бунта? И не они ли, когда это было выгодно, называли всеобщее безумство «праведным гневом трудящихся масс?»

Отношение к Октябрьской революции — вопрос сложный. В.М.Атлер из Москвы интересуется: «Если Ленин был преступником перед народом, то почему народ, восставший против царизма и русской буржуазии, пошел за ним и победил? Почему этот революционно настроенный народ не пошел на зов других партий, а выступил на стороне большевиков?»

И.А.Орлов из Мариуполя собирает «поставить свечку в церкви за здоровье великомученика Бориса Николаевича».

Каткова из Москвы свечек ставить не намерена. Она настроена очень резко. «Хватит кивать на старое правительство. Если, как вы пишете, КПСС развалила страну, то демокра-

ты добились ее до конца. Хотелось бы узнать, когда, наконец, депутаты Моссовета займутся своим непосредственным делом — проблемами жилья, питания, наведением чистоты в городе, уже не говорю о медицине. Возникает вопрос, а не специально ли депутаты создают напряженную обстановку, чтобы взорвать народ, а потом устроить митинги под лозунгом «Правительство в отставку!». Это, конечно, легче, чем думать и наводить порядок в городе».

Иногда говорят не только о сегодняшних проблемах, но и вспоминают дни минувшие, незаметно переходя от политики к событиям своей собственной жизни, и наоборот. Помните Пушкина? «Видел я трех царей...» и так далее. Очень распространенный у нас жанр. Главное, у всех есть что вспомнить. «При каждом из вождей в моей жизни было что-то светлое, — рассказывает А.Шмонин (Москва). — При Иосифе Джугашвили собирал на колхозном поле перезимовавшую в земле картошку (у нас ее называли «мизгой»), и меня едва не достал плеткой конный объездчик, но мне удалось увернуться. При этом же лидере мы переехали в лесную деревню и смогли топить печь хворостом, а не соломой.

При Георгии Маленкове пил чай с сушеной свеклой. При Хрущеве получил прибавку к стипендии с 18 до 28 рублей, и мне стало хватать на батон хлеба и бутылку молока в день.

При Леониде Брежневем случайно задремал на одном из собраний и счастливо избежал полагающейся персоналки.

При Юрии Андропове удачно вынес огурец с овощной базы, куда я, как кандидат наук, еженедельно направлялся на принудилровку».

О нашем времени автор не распространяется. Может быть, впечатлений слишком много. Или, наоборот, считает, что главный подарок судьбы еще впереди.

Е.ГОНЧАРЕНКО

Оказавшись в Англии и договариваясь об интервью с Владимиром Буковским, я уже знала, что через несколько дней он, последние 14 лет не по своей воле проживший на Западе, впервые летит в Москву. Понимая, что там журналисты будут интересоваться главным образом его мнением о наших делах, я решила сосредоточиться на здешних. Но не очень-то это удалось.

...Нужный мне дом находился на окраине Кембриджа и ничем не отличался от игрушечных, утопающих в цветах особнячков, стоявших по обе стороны чисто вымытой улочки. Этот буколический фон никак не вязался в моем представлении с бунтарем и «экстремистом», домом которого на родине по преимуществу была тюрьма. Ну что ж,

каждая из стран, где жил Буковский, дала ему то, что считала нужным дать.

Однако, войдя в дом и оказавшись в кухне — по-московски прокуренной (англичане трепетно относятся к своему здоровью и поголовно бросают курить) и по-московски же не по назначению используемой (разбросанные бумаги, раскрытая машинка), — я поняла, что идиллический особнячок, садик с цветущей яблоней, классическая английская гостиная с камином существуют сами по себе — как дань обычаям приютившей его страны, а он, сам по себе, такой же, каким был и на родине, — резкий, непримиримый, не признающий полумер и компромиссов.

Владимир БУКОВСКИЙ:

«СВОБОДА ВЫБОРА ЕСТЬ У КАЖДОГО»

Фото И.Кравченко

— Владимир Константинович, одна половина вашей сознательной жизни прошла в Союзе, другая — на Западе. Довольны ли вы тем, что судьба сложилась именно так?

— Ну, о том, что у меня было в России, я никогда не жалею, не жалею и жалеть не буду. Ту свою судьбу я сам выбрал. А на Запад не просился, но и об этом отнюдь не жалею. Здесь я узнал много совершенно новых сторон жизни, о существовании которых не подозревал в Союзе. Знаете, встречаясь здесь со своими старыми друзьями, оставшимися в Союзе, я поражаюсь: они остались такими же, какими были, они неизменны, как прошлое. А мы — те, кто оказался на Западе, — невероятно изменились, так как продолжали развиваться.

Но, разумеется, есть здесь и свои сложности. Тут ты всегда перед выбором, в том числе и того, чем можно заниматься. И поэтому навсегда остается открытым вопрос, правильный ли выбор ты сделал. Я занимался наукой —

нейрофизиологией, занимался политикой — писал статьи, книжки, организовывал кампании — то за освобождение политзаключенных, то против войны в Афганистане, потом против Олимпийских игр, потом — за освобождение пленных... конца этому нет. Но самым главным моим делом здесь было одно — объяснить Западу наши проблемы, и то, что, по сути, это не удалось, всегда будет меня терзать и останется тяжелым грузом на моей душе. Но сколько мы все здесь ни бились — бесполезно. Уж я не говорю — теперь, когда у них есть такая «замечательная» фигура, как Горбачев, — при Брежневе, когда даже им было ясно, что людоед... Нет, ни на йоту не сдвинулись, хотя, видит Бог, ничего больше сделать нельзя было, просто стена.

— Не понимали или не хотели понять?

— Они все понимают, они не хотят.

— У них свои проблемы и наши им не интересны?

— У них не просто свои проблемы, у них еще своя пси-

хика. Они предпочитают опасности не видеть — так комфортнее. Живут своими конкретными маленькими проблемами и очень этим довольны. В среднем человек здесь, в общем, никак не интересуется геополитикой. У всех свое — кто в Бога верит, кто сад разводит. Некомфортные вещи знать не хотят, а мы — это некомфортно, это неприятно, это опасность, и, если ее осознаешь, вроде что-то нужно делать, а этого не хочется. Точно как у нас: пока гром не грянет — мужик не перекрестится.

Да и политики здесь очень недалекие, очень посредственные, чего никак в Союзе не могут понять. Ведь Запад сейчас образец для подражания во всем. Ну, в каком-то смысле это правильно — институты, которые здесь были созданы, в общем, стабильны и удобны для людей. Но переоценивать уровень знаний, моральный уровень западной политической жизни не надо. Равно как и здешних политиков — их выбрали, потому что они хорошо улыбаются, а не потому, что они что-то знают.

— Так что ж, вообще не существует нормально устроенных стран, где выбирают в политики умных людей, а не тех, кто хорошо улыбается?

— В политики умных людей не выбирают почти никогда и нигде.

— Умные только «серые кардиналы»?

— Да. А в политики выбирают тех, кто удобен, кто хорошо умеет общаться с народом, кто может восприниматься как фигура.

— Ну, хорошо. А Рейган, Буш?

— Рейган проспал все свое президентство. Он замечательный, очень интересный, но очень старый человек. Единственное, что он сделал, подобрал себе хорошую, лучшую в Америке команду. А сам проспал все свое время.

Хорошие политики появляются только в моменты кризисов, тяжелых кризисов, когда страна, нация чувствует, что нужно найти действительно лидера. Так англичане выдвинули вперед Черчилля во время войны. Если бы не война, он никогда не стал бы премьер-министром Англии. Это просто исключено.

— Во время кризисов, вы считаете, срабатывает инстинкт самосохранения нации?

— Абсолютно так. Когда выбрали Тэтчер? Когда страна разваливалась. Я приехал сюда при лейбористах, и Англия тогда была просто «страной победившего социализма»: ничто не работало, транспорт не ходил, бастовали морги, бастовали детские больницы — это было что-то страшное. Страну разваливала волна профсоюзных социалистических требований, она катилась в пропасть. И вот тогда сработал инстинкт самосохранения нации — англичане выбрали Тэтчер.

— Значит, хотя бы ее вы считаете умным политиком?

— Тэтчер, безусловно, была сильным политиком, она была личностью. При всем том, что с Горбачевым многое напутала.

— Ну что же, кризис у нас налицо. Так сказать, полдела сделано... Как вы думаете, что нас ждет?

— Прогноз с самого начала у меня был один: или Горбачеву и его команде придется вводить военное положение и все зажимать, или это все будет разваливаться. Впрочем, разваливаться будет так и так. Но возможны разные сценарии. О том, что система кончилась исторически, спора нет. Вопрос в сроках, в способе. Каким образом этот путь от пункта А до пункта Б будет преодолен.

— Без крови, с малой кровью или с большой?

— Да. Один из вариантов они уже пробовали проигрывать. Но, по счастью, Горбачев — человек трусливый. Он

несколько раз пытается переворот совершить и никак не решается.

— То есть вы считаете, что в Прибалтике мы наблюдали репетицию?

— Это была не репетиция, это было начало переворота, но в последнюю минуту Горбачев испугался.

— Реакции Запада?

— Он просчитался: хотел попасть на начало войны в Заливе, а начал на три дня раньше.

— Все-таки это очень странно: ведь очевидно было, что реакция Запада — совпали бы события в Прибалтике с войной в Персидском заливе, не совпали бы — все равно в принципе была бы такой, какой была. Речь могла идти только о степени возмущения. Неужели Горбачев и его советники этого не понимали?

— Вы знаете, если бы переворот в Прибалтике и начало войны совпали по времени полностью, реакция Запада была бы раз в пять меньше. Горбачев просто просчитался на три дня — как говорится, Бог шельму метит. В Литве после подъема цен народ был недоволен, Прунскаене разошлась с Ландсбергисом — словом, кризис, уж слишком удобный момент, чтобы его упустить. И Горбачев начал действовать на три дня раньше им же намеченного срока. Он зна-а-ал, — когда начнется война, но соблазнился удобством момента и — сунулся. А попал — ровно в паузу. Это вам там, в Союзе, не очень видно было, а я-то тут сидел... Это, знаете, как в базарный день на площади остановиться за телегой малую нужду справить, а телега-то возьми да и отъедь... Вот это ровно так было. Представьте — пауза, затишье, все сидят и ждут, когда начнется война — это должно произойти со дня на день. К этому моменту журналисты иссякли, уже все о войне было жевано-пережевано по многу раз — все аргументы, все прогнозы, все, что можно было по этому поводу написать. Возникла томительная пауза. И Горбачев попал ровно в эту паузу, когда нечем было заполнять газеты и эфир.

— И тут все схватились за события в Прибалтике?

— Это был просто номер один. Это надо было уметь так попасть. А вот сделал он это на три-четыре дня позже, и эффект был бы минимальным.

— Вы полагаете, что эту свою «задумку» в масштабах страны Горбачев доведет до конца?

— Я не знаю, и никто этого не знает, потому что факторы, которые влияют на такое решение, очень многообразны. В частности, характер Горбачева. Это один из тех немногих вопросов, где его характер имеет значение. Что ему все подготовлено — все планы зажима, у меня сомнений нет. Причем подготовлено еще со времен Баку.

— Другого варианта у Горбачева, с вашей точки зрения, нет?

— Нет, конечно. Он не понял с самого начала, что у него не будет другого варианта. У него были одни цели, а у страны другие.

— Ваша непримиримая позиция, мягко говоря, несколько отличается от позиции, занятой многими нашими политэмигрантами. Особенно поражает в этом отношении метаморфоза, произошедшая с А. Зиновьевым. Когда-то он написал о нашем строе совершенно беспощадные «Зияющие высоты», а сегодня говорит все больше о его преимуществах. Что с ним произошло?

— Вы меня об этом спрашиваете?

— Ну кого же еще нам об этом спрашивать?

— Зиновьев — человек, обожающий парадоксы. Я хорошо его знаю и думаю, что он просто заигрался. Например, еще один из изобретенных им парадоксов — советский человек, о котором он написал книжку, целую концепцию

разработал и сам в нее поверил. Я ему много раз говорил: «Александр Александрович, ну, какой там советский человек был создан советской властью, ну, не было этого».

— Вот тут я бы с вами поспорила...

— Разложили человека, деградация его произошла, а не новый человек был создан.

— Знаете, когда-то мы сами смеялись, когда с высоких трибун нам возвестили о том, что создана «новая историческая общность — советский народ». А потом с ужасом убедились, что это истинная правда: на протяжении нескольких десятилетий действительно произошел определенный генетический и социальный отбор.

— Это правильно. Только ведь Зиновьев что дальше говорит? Раз есть система советской власти, значит, есть и советский человек, который в нее верит и которому она выгодна. Система же должна на чем-то держаться — она держится на таком человеке, которого она устраивает. Вот так он создает искусственного гомо советикуса.

Я с ним долго спорил, но потом перестал — с ним спорить бесполезно. А дело-то в том, что такого советского человека, какого хотели, не создали. Более того — создали во всем противоположного тому, какого хотели получить. Должен был человек быть коллективистского сознания, а вышел — крайний эгоист. Должен был быть законопослушным, а стал анархистом. Должен был уважать социалистическую собственность — а на самом деле что угодно, только не это. Да любой параметр возьмите. То есть они получили обратный результат. Значит, сказать, что они создали задуманного ими советского человека, — это чушь. Ну а возражать против того, что измучал народ, разложился, — кто же будет? Но это, между прочим, совсем не только советское явление.

— Вам виднее после стольких лет жизни на Западе. А, кстати, как вы думаете: по жизненной выносливости, по привычке к стрессам и перегрузкам не даст ли советский человек несколько очков вперед западному — разнеженному своим комфортным существованием, отсутствием массы проблем, с какими имеем дело мы?

— Безусловно. Я вам приведу несколько примеров. Америка — страна безумно комфортная, богатая, жизнь в ней, по нашим представлениям, беспроблемная (американцы-то вам, конечно, расскажут о том, какие у них «страшные» кризисы во всем). Люди там растут, не привыкая к стрессу — с детства им, так сказать, делают привычки от всех возможных болезней. Но вот если все-таки доведется им заболеть, то они совершенно не знают, как недуг преодолеть, как выздороветь. Система образования устроена так, чтобы никакой конкурентности не было, никакого давления на ребенка не было, чтобы, упаси Бог, комплексов у него не возникло. В результате вырастает розовощекий дядя, который выглядит на 25 лет, а мозгов у него от силы на 7. И это понятно: ведь чтобы развиваться, необходимо сопротивление, которого он не имел. Малейшая жизненная травма, и американец просто разваливается. У соседа собака сдохла — он уже вынужден к психоналитике идти, у него нервный срыв. Поэтому они и воевать не могут.

— Это американцы-то воевать не могут? А Персидский залив?

— Там победила американская военная техника, а солдаты их воевать не могут. Они не выдержат перегрузок — у них слишком комфортная и благополучная жизнь, к которой они слишком привыкли. А вот англичане — хорошие солдаты, они гораздо более выносливы. Но они и живут гораздо более неудобно. Да-да, Англия — крайне неудобная для жизни страна.

—??

— Нет, ну, понятно, вы из Москвы приехали. А вот по сравнению с другими странами Европы англичане просто мазохисты, специально сами себе трудности создают.

— Вы шутите...

— Нисколько. Дело в том, что после войны в здешней экономике был очень силен социалистический элемент, многое было национализировано. И все, что было национализировано, работало из рук вон плохо. Только после прихода к власти Тэтчер что-то стало меняться. То, что она смогла денационализировать, стало работать нормально, то, что не смогла, — по-прежнему работает омерзительно. Сейчас Мейджор пытается продолжить начатое Тэтчер, и хотелось бы, чтоб преуспел, потому что по сей день не денационализированный железнодорожный транспорт работает здесь примерно так же, как в России в гражданскую войну.

— И поэтому англичане более выносливы?

— И поэтому тоже. Но еще и потому, что подвергают своих детей суровому воспитанию в закрытых частных школах. 13-летних мальчишек, а с недавнего времени и девочек, вырывают из семьи и помещают в совершенно казарменные условия: со спальнями на 12—15 человек, с подъемом чуть не в 6 утра, холодным душем, обязательными занятиями спортом и посещением дома всего три раза в год — на рождественские, пасхальные и летние каникулы. Если выпускник такой школы поступает в университет, то опять-таки живет вне дома, а затем, начиная работать, уже окончательно порывает с родным гнездом: взрослые дети никогда не живут вместе с родителями. Все это имеет свои резоны. Люди здесь вырастают очень самостоятельными, независимыми, приспособленными к жизни, закаленными, не нытиками.

— У нас народ, как мы с вами выяснили, еще более закаленный. Но совсем без еды и ему, знаете ли, трудно. Между тем среди интеллигенции сейчас нередко можно услышать: народ за колбасу готов отдать гласность. Можно ли упрекать человека за то, что он хочет есть?

— Можно. Если человек готов продаться в рабство из-за куска колбасы, упрекать его за это можно. Потому что у каждого из нас есть свобода выбора. Выбираешь рабство — ну, тогда живи в нем и не жалуйся. Но вообще-то такая постановка вопроса сейчас странна — хотя бы потому, что у советской власти нет больше колбасы и не будет в ближайшем будущем. И все это понимают. Во-вторых, уже слишком далеко зашло. Чего требовали бастующие шахтеры, забастовавшая Белоруссия? Колбасы? Нет, отставки товарища Горбачева. Значит, народ уже развился политически, он уже соединил власть и колбасу в причинно-следственную связь, понял, что колбаса — это производное от будущей нормальной власти, от свободы, от нормальной жизни.

— Что же, с вашей точки зрения, нам нужно делать, чтобы приблизить эту нормальную жизнь?

— Стране надо сделать последний рывок — освободиться от старых структур, старого руководства, номенклатуры. Сами они не уйдут, это ясно. Нужно заставить их уйти, желательно — мирно. Значит, выход только один — массовое движение неповиновения, массовые забастовки. Единственное, что можно сейчас сделать, — это всей стране забастовать. Рецепт, заметьте, далеко не новый. Я уж не говорю о России, где товарищ Ленин твердил о всеобщей политической стачке и был прав. Но уже в наше время той же самое произошло во всех странах, которые хотели освободиться от своих коммунистических режимов и добились этого именно таким образом.

— Сомнительно, чтобы у нас это получилось так же. Глубинка у нас еще спит.

— А глубинка для этого и не нужна.

— Достаточно Москвы, Ленинграда, Свердловска?..

— Нет. Города — это, конечно, хорошо и эффективно, но самое главное — транспорт. Если встанут железные дороги (эту стратегию еще Троицкий разработал в 1905 году), встанет вся страна, экономика будет выключена. Чем скорее это сделать, тем меньше будет потерь, тем легче будет восстанавливаться. Чем дольше будет тянуться нынешнее положение, тем безнадежнее вы будете увязать. Здесь

должен сработать в людях инстинкт самосохранения. Уж если выживать этой стране, то нужно это делать сейчас и очень решительно. Встать и стоять.

P. S. Вернувшись в Москву, я узнала, что во время своего 5-дневного пребывания в Союзе Буковский призвал стражу к всеобщей политической забастовке. И очень удивлялся пассивности народа...

Беседу вела Татьяна САВИЦКАЯ

АРХИВ

Владимир БУКОВСКИЙ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО НА СУДЕ 1972 года

Граждане судьи!

Я не буду касаться юридической стороны обвинения, потому что в ходе суда уже доказал полностью его несостоятельность. Адвокат в своей речи также доказал полную несостоятельность обвинения, и я согласен с ним по всем пунктам защиты.

Скажу другое: расправа надо мной готовилась уже давно, и я об этом знал. 9 июня меня вызвал прокурор Ванькович и угрожал расправой; потом появилась статья в газете «Правда» под заголовком «Нищета антикоммунизма», которую почти целиком процитировал в своей речи прокурор. Статья содержала в себе обвинение, что я за мелкие подачки продаю в подворотнях иностранным корреспондентам клеветническую информацию.

И наконец, в журнале «Политическое самообразование» № 2 за 1971 г. была помещена статья зам. председателя КГБ С.Цвигуна, в которой также говорилось, что я занимаюсь антисоветской деятельностью. И совершенно понятно, что маленький следователь, проводя следствие по моему делу, не мог пойти против своего начальника и вынужден был во что бы то ни стало попытаться доказать мою вину.

Перед арестом за мной была установлена постоянная слежка. Меня преследовали, мне грозили убийством, а один из тех, кто за мной следил, распоясался настолько, что угрожал

мне своим служебным оружием. Уже будучи под следствием, я заявил ходатайство о том, чтобы против этих лиц было возбуждено уголовное дело. Я даже указал номер служебной машины, на которой эти люди ездили за мной, и привел другие факты, которые давали полную возможность для их розыска. Однако на это ходатайство я не получил ответа от тех инстанций, куда его направлял. Зато от следователя был получен ответ весьма красноречивый: «Поведение Буковского на следствии дает основание для обследования его психического состояния».

Следствие велось с бесчисленными процессуальными нарушениями. Можно сказать, что не осталось ни одной статьи в УПК, которая не была бы нарушена. Следствие пошло даже на такую позорную меру, как помещение со мной в тюрьму камерного агента, некоего Трофимова, который сам признался мне, что ему было поручено вести со мной антисоветские разговоры с целью спровоцировать меня на аналогичные высказывания, за что ему было обещано досрочное освобождение. Как видите, то, что мне инкриминируется как преступление, некоторым людям разрешается, если этого требуют «интересы дела».

Я посылал об этом жалобы в различные инстанции и требовал сейчас, на суде, приобщить их к делу, но суд «постеснялся» это сделать.

Что касается следователя, то он, вместо того чтобы рассмотреть эту жалобу и дать мне ответ, направил меня на стационарное медицинское обследование в Институт судебной психиатрии им. Сербского.

Следственному отделу УКГБ очень хотелось, чтобы я был признан невменяемым. Как удобно! Ведь дела за мной нет, обвинение строить не на чем, а тут не надо доказывать факта совершения преступления, просто человек больной, сумасшедший...

И так бы оно все и произошло. И не было бы сейчас этого судебного разбирательства, и не было бы моего последнего слова: меня осудили бы заочно, в мое отсутствие... если бы не оказало влияние интенсивное вмешательство общественности. Ведь после первого срока экспертизы — в середине сентября — врачебная комиссия обнаружила у меня зловещую неясность клинической картины, и по вопросам врачей, обратившихся ко мне после этого, я понял, что меня собираются признать невменяемым. И только после давления, оказанного общественностью, новая медицинская комиссия признала меня здоровым. Вот вам достоверное доказательство моих утверждений (которые здесь, в суде, называют клеветническими), как по указанию КГБ чинятся психиатрические расправы над инакомыслящими.

У меня есть и другое доказательство этого. В 1966 году меня восемь месяцев без суда и следствия и вопреки медицинским показаниям о моем психическом здоровье держали в психиатрических больницах, переводя по мере выписки врачами из одной больницы в другую.

Итак, 5 ноября я был признан невменяемым, и меня вновь водворили в тюрьму, и процессуальные нарушения продолжались. Грубо было нарушено окончание следствия с выполнением 201-й статьи УПК РСФСР. Я требовал, чтобы мне был предостав-

лен избранный мною адвокат. Но следователь мне в этом отказал и подписал 201-ю статью один, да еще написал при этом, что я отказался ознакомиться с делом.

В соответствии со своим правом на защиту, предусмотренным ст.40 УПК РСФСР, я потребовал пригласить для своей защиты в суде адвоката Каминскую Дину Исаковну.

С этой просьбой я обратился к председателю Президиума Московской коллегии адвокатов и получил его отказ с резолюцией: «Адвокат Каминская не может быть выделена для защиты, так как она не имеет допуска к секретному делопроизводству». Спрашивается, о каком секретном делопроизводстве может идти речь, когда меня судят за антисоветскую агитацию и пропаганду? И вообще, где, в каких советских законах упоминается об этом пресловутом «допуске»? Нигде.

Итак, адвокат мне предоставлен не был. Более того, вышеупомянутый ответ из коллегии адвокатов, с которым я был ознакомлен и на котором имеется моя подпись, был из дела изъят и возвращен в коллегию адвокатов, о чем в деле имеется справка. Взамен его был вложен другой, вполне невинный ответ председателя коллегии, с которым я ознакомлен не был. Как это можно расценивать? Только как служебный подлог.

Потребовалась моя 12-дневная голодовка, жалоба Генеральному прокурору СССР, в Министерство юстиции СССР и в ЦК КПСС, а также новое активное вмешательство общественности, чтобы мое законное право на защиту было, наконец, осуществлено и мне был предоставлен приглашенный моей матерью адвокат Ивайский.

Сегодняшнее судебное разбирательство велось также с многочисленными процессуальными нарушениями. Обвинительное заключение, в котором 33 раза употребляется слово «клеветнический» и 18 раз сло-

во «антисоветский», не содержит в себе конкретных указаний на то, какие же именно факты и какие именно материалы из изъятых у меня при обыске и якобы распространенных мною являются антисоветскими.

Из девяти ходатайств, заявленных мною в начале судебного разбирательства и поддержанных моим адвокатом, восемь было отклонено. Никто из заявленных мною свидетелей, которые могли бы опровергнуть различные пункты обвинения, судом вызван не был.

Мне инкриминирована, в частности, передача антисоветских материалов приезжавшему в Москву фламандцу — Гуго Сабрехтсу. Эти материалы якобы передавались ему мною в присутствии Вольпина и Чалидзе. Однако мое требование о вызове этих двух людей в качестве свидетелей не было удовлетворено. В суд не был вызван, далее, ни один человек из восьми, вызванных мною, которые могли подтвердить истинность моих утверждений относительно фактов помещения и условий содержания людей в специальных психиатрических больницах. Суд отклонил мое ходатайство о вызове этих свидетелей, мотивировав тем, что они душевнобольные и не могут давать показаний. Между тем среди этих людей есть двое — З.М.Григоренко и А.А.Файнберг, которые никогда не помещались в спецпсихбольницы, а бывали в этих больницах только в качестве родственников и могли бы подтвердить мои показания об условиях содержания в этих больницах.

В суд были приглашены только те свидетели, которых представило обвинение. Но что же это были за свидетели? Так, ко мне подсылались перед моим арестом, по всей вероятности сотрудниками КГБ, военнотрудовой войск госбезопасности, ныне работающий в отделе таможенного досмотра на Шереметьевском аэродроме, мой бывший школьный товарищ, некий Никитинский, которому

было поручено спровоцировать меня на преступление — организация вывоза из-за границы оборудования для подпольной типографии. Но незадачливому провокатору осуществить это не удалось. Тогда следствие, а затем и суд попытались сделать его свидетелем по этому пункту обвинения. Мы видели здесь, что Никитинский не справился и с этой задачей.

Для чего же потребовались все эти провокации и грубые процессуальные нарушения, этот поток клеветы и ложных бездоказательных обвинений? Для чего понадобился этот суд? Только для того, чтобы наказать одного человека?

Нет, тут «принцип», своего рода «философия». За предъявленным обвинением стоит другое, непредъявленное. Осуждая меня, власти преследуют здесь цель скрыть собственные преступления, психиатрические расправы над инакомыслящими.

Расправой надо мной они хотят запугать тех, кто пытается рассказать об их преступлениях всему миру. Не хотят «выносить сор из избы», чтобы выглядеть на мировой арене такими безупречными защитниками угнетенных!

Наше общество еще больно. Оно больно страхом, пришедшим к нам со времен сталинщины. Но процесс духовного прозрения общества уже начался, остановить его невозможно. Общество уже понимает, что преступник не тот, кто выносит сор из избы, а тот, кто в избе сорит. И сколько бы мне ни пришлось пробыть в заключении, я никогда не откажусь от своих убеждений и буду высказывать их, пользуясь правом, предоставленным мне ст.125 советской Конституции, всем, кто захочет меня слушать. Буду бороться за законность и справедливость.

И сожалее я только о том, что за этот короткий срок — 1 год 2 месяца и 3 дня, которые я пробыл на свободе, я успел сделать для этого слишком мало.

ПРИГОВОР

Суд внимательно изучил материалы дела подсудимого Буковского Владимира Константиновича, 1942 года рождения, русского, прож.: Москва, ул. Фурманова 3/5, кв.59.

... При вынесении приговора суд учитывал, что Буковский В.К. ранее судим по ст.190(3) УК РСФСР, после отбывания наказания (3 года ИТЛ) продолжал заниматься преступной деятельностью, несмотря на неоднократные предупреждения органов прокуратуры, а также принял во внимание, что на следствии Буковский В.К. вел себя вызывающе, отказывался сотрудничать со следствием и виновным себя ни в предварительном следствии, ни в суде не признал.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Буковский Владимир Константинович, 1942 г.рождения... приговаривается: к лишению свободы сроком на 7 лет исправительно-трудовых лагерей с отбыванием первых 2-х лет в тюрьме, с последующей ссылкой сроком на 5 лет. Суд приговорил также взыскать с Буковского В.К. судебные издержки в сумме 100 рублей.

О РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В кой-то годы, в кой-то веки — в России сегодня можно ждать новостей из провинции. Что-то зашевелилось там наконец, прорастая зародышем нового социального организма. Демократический централизм оттесняется провинциальным демократизмом, в каких бы формах он ни проявлялся: шахтерских забастовках, антипартийных митингах и демонстрациях, учредительных съездах новых партий, перестрелках, угонах самолетов. Оттуда, где Москва привыкла слышать лишь послушное эхо, теперь доносятся угрожающий гул.

Гражданская война, которую одни предсказывают, а другие считают уже фактом современной истории, — между кем и кем разразится она? Если учесть опыт первой гражданской войны — то между столицей и провинциями. А поскольку за годы сплошной централизации в России все, за исключением Москвы, успело стать провинцией, перевес будет на ее стороне.

И тогда — прощай Московское государство, превратившее некогда все другие княжества в свои провинции. Провинциями в Древнем Риме назывались земли, завоеванные и отчужденные у других народов. Особенность Российской империи состояла в том, что она завоевывала и отчуждала землю у собственного народа, который становился при этом все более и более провинциальным. Центральная власть не удовлетворялась законным правлением, а стремилась покорить и присоединить коренной народ как чужой. Сначала Иван Грозный завоевал Казанское ханство, превратив его в провинцию России. А затем он стал завоевывать саму Россию, превращая ее в провинцию Москвы, и даже саму Москву — в провинцию ее пригорода Александра, куда перевел свою столицу.

Центральная власть изворачивалась найти в России такое удобное постороннее место, откуда всю страну можно было бы управлять как одной огромной провинцией.

Царь Петр выискал на финском болоте такой бугорок, откуда можно было еще раз надвинуться и завоевать боярскую Москву и всю бородатую Россию. Строгому Павлу и этого показалось мало, и он перенес столицу в сторону от самого Петербурга, в Гатчину...

Вот и получается, что Россия все время сама себя у себя завоевывала. Центр изымался и переносился куда-то в сторону, чтобы на покинутом месте росла и нарастала одна провинция. Уже на что Подмосковье близко к Москве — а все равно чувство безнадежности и заброшенности охватывает на этих неведь куда пропадающих, как в военную пору затемненных улочках. Пройдет мимо тебя заплетающимся шагом чья-то сумеречная жизнь — и еще глуше станет вокруг от шторок, прячущих домашний свет. Все недвижно, все затаилось. Завоеванная страна. Кажется, на часах — вечный комендантский час...

А на улицах американских городов — световые пустыни. Окна моего кабинета выходят на Молл — центральную пешеходную и даже пешебежную улицу американской столицы: днем по ее песчаным дорожкам любит бегать трусцой полуспортивный народ. Вечером же по ней можно долго шагать бодрым шагом — от Капитолия до Белого дома — и не встретить ни души. И вздохнуть — с облегчением.

Что касается американской провинции, то ее как бы и нет вовсе — во всяком случае, ее не выделять нашим взглядом, наметанным на жалкость, потертость, обветшалость. Пожалуй, если такие тусклые места где и встречаются, то в самых больших городах, и поблизости от центра: вдруг с зеркально блестящей улицы, из окружения немых небоскребов попадаешь в бедный облупившийся квартал, с облысевшей травой на пригорках пустырей, и чуть-чуть екает от теплого узнавания наше провинциальное сердце.

Но и тут же признает свою ошиб-

ку, потому что и в этой нищете есть своя дерзкая, вызывающая экзотика, и на пожелтой траве валяется яркая цветная бутылка, а впритык к хибарам высится новенькая, благородных пропорций, чудно отделанная церковь. А за нею и другая, и третья, каждая со своим оттенком вероисповедания и абсолютно безупречным архитектурным сложением — целый квартал церквей. И все они построены на деньги людей, живущих в соседнем обшарпанном и жутковатом квартале. И все они целыми семьями ходят сюда по воскресеньям — расходятся по своим церквям с красивыми и влекущими названиями: «Пристань Спасения Душ», «Церковь Бога для Всех Людей», «Первый Храм Христианской Науки» и т.д.

Да, как любили писать наши журналисты, мир контрастов. Но, во-первых, это контрасты в жизни одних и тех же людей, которые по будням живут в бедных домах, а по воскресеньям ходят в нарядные, сияющие чистотой храмы. Во-вторых, так ли уж лучше этого контрастного мира мир без контрастов? А это и есть сущность провинции — равное распределение всех качеств существования. Если зеленый цвет, то он достигает такого пепельного оттенка, что становится неотличим от бледно-красного. Если площадь, то такая широкая, словно весь земной шар на ней собираются размазать блином. Если здания, то лишенные самостоятельных очертаний, так что второй этаж одного можно поставить на четвертый этаж другого, и никто не заметит. В провинции не замечаешь особой разницы:

между сном и явью;
между людьми, входящими в магазин и выходящими из магазина;
между гением и дегенератом;
между хлебом и сухарем;
между КГБ и Дворцом культуры;
между массовой физкультурой и мелким хулиганством;
между портфелем и авоськой;
между Пушкиным и Асадовым;

между церквями и складами;
между складами и свалками;
между листовными и металлургическими лесами;
между трубами водоснабжения и трубами канализации;
между картинами и плакатами;
между девушками легкого поведения и женщинами трудной судьбы;
между сапожками и сапогами;
между сосисками и сардельками;
между газетами и туалетной бумагой;
между полной бутылкой и пустым стаканом;
между забавой и забвением.

Разница между этими вещами, сама по себе незначительная, в провинции вовсе стирается. Остается только количество Пушкина и труб на душу населения. И всего оказывается много-премного, поскольку все жизнеутверждающие поэты — это тоже Пушкин. И все трубы, какие только есть на свете, включая водосточные, водопроводные, подзорные, пионерские задорные, заводские призывные и медные жизнестойкие, — все они образуют одну огромную трубу, чтобы каждый мог по праву сказать, что есть и куда движется наша жизнь.

Провинция — вещь необычайно длинная, даже длиннее в пространстве, чем эпос во времени, и вся размещается между природой, с одной стороны, и цивилизацией — с другой, обем равно чуждая. Природа здесь проявляется лишь как ущербность цивилизации, при распаде выделяющей из себя элементы природы, как выбитый диван выделяет

пыль, которая оседает на тот же диван. Но и цивилизация проявляется в провинции как ущербность природы, вдруг прорастающей неведомыми ей скоплениями химических элементов: то известью, белеющей как отложения соли, то проволокой, переплетающейся как тропические лианы — и все в родных подмосковных или рязанских краях. Провинция — это другое как отрицание своего.

А возможно ли — как приятие? Проезжая Америку на автомобиле, то и дело поражаешься невозможности определить, что же это такое — Америка: сплошной гигантский город с разбросанными повсюду природными массивами или сплошной национальный парк с городскими удобствами для обитающих там людей? Пожалуй, то и другое, а точнее — жизненная среда, включающая элементы как городской, так и природной среды. Причем эти элементы чередуются контрастным образом, так что природа в Америке — это суперприрода, ничем не разбавленная, не засоренная, а город — это супергород, многократно завивающийся всеми своими архитектурными лопастями вокруг себя.

Но и этим контрастам тоже создается контраст — в виде домов, утопающих в гирляндах садов, и садов, обвитых причудливыми гирляндами каменных и стеклянных сооружений. Сама американская архитектура столь творчески изобретательна и пластична, что воспринимается как явление природы: Нью-Йорк с вершины своих небоскре-

бов кажется гигантским лесом неведомой планеты. И все это вместе — природа и города — составляет одно целое, которое называется среда, инвайермент. Это такое же сплетение природы и цивилизации, как наша провинция, только здесь они не душат и не глушат друг друга, а оттеняют и дополняют. Разница чувствительная — как между негативом и позитивом. «Вкус, батюшка, отменная манера...» Это, грибоедовскими словами, причина. «Дистанция огромного размера...» А это уже следствие.

Путь к созданию такой универсальной американской среды был в общем-то прост: не демократический централизм, а просто демократия. Каждый штат — сам себе центр, власть и столица. Может быть, и нам, умудренным, учредить свое государство — Соединенные Штаты России, а там пусть к ним присоединяется хоть вся Евразия, если захочет и если докажет свою необходимость. Начальный опыт ведь такой уже был. И тогда провинций, отвоеванных Москвой у России, в нынешнем смысле вообще не останется, а образуются удельные княжества: Рязанское, Смоленское, Владимирское, а то и Новгородская республика. И рухнет наконец многовековой гнет Золотой Орды, которая то белела, то краснела, но под видом Российской империи или Советского государства продолжала неизменно угнетать свою наибольшую часть — самую Россию, как провинцию, размахнувшуюся на шестую часть света.

Недалеко от моего дома находится четыре предприятия. Каждый день я вижу, как туда привозят солдат для выполнения самых некачественных работ, вплоть до уборки территории. Зрелище они представляют, прямо скажу, жалкое. Одеты в какие-то вылинявшие ватники-недомерки (при том, что большинство ребят из южных республик и не привыкли к холоду). С кормежкой у них явно не все в порядке. Видела, как они считают копейки, чтобы что-то купить в магазине. Да и чувствуют себя солдаты в Москве не очень уютно — плохое знание языка, другие обычаи. Зачем же нужно их отправлять к нам, а наших ребят в Среднюю Азию? Да еще, чтобы сделать здесь «работниками метлы»!

Москва Т.Лазутова

Десятью строчками...

Прочитала статью Михаила Эпштейна «Фрейд и перестройка». Но разве социалисты и атеисты виноваты, что природа гибнет? Разве это не присуще всем видам цивилизации? И разве Хусейн, молясь и стуча лбом об пол, не приказал поджечь нефтяные скважины?

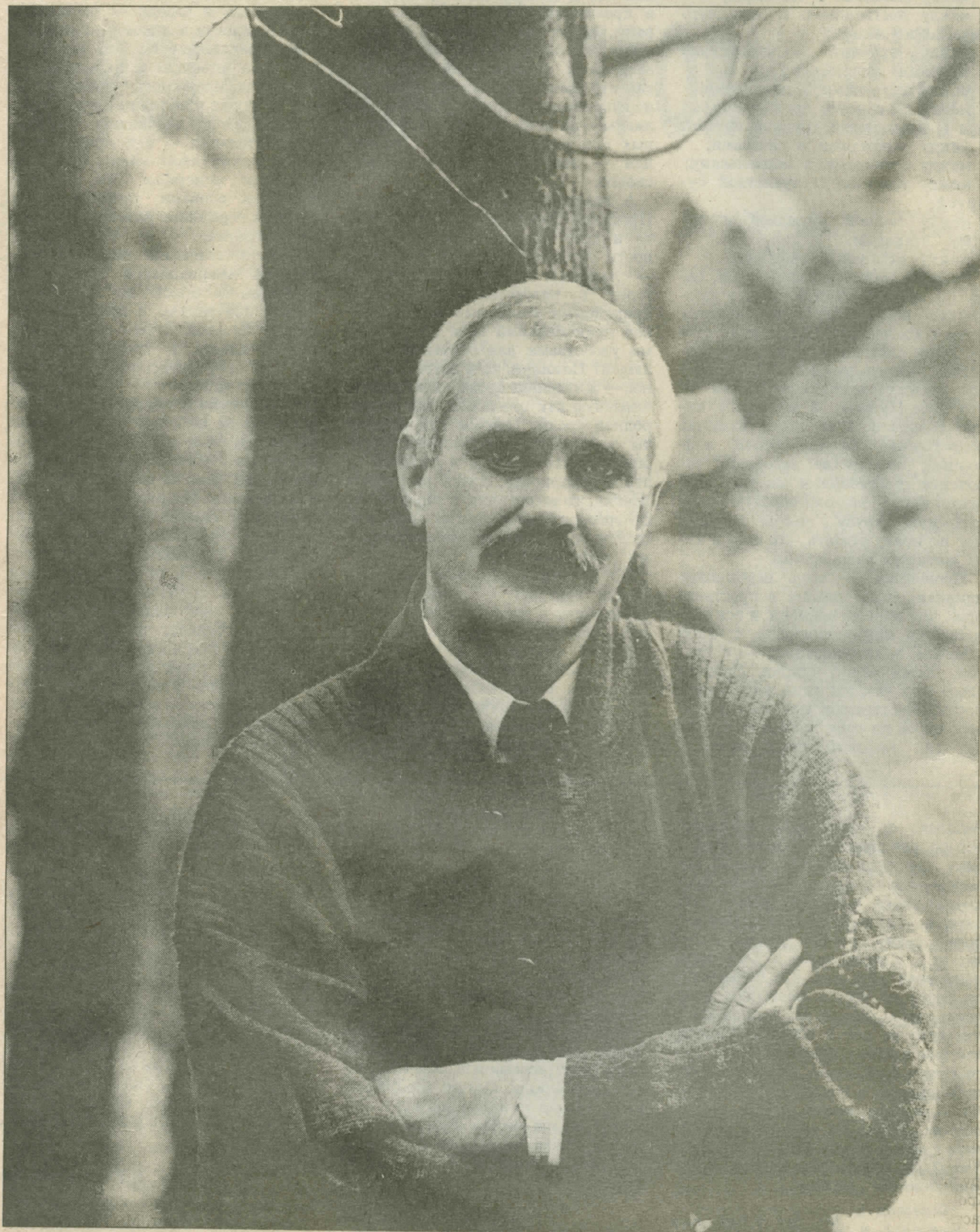
Видимо, дело не в том, какой строй. Через десять-двадцать лет социализм будут вспоминать, как прекрасную сказку-быль. Сейчас мы обнаружили, что кто-то лучше нас ест и одевается, но «не хлебом единым жив человек». Была романтическая мечта, был подъем искусств. А мы этого не заметили.

Уважаемая В.Ведесова! Прочитал ваше письмо «Национальность для сына». Мне понятна материнская тревога за сына-еврея в наше гнусное время. Но меня удивляет узость вашего взгляда. Разве вы не знаете, что люди сейчас платят тысячи за «еврейский» паспорт, чтобы иметь возможность уехать туда, где национальность человека не имеет значения и есть также другие блага и преимущества. Вашему сыну этот паспорт достался бесплатно, как дар божий. Пусть он оценит это и должным образом использует.

Москва В.Владимирский

Москва В.Уфимцева

Никита МИХАЛКОВ:

«РАВНОПРАВИЕ И РАВЕНСТВО — ЭТО РАЗНЫЕ ВЕЩИ»

Звезд кино у нас не так-то много. И, казалось бы, знаем мы о них все. Тем не менее для многих стало неожиданностью, когда перед премьерой своего фильма «Униженные и оскорбленные» Никита Михалков весь свой гонорар — 30 тысяч швейцарских франков — передал через Советский Красный Крест на закупку одноразовых шприцев.

— Почему вы решили сделать это через Красный Крест?

— Я предпочитаю организации традиционные и не очень доверяю новым. Слишком многие из них зарекомендовали себя не с лучшей стороны и лишь прикрываются благотворительностью.

Я глубоко убежден, что любые благотворительные акции надо осуществлять молча, дело это сугубо личное. Это взаимоотношения со своей совестью и Богом, которые никого не касаются. Я много лет помогал Загорскому детскому дому для слепоглухонемых инкогнито и искренне огорчился, когда об этом стало известно. Потому что злые языки всегда найдут причину вложить искаженный смысл в поступок, который они не в состоянии понять. Передачу своего гонорара я тоже не собирался превращать в gala-концерт, но работники Красного Креста убедили меня, что это необходимо сделать торжественно. Хотя, на мой взгляд, в благотворительности нет ничего необычного — это давняя, российская традиция.

— Сейчас много говорят о возрождении национального самосознания, традиций, патриотизма. Что, по вашему, надо сделать, чтобы такое возрождение стало реальностью?

— Это вопрос довольно серьезный, односложным ответом здесь не обойтись. Я думаю, первым шагом должно стать перезахоронение останков царской фамилии. Без этой акции говорить о нравственном возрождении трудно. Все останется лишь словами. Кроме того, считаю, мы должны запастись терпением. Трагедия в том,

что многие из тех, кто правил Россией, хотели видеть результаты преобразований уже при своей жизни. Это Петр Великий, это Ленин, это Сталин. Я не хочу их сравнивать. Но нельзя повернуть фрегат тем же способом, что и шлюпку. Горопливость, скоропалительность решений в изменении российских порядков и традиций ведет, как правило, к уродованию самой идеи...

— Вы были доверенным лицом митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима во время его выдвижения в депутаты Верховного Совета СССР. Почему вы, сугубо светский человек, взялись за это?

— Я считаю, что единственная организация, которая не металась со времен революции слева направо, — это Русская православная церковь. Конечно, и в ее истории были сложности. Но она сохранила свои традиции. И это важно. Я убежден, что в России такой демократии, как в Европе, не будет никогда. Ведь все в России всегда строилось вокруг государственности, вокруг государя, на его авторитете. Идеологией же было православие. И в один день проснуться россиянину демократом и атеистом невозможно. И потом — что такое была русская демократия? Что такое равенство? Большая ошибка понимать равноправие как равенство. Равноправие достигается эволюцией. А равенство — революцией. «Много званых, но мало избранных», — сказано в Евангелии. И это не призыв к элитарности. Это значит, что возможности даны всем. Но достигает чего-то — трудолюбием ли, умением ли, талантом ли или чем-нибудь

еще — лишь тот, кто «избран». Равенство и равноправие вместе были лишь в Храме перед единым законом Божиим. И государь император, и нищий здесь были равны. Но после молитвы один садился в карету, а другой на паперти собирал милостыню. Создать для всех одинаковые условия, по-моему, значит обеднить нацию, а не достигнуть, как считают многие, социальной справедливости... В результате всех этих соображений я вполне закономерно оказался среди тех членов правления Фонда культуры, которые выдвинули кандидатуру Питирима в депутаты Верховного Совета СССР. И когда он попросил меня быть его доверенным лицом, я с удовольствием согласился. Мы провели с ним большую предвыборную кампанию, он был избран, и с той поры мы поддерживаем очень теплые отношения. Вместе участвуем в милосердных акциях, связанных с инвалидами афганской войны. Есть и другие совместные планы, но пока рано о них говорить.

— Вы организовали студию, которая называется «Тритэ» — «Товарищество. Творчество. Труд». Зачем вам это понадобилось?

— Во-первых, старые структуры кинопроизводства себя изжили, а, кроме того, мне хочется самому отвечать за то, что я делаю. С другой стороны, свобода, которую мы получили, привела к довольно тяжелому состоянию сегодняшней кинематографии. Теперь все зависит от нравственной культуры кинопроизводителя. А она есть не у всех. Кто-то начинает на такой «свободе» зарабатывать деньги, и ему плевать, что его продукция разрушает человеческую психику, что его фильмы безнравственны, пошлы или просто непрофессиональны.

Нашей студии было трудно, и до сих пор мы все еще в убытке, берем дотации. Но мы ни разу не опустились до того, чтобы снять какую-то пошлость и на ней быстро заработать. Поэтому что деньги-то кончаются, а чувство стыда — нет. Мы делаем рек-

ламу, которая помогает нам существовать, но, с другой стороны, мы предприняли уникальное издание Российского архива. Это будет много-томник документов, никогда доселе не печатавшихся. Без купюр и без трактовок, потому что трактовка — самый страшный бич культуры.

Мы делаем еще одно, на мой взгляд, важное дело. Наша студия расположена в особняке Алябьева — историческом здании, самом красивом в районе. Оно находится в ужасающем состоянии. И мне пришлось почти четыре года провести в приемных, чтобы доказать завистливым обывателям, что я не из личной корысти хочу это здание взять в аренду, а чтобы за деньги студии и свои собственные привести его в порядок. Собственно, так и не доказал, просто пробил. Каждый смотрит: а, мол, понятно... Им мерещатся миллиарды, которые я тут зарабатываю. Таким завистливым только советский человек бывает: «Работать не хочу, а жить хорошо хочу» — вот девиз нашего обывателя, сформированного, кстати, именно Советской властью.

За небольшой срок существования студии мы сняли картину «Авто-стоп», документальную ленту (совместно с «Видеофильмом») «Сталин с нами?», документальный фильм «Заговор» — про снятие Хрущева. Сейчас заканчиваем монтаж новой картины.

— *В последнее время вы много работаете за рубежом. Чем это вызвано?*

— У меня уже стерлось представление о том, что наше, что не наше. У меня достаточно мощные национальные корни, поэтому меня сложно соблазнить иномземностью. Но художник должен походить на дерево — корнями он должен быть в своей почве, а ветвями обнимать весь мир. У меня нет желания работать только за границей. Я сейчас во Франции монтирую фильм, и мне довольно трудно там работать. Французы резко отличаются от нас холодностью, дистанцией, которую они держат. Но и условия работы, конечно, не сравнимы с нашими. Для меня главное — эти условия, а не условия жизни. Последний фильм снимали в Монголии, жили три месяца без всяких удобств, все время верхом, непривычная пища — ну и что? С другой стороны, работа за рубежом — это возможность заработать нормальные деньги, быть спокойнее за будущее своих детей, потому что сегодня у нас очень трудно быть спокойным за завтрашний день,

рубль ничего не стоит. Хотя деньги в нашей семье никогда не были главным. Мне очень нравится, что мои дети, которых я возил с собой по разным странам, не обалдевали от витрин. Меня потрясла моя 16-летняя Аня, которая сказала: «Ничего мне не надо...» И не потому, что у нее все есть, а просто потому, что для нее это не главное. Практически все, что мои дети могли потратить на себя, — они потратили на подарки друзьям...

— *Как вы относитесь к тому, что многие деятели культуры уезжают за рубеж?*

— Да никак. Кто-то уезжает, потому что там лучше живется, нет бытовых проблем, можно дать прекрасное образование детям. Что вы ему скажете? Какие аргументы приведете? Можно только разводиться руками и обсуждать, как он там устроился, или жалеть, что он не здесь.

Эмиграция была разная — была духовная, была вынужденная, потом была джинсово-колбасная. Я понимаю человека, доведенного до отчаяния невозможностью жить нормально. Нет, скажем, более несчастной перспективы, чем быть стариком-пенсией в СССР. Нет и никогда не было у него ни социальной защищенности, ни уважения... Если я почувствую, что моим детям угрожает опасность, неужели я буду думать о патриотизме? Уж их-то я отправлю за границу. Это продолжение рода, естественный инстинкт.

Что было бы с Шалапиным, если бы он не уехал? А с Рахманиновым? С его «Всенощной», с его «Литургиями»? Да мы никогда не услышали бы огромного количества чудной музыки, которую он написал в Швейцарии и в Америке.

Поэтому кого я могу осуждать: не суди других и сам не судим будешь.

— *Хорошо, разбежимся, а как же наша родина?*

— Ну так поэтому я здесь! У меня масса предложений работать — где угодно! Неужели мне доставляет большое удовольствие сидеть здесь и выклянчивать у чиновника разрешение то на одно, то на другое? Как с тем же зданием: я не могу возродить государство, но я могу возродить этот дом, который станет очагом российской культуры, могу издать Российский архив. Так не мешайте же мне, если вы говорите о возрождении российской культуры. Зачем же вы это делаете? Причем такое отношение на всех уровнях, это уже у нашего обывателя в крови. Тут рядом с нашим зданием стояла во дворе дере-

вянная грязная халупа под ржавым замком, который не открывался десятки лет. Я официально получил разрешение Моссовета построить на этом месте маленький кирпичный гараж — того же размера, как и эта грязная развалина, портившая вид двора. Мы снесли это строение, выкопали яму, чтобы подвести коммуникации... Причем я гарантировал жителям, что в компенсацию за такое соседство на свои средства оборудую рядом детскую площадку, буду следить за ее состоянием... Тем не менее, когда жители узнали, что неподалеку от дома строится личный гараж, поднялась буря, война, стали писать письма во все инстанции. А на собрании жильцов, куда меня пригласили, стали говорить, что им тоже нужен гараж. Доведенный этой бессмыслицей, я спросил: «Кто тут еще имеет право на гараж? Вы? Я отдаю вам свое право — стройте!» Что вы думаете: остальные тут же накинулись на этого человека, начали поливать его грязью... Я вернулся и ушел. И вот уже год — что вы думаете располагается на месте непостроенного маленького красивого гаража и детской площадки? Грязная помойная яма. Никто палец о палец не ударил, чтобы там что-то сделать. Ну что можно от этих людей ждать? И что они могут ждать для себя? Мы прозябаем во взаимном равнодушии людей и государства. Как сказал мой прадед, историк Дмитрий Петрович Кончаловский: «В государстве, где утеряны понятие греха и стыда, порядок может поддерживаться только полицейским режимом и насилием». Что в общем-то мы и видим воочию. Поэтому, когда мы говорим об уезжающих, я никого не могу винить — у каждого своя жизнь, своя судьба, пусть каждый сам разбирается...

— *У вас четверо детей. Чем они занимаются? Мечтают ли повторить судьбу отца, деда?*

— Младшую мою четырехлетнюю дочку зовут Надежда. Недавно я брал ее с собой в Париж, мы с ней были вдвоем, и я получил удивительное наслаждение, приобрел новый важный опыт, даже придумал картину, чтобы сняться с ней. Старший, Степан, работает у меня ассистентом и, в общем, интересно работает, по моему, перспективный человек. Ане — 16 лет, она заканчивает школу и хочет быть актрисой, пока еще не решила, куда поступать. Но я хочу, чтобы в первую очередь она получила нормальное качественное европейское образование. Чтобы свободно владе-

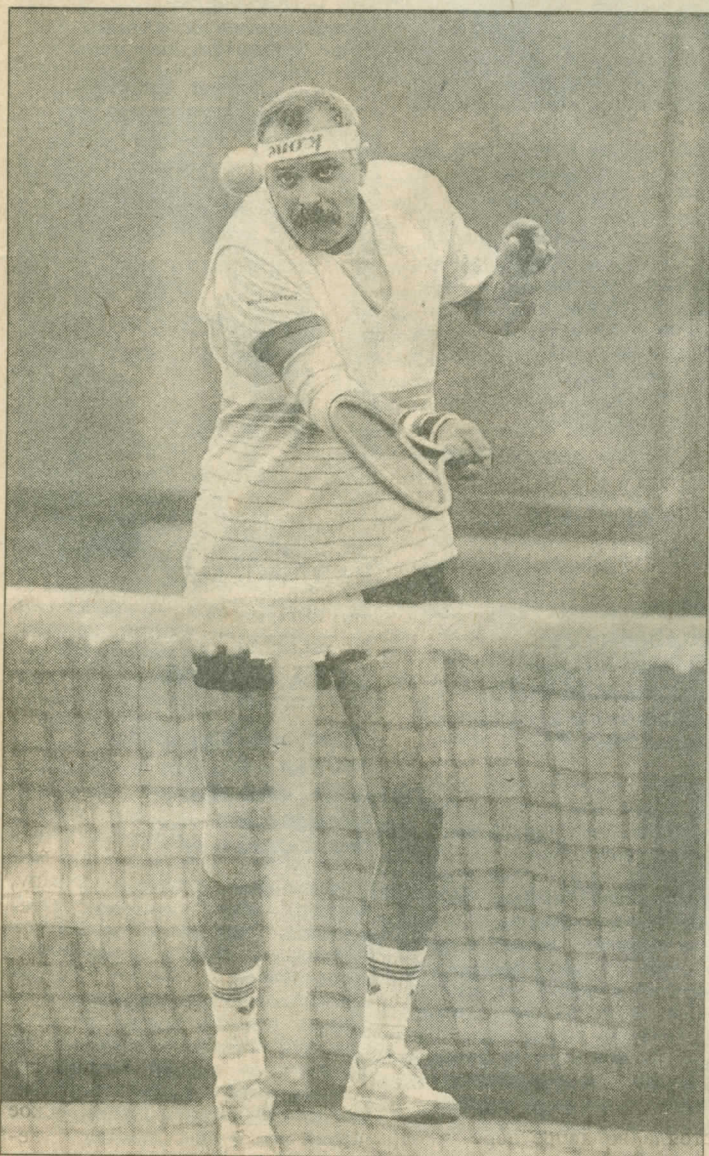
ла не менее чем тремя языками, посмотрела мир, познакомилась с культурой, поняла что-то. А потом — захочет быть актрисой — будет. Главное — чтобы была культурным человеком. А толковому культурному человеку всегда найдется дело. Хоть секретаря, хоть помощника, хоть кого угодно. Сын Артем — школьник. Жена закончила педагогический институт, была манекенщицей, ну а потом пошли дети, и она занимается хозяйством. Героическая женщина на сегодняшний день. Мало кто сейчас решается родить больше одного ребенка...

— *О чем вы мечтаете?*

Я хочу, чтобы все, что мы сейчас переживаем, стало скорее нашим

прошлым, оставив в памяти лучшее из того, что произошло. Чтобы наше общество осознало тот путь, по которому мы должны идти. Думаю, что он лежит только через возрождение национальной традиции. Национальной культурной и национальной экономической традиции, как это ни странно. Потому что возможность возрождения российской экономики, к которой стремился Столыпин, это, оказывается, не так-то плохо. Промышленники российские тоже были стабилизирующей силой. Нет, я не призываю вернуть то время, но проанализировать его, взять лучшее, осознать, чего мы хотим, куда стремимся, — это, думаю, сейчас главное.

Беседу вела Людмила ГОРДЕЕВА

Десятью строчками...

СДАЙТЕ ЭКЗАМЕН, ПРОФЕССОР!

Куда делись те, кто получал ученые степени за труды по истории партии, коммунистической печати, антирелигиозной пропаганде — по всему тому, что десятилетиями вдалбливалось в головы читателей и студентов, а сейчас в массовом порядке сдается в макулатуру?

Никуда не делись. Историк, чья докторская диссертация основывалась на изучении годового архива райкома партии (были и такие случаи), по-прежнему бравирует своими степенями и званиями.

Но дело не только в том, что эти люди не спешат каяться. Хуже другое — они продолжают преподавать. При этом редко кто в силах отказаться от привычной схоластики. Перестройка для таких людей практически невозможна.

В области технических наук дела обстоят не лучше. Хорошо известно, что в СССР больше ученых, чем в любой другой стране мира. И одновременно — Чернобыль, экологические катастрофы. В промышленности мы десятилетиями топчемся на месте. Но и здесь, оказывается, никто не виноват. Ни за одну ошибку в научных прогнозах не пострадали ученые. Они по-прежнему получают высокие оклады. От них не требуют обязательной ежегодной отдачи.

Высшая школа нуждается в переменях. Возможно, следует провести переаттестацию научных и педагогических кадров, проверить у каждого, что сделано за прошедшие годы, и — в случае необходимости — принудить к переходу на другую работу. Пусть эти люди будут приносить хоть какую-то пользу. Или, по крайней мере, перестанут причинять вред.

Москва А.ШАШКИН

Дневник И.

Только что в Сочи закончился новый Всесоюзный кинофестиваль — «Кинотавр». По замыслу его создателей он должен был объединить принципы одесского «Золотого Дюка» (кино для всех) и рижского «Арсенала» (кино для избранных). О некоторых фильмах, участвовавших в новом фестивале, вы могли узнать из предыдущих выпусков «Дневника И», еще о шести — читайте сегодня.

СНЯТСЯ ЛЮДЯМ ИНОГДА ГОЛУБЫЕ ГОРОДА...

«Чернов. Chernov»
ГТТО «Мосфильм»
и «Рохас студия фильм»
(Испания),
реж. С. Юрский

Блестящий актер Сергей Юрский дебютировал в кинорежиссуре. Его авторский фильм «Чернов. Chernov», на мой взгляд, — событие киногода, которого почти никто не заметил. Вот уж несколько месяцев картина числится в прокате, но увидеть ее невозможно — еще одна типичная деталь нашей миражеподобной жизни. Между тем фильм именно о миражах нашей жизни. Архитектор Чернов живет как бы двойной жизнью: реальной мельтешней и горячей

грезой. Греза — средство выжить и сохранить рассудок. Глоть мучается, а дух где-то далеко. В 60-х грезили о «голубых городах, у которых названия нет». Позднее дух устремился к более конкретным, имеющим название географическим точкам, были бы они подальше отсюда. Чернов грезит об Испании. Он строит ее у себя на столе — с романтическими холмами и ущельями, с пушистой зеленью, с туннелями и мостами, с нездешней чистотой и игрушечностью. И, строя, там иногда живет-галлюцинирует. Там он не затюканный советский интеллигент, а исполненный чувства собственного достоинства Chernov, и неизвестно, какое из двух существований реальнее. Второе, во всяком случае, человечнее. Раздвоенность — плод нашего вечного ужаса перед неизвестностью, нашей зависимостью от любого чиновника. Это результат насильственно умержденного достоинства. Такое всегда плохо кончается. И пугают в фильме вовсе не живописные тамашине террористы, игрушечные перед сурово-серой нашей рутинной. Гнетет — безнадежность, когда целый народ оказался чужим на празднике жизни.

Мир фильма можно было бы назвать оригинальным, но не хочется. Это — выше. Это та уверенность артистического мышления, которая говорит об огромном художественном таланте, накопившем в себе столько горечи и мудрости, что ему уже нечего и незачем придумывать. Он так живет, и каждое высказывание приобретает единственно возможную форму...

Валерий КИЧИН

СТРАДАНИЙ ЖАЖДА

«Униженные и оскорбленные»
Студия «Глобус»,
к/ст. им. М. Горького
совместно с Швейцарией,
реж. А. Эшпай

«Вышло произведение дикое, но в нем есть полсотни страниц, которыми я горжусь», — сказал Достоевский. И был прав: сквозь утомительное многословие, архаику сентиментального жанра в нем проглядывают вполне современные — вневременные — комплексы героев, из которых одни любят страдать, другие — причинять страдания, а третьи обожают и то, и другое. Сценарист и режиссер свою задачу выловить из текста искомые полсотни страниц в це-

лом выполнили. Правда, потеряв при этом заключительное звено цепочки оскорбленных и униженных героев — Катю, которая уводит Алешу, которого любит Наташа, которую любит Ваня, которого любит Нелли. Но зато найдя размычку этой садо-мазохистской цепи — чемпиона СССР по игре великолепных мерзавцев Никиту Михалкова, феерически исполнившего роль Алешиного папы князя Валковского. На его пышущем злодейством и здоровьем фоне положительные герои выглядят — буквально и переносно — худосочными и бледными, что дает возможность простодушному зрителю всласть попереживать, а зрителю продвинутому вспомнить еще одну игру — «Дай мне пинка», оплсанную американским психологом Эриком Берном.

Виктор МАТИЗЕН

РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО

«Дом под звездным небом»
ГТТО «Мосфильм»
(объединение «Круг»),
реж. С. Соловьев

В новом фильме Соловьева иллюзионистом даму родные и близкие бережно внесли в дом: одну половину (верхнюю) поставили на трельяж в качестве живого бюста, другую — задвинули в угол, как галоши или зонтик. Конечно,

это против природы и тем более — морали, но ведь еще Гоголь в связи с отделившимся носом майора Ковалева заметил, что на Руси нечто подобное нет-нет да и случается.

В фильме речь идет о том, что все под звездным небом раскололось или находится в процессе раскола — мораль, культура, история. И о том, как кое-что иногда причудливо срастается — совесть с цинизмом, интеллект с невежеством, пошлость с изысканностью... Вся нынешняя реальность похожа на странную фантазмагорию, аномальность коей оттеняет, с одной стороны, трагическая участь ученого масштаба Королева (его играет М.Ульянов), а с другой — неясная судьба двух лириков-романтиков, поднявшихся в финале на самодельном воздушном шаре, отстреливаясь от своих преследователей. Финал, характерный для Соловьева: несмотря ни на что, романтик остается верен себе, своей единой и неделимой природе, своей целостной и нераздвоенной сущности. И такое на Руси случается. Редко, но случается.

Юрий БОГОМОЛОВ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЕНЕФИС!

«Царская охота»
«Ленфильм»
(объединение «Голос»),
реж. В. Мельников

Какая дивная, роскошная история... Княжна Тараканова, та самая, памятная по картине Фламинского, — красивая и молодая, мечтает захватить престол российский. А на престоле — Екатерина Великая, тиранка. Подсылает к княжне графа Алексея Орлова, и тот ловит самозванку в сети любви. Царица же дарит ему в награду свою благосклонность.

Все это лет двадцать назад рассказал в своей пьесе Леонид Зорин, а теперь экранизировал Виталий Мельников. Режиссер высокого класса, за которым — и «Начальник Чукотки», и «Старший сын», и «Мама вышла замуж», и «Женитьба»: все фильмы про замечательно живых людей. А что же нынче? Почему княжна

Тараканова здесь — просто модная артистка Самохина в богатых нарядах? Почему граф Орлов — просто хороший и, увы, полузабытый артист Еременко? Почему их безумный роман так обидно скучен, несмотря на весь антураж из шелковых альфов, цветистых лугов и морских просторов? Всей картине словно не хватает воздуха, дыхания, в ней застоялась авторская кровь. Но одна энергетическая победа все же завоевана в «Царской охоте» — Светланой Крючковой. Ее Екатерина сильна плотью, страстью и особой царственной манерой. Она — живая, тем и интересна. Быть может, ради этого шикарного бенефиса и снималась картина?

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

МОДЕРН ДЛЯ БЕДНЫХ

«Сестрички либерти»
Студия «Пирамида»
СП «Старлайт»,
реж. В. Грамматиков

А вот кому рецепт умопомрачительного кинококтейля? Для начала берется немного «чернухи» из жизни сестер-близнецов,

швей-мотористок. Живут они в коммуналке, пьют портвейн с какими-то ублюдками, отдаются им по очереди и засыпают в объятиях друг друга под гимн Советского Союза. Потом добавляется немного декаданса — в лице некоего мастера дизайна. Он использует сестричек в качестве фотомоделей и пытается привить им изысканный стиль «либерти», в России начала века известный как «модерн». Прививка заключается в том, что мастер учит девушек томному выражению лиц, велит им мало есть и заставляет шить разные диковинные наряды. При этом в коктейль подмешивается и немного гомосексуального: дизайнер увлекается мальчиками, да и сестрички ведут себя друг с другом как-то двусмысленно. Ну а напоследок — немного инфернального: одна из девушек становится ведьмой, благодаря чему уводит у сестры жениха-иностранца. Вот, собственно, и все. Не считая всяких мелких добавок вроде сеанса психоанализа, самоубийства и музыки Шнитке. Послевкусие от коктейля соотвествующее — как от дешевого портвейна, что распивали сестрички в коммуналке.

А.К.

P.S.: ВИДЕО
Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ЛУЧШЕ НЕ ТРОГАЙТЕ СЛЕПОГО!

Слепая ярость
США, реж. Ф. Нойс

У фильма есть, среди прочих, одно несомненное достоинство: он короткий, меньше полутора часов. Это не ирония — режиссер точно рассчитал, на какое количество времени хватит сюжета, интриги, напряжения. Поэтому картина смотрится очень хорошо, и даже слезливо-мелодраматические линии не портят ее, так как тоже достаточно коротки. Рутгер Хауэр, который играет роль слепого защитника униженных и оскорбленных, овладевшего искусством кунг-фу, еще раз доказал, что он очень неплохой актер. Фильм формально не детский, но его можно без опасений показывать и подросткам.

МЫ — НА ОЧЕРЕДИ?

Тропический снег
США, реж. Ч. Дюран

Таких фильмов мы видели очень много. И все равно грустно смотреть, как молодые люди, еще практически подростки, рискуют и погибают, перевозят наркотики. Они ставят на карту свою едва начавшуюся жизнь, лишь бы вырваться из безысходной нищеты, лишь бы попасть в США, лишь бы немного подзаработать. Когда смотришь этот фильм, возникает жуткое ощущение, что через несколько лет подобные картины будут снимать уже не про латиноамериканцев, а про нас.

Дневник В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ГАЗЕТЧИК»

ПРОСТИ, СУХАРЕВА БАШНЯ!

Жить — значит терять. Умом-то мы понимаем эту истину, но сердцем... Нет, не хочется в это верить. И вопреки всякой логике тешишь себя надеждой, что не все проходит.

Глядя на снимки «ушедшей природы», невольно думаешь: тяжело катится колесо истории, подминая под себя людей, города, веси. И все же — несмотря ни на что — по-прежнему живы и память человека, и память города, и память земли.

В старину считали, в Москве четыре чуда: Великий Иван, Колокол-Царь, мост Москворецкий да Башня Сухарева. Первые трое стоят, целы, а вот Башня —

Из кольца Садового выпал камушек — Изумруд, по слухам, или гранат.

«Она была красивая, сказочная, розовая, — вздыхал Юрий Олеша, — и по ее переходам, видимым с площади, мог бы ходить кот в сапогах...»

Счастливым человек — он Ее видел! А мне было двенадцать, и я еще не успел даже толком влюбиться в свою одноклассницу, но уже сидел и строчил письмо в ГлавАПУ, требуя восстановить Сухареву Башню. Мою первую любовь...

Я уже не помню, чем она покорила меня... Верно, божественной фигурой... А может, густыми наличниками-ресницами над сияющими окнами... Или милым зеленым чепчиком? Серьгами мавританских башенок? Или, быть может, изящнейшими часиками, словно со сказочной башни Андерсена?..

Я приходил на Колхозную площадь ночью в надежде, что из-под асфальта — фундамент. цел! — проклюнется какой-нибудь росточек. Я фотографировал пустырь и, проявляя, дрожал — не покажутся ли в серебре проявителя знакомые вертикали...

Она была несколько старше меня — века на три, впрочем, что такое разница лет в любви? Рожденная с первым годом нового, совершенно нового столетия, она была первым творением Петра, и всю жизнь смотрела на Петербург свысока.

Нянчил и растил дите Михаил Чоголков, талантливый зодчий; уродилась Башенка стройна, высока — тридцати сажень! — стали ее прочить в невесты Ивану Великому.

Была у нее и сестрица, Меншикова башня. Поменьше росточком, батюшке своему сообразно, — хоть и ревновала об Иване Великом, тянулась на носочки — да ударил ей гром в голову (об одну пору с отцом) — так и осталась она в девицах.

НЕСКОЛЬКО ЗАПОЗДАЛОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Получила возлюбленная моя и образование изрядное — папиным указом от 14 «генваря» 1701 года учреждена была в ней «школа математических и навигацких наук»: за успехи в «рапирной науке» стипендию приплачивали, за скудоумие ж — плетьми секли. А могли и в Сибирь сослать.

Был у Башни любовник — Брюс. Наблюдал, обнимая за плечи, солнечное затмение, сияние северное изучал, колдовал чего-то, химичил, покойников бальзамировал — короче, слыл за чернокнижника. На коне, что Брюс начертал на стене Башни, спасся как-то вор от полиции — взял да и ускакал!

А однажды удалась Брюсу живая вода. Тогда наказал он ученику разорубить свое тело после смерти, а затем поливать его девять месяцев этой водой. Таким образом намеревался воскреснуть, причем омоложенным. Умер Брюс. Но ученик сошелся со вдовой учителя — а был он молодой, симпатичный, — та разбила заветную склянку, и ходит с тех пор ученый по подземельям Башни и числит что-то...

Кокетничала Башня не попусту, а с патриотическим уклоном. Накануне вступления французов в Москву зацепился об заколку башнину ястреб, загутался чего-то своими когтями в когтях орла двуглавого — из сил выбился, издох. Увидели москвичи в том доброе предзнаменование — и правда!

Но — всему свое время. Своих детей у Башни не было — так она весь XIX век поила — не молоком, но водою — всю Москву. Водою мытищинскою, чистою — семь тыщ ведер в себя вбирала!

Зимами Башня мерзла (старела?). Голландские печи не грели, да человеческого тепла не было — пока не поселились в 1886 году шестеро городских первой Мещанской части...

В 1905-м защищала Башня как могла Петрову Россию от ниспровергателей — свинцом поливала, да не выдюжила — списали ее, когда пришел настоящий день, на пенсию. А

УШЕДШАЯ НАТУРА

Большой Левшинский переулок (улица Шукина): церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Левшине (1913 г.), жилой дом № 9 (1981 г.)

третьего марта 1926-го открылся в ней Московский коммунальный музей; вроде как царский офицер на службе в Красной Армии...

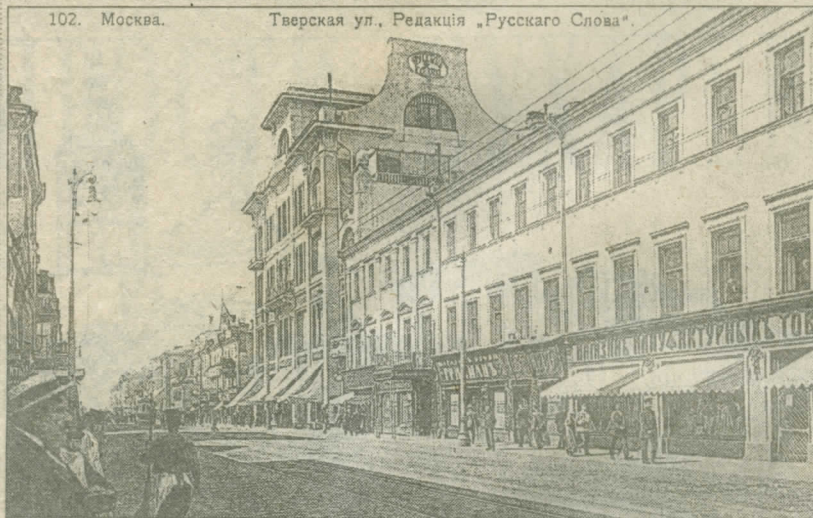
Дальше — хуже. Вожди наши тонкошие страсть как до женского полу охочи были. Лаврик — тот все больше до натуральных, а Лазарь

каменьями промышленял: то одну церковочку изнасилует, то другую, а тут Башней соблазнился:

«В архитектуре у нас продолжается ожесточенная классовая борьба... Пример... протест группы старых архитекторов против слова Сухаревской башни. Я не вхожу в су-»

102. Москва.

Тверская ул., Редакция «Русского Слова».

УШЕДШАЯ НАТУРА

Угол Тверской улицы и Пушкинской площади (1912 г., 1987 г.)

щество этих аргументов, возможно, Сухаревскую башню мы и оставим, но ведь характерно, что не обходится дело ни с одной завалящей церквушкой, чтобы не был написан протест по этому поводу. Ясно, что эти протесты вызваны не заботой об охране памятников старины, а политическими мотивами — в по-

пытках упрекнуть Советскую власть в вандализме».

Но истинная причина была, конечно, в другом. Я уже обмолвился, что влекла меня Башня, манила — тайноу какой-то. Подозревал в ней порок, нечистоту какую-то, не зря ж у ее ног весь Сухаревский рынок увивался!

А дело-то все в том, что, когда Башня строилась, запрятал в ее стены один человек Черную книгу!

«Черная книга — она от князя тьмы. Написал ее Змий, от Змия перешла она к Каину, от Каина — к Хаму... А чего в той книге написано — неведомо... Писана книга на тарбарском языке волшебными знаками. Тот, кто ее прочтет, получает наивысшую власть над миром, все бесы ему повинуются, все желания его исполняются, кого хочет — заклясть может... Замурована книга в стенах Сухаревой башни и заклата семью бесовскими печатями под страшными проклятиями на десять тысяч лет...»

И уж так хотелось Сталину Черной книгой завладеть — да не достать ее. А чтоб никто другой наивысшей власти над миром не получил, решил вождь ее взорвать: «Решение о разрушении башни было принято в свое время Правительством. Лично считаю это решение правильным, полагая, что советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня». (Сталин — Щусеву, Эфросу, Жолтовскому и др. 22 апреля 1934 года.)

К майским Башня исчезла. Осенью на ее могиле поставили — не крест, не надгробие — Доску почета колхозников Московской области.

В детстве я, подобно Ренану, мечтал «воскресить прошедшее, чтобы исправить бесконечное число прешлых несправедливостей», — и вернуть Башню. А нынче, когда читающие газеты узнали и прониклись — натурально! — идеей воскрешения предков (жужжат о Казанском соборе, о храме Христа), — из моей любви будто что-то выкрали. Это была *м о я* Башня, и я не хочу выходить на субботники, чтобы поливать Колхозную площадь живой водой из брандспойтов.

А еще я невзлюбил Мандельштама. Недавно. Когда прочел: «Под самой Сухаревой башней, под башней-барыней, из нежного и розового кирпича, под башней-индюшкой, дородной, как сорокапятiletняя государыня, к чахламу деревцу привязана холмогорская корова» — это ж надо так обозвать! И при чем тут корова?

Николай МАЛИНИН

Фотографии из коллекции
Владимира ДРИБИНСКОГО

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

РЕПАТРИАЦИЯ-90

В 1990 году в Израиль из Советского Союза прибыли эмигранты:

1. По возрасту:

до 5 лет — 11952 человека; от 6 до 14 лет — 22140 человек; от 15 до 18 лет — 17745 человек; от 19 до 35 лет — 25524 человека; от 35 до 44 лет — 27153 человека; от 45 до 64 лет — 26425 человек; старше 65 лет — 18260 человек.

2. Район исхода:

Прибалтика — 6370 человек; Молдова — 10045 человек; Россия — 35014 человек; Средняя Азия — 21125 человек; Белоруссия — 18850 человек; Украина — 48281 человек; Грузия, Кавказ — 9414 человек.

3. Профессии:

представители «свободных» профессий — 4262 человека; врачи — 5044 человека; медсестры — 3653 человека; служащие — 8232 человека; инженеры — 20636 человек; рабочие — 12239 человек.

«Наша страна» (Израиль)
(материалы предоставлены агентством «Новости из Израиля»)

В КУХНЕ БУДУЩЕГО НЕТ НИ ПЛИТЫ, НИ ХОЛОДИЛЬНИКА

Датское отделение международной организации «02», занимающееся разработкой экологически чистых продуктов и растворов, спроектировало кухню будущего. «Естественная» кухня демонстрируется сейчас в Доме культуры в Стокгольме. Выглядит она довольно непривычно. В ней соединились простые, порой старомодные, решения и новейшая технология. Кухня будущего спроектирована для людей с новым мышлением, хорошо знакомых с экологичес-

кими проблемами. В ней все выполнено из экологически чистых материалов, широко используется свойство некоторых из них к регенерации.

За стеклом — нечто похожее на пузырящийся фонтан. Здесь происходит очищение воды для хозяйственных нужд. Вместо холодильников — кладовая на солнечных элементах. Стены кухни — с изоляцией из утиного пуха, окрашены натуральной краской, которая содержит красящие пигменты и получена из минералов и растений. Пол из красивых буковых досок, покрытых воском. В деревянной столешнице — керамическая раковина для мытья посуды. Над ней, в стене — 7 люков для сортировки отходов. Ядовитые продукты, стекло, металл, бумага и пластик — всему свое место. Для органических отходов — особые компостные резервуары из пластмассы.

Есть в датской кухне будущего и более непривычные элементы. Так, для приготовления пищи вместо обычной плиты, на нагревание которой расходуется много энергии, предлагается хорошо изолированный котелок. В его дно встроен нагревательный элемент. После того как еда приготовлена, ее помещают в специальный шкаф из дерева и стали. Он способен сохранять еду в горячем состоянии, пока в электрическом котелке готовится следующее блюдо. Когда все готово, остается лишь подкатить шкаф к обеденному столу для сервировки. Шкаф, как и вся остальная кухонная мебель, — на колесиках.

Если фантазия станет реальностью, то водопровод будет обеспечивать лишь потребности в питьевой воде. Вода для мытья и стирки будет поступать из похожего на фонтан очистителя воды. В очистительной системе вода с помощью ультрафиолетового озонового генератора сначала насыщается кислородом, потом фильтруется через 4 фильтра и, наконец, стерилизуется ультрафиолетовыми лучами и накапливается в специальном резервуаре, где заканчивается очистительный цикл.

Когда в следующий раз вы принимаете душ, то пользуетесь уже очищенной водой. Вода не возвращается в очистительную систему лишь в одном-единственном случае — после ее использования в туалете. И то не потому, что ее невозможно очистить, а лишь по психологическим причинам.

В связи с новыми методами хранения планируется широко использовать сушку продуктов — становится практически ненужным холодильник. Вместо него в северной части кухни имеется встроенная кладовая. В холодное время года в ней используется естественный холод, а в теплые месяцы низкая температура будет поддерживаться за счет холодильного агрегата, работающего на солнечных батареях.

«Свенска дагбладет» (Швеция)

ЛУЧШЕ УБЬЮ, ЧЕМ ОСТАВЛЮ НА СВОБОДЕ

В течение 1990 года на улицах Рио-де-Жанейро было убито 445 детей в возрасте до 14 лет. Все убитые были беспризорниками, занимавшимися мелкими кражами. Среди них было много карманных воров.

Полицейские власти считают, что беспризорники погибли в результате «сражений» между враждующими группами, добивающимися установления своего контроля в определенных кварталах города.

Но добровольная организация защиты беспризорных детей утверждает, что беспризорники были убиты членами секретной организации (государственной?), которая уже много лет занимается незаконной «ликвидацией» преступников, находящихся на свободе только потому, что полиция не может собрать против них достаточно улик.

«Единение» (Австралия)

Фото С.Таллинна

ПОИГРАЕМ В СОЛДАТИКОВ?

Когда заходишь в «Детский мир», обычно сразу вспоминается старый грустный анекдот. Воспитательница вещает в детском саду:

— В Советском Союзе все живут хорошо, там все есть, в Советском Союзе самые красивые игрушки... Вовочка, почему ты плачешь?

— Хочу в Советский Союз.

Увы, в Советском Союзе игрушек, во-первых, мало, а во-вторых, они плохие: страшненькие, бесцветные, развивающие фрейдистские комплексы и манию преследования. И если уж наш малыш предпочтет немецкому зайцу или медвежонку — со-

ветского и решится с ним заснуть, то это, скорее, из жалости к его ущербности. Наши дети лишены нормальных, красивых, развивающих игрушек. Поговорим, например, о самых «мальчиковых» игрушках — солдатиках.

Все имеют представление о магазинных солдатиках — чаще всего патетически красного цвета и совершенно плоских. Это ужасно. К счастью, существуют частные коллекции солдатиков, так что при желании можно увидеть, как должны выглядеть эти игрушки. Правда, намного труднее их будет приобрести.

Андрей Блескин делает маленькие фигурки солдатиков по 5—9 сантиметров, причем прорабатывает самые мизерные детали — усики, шпоры, на сантиметровом Георгиевском наградном знамени в руках у игрушечного гренадера ухитрился написать «За поражение и изгнание неприятеля из пределов России в войне 1812 года», на пуговицах — выдавить какой-то вензель, а лицу придать ну очень гусарское выражение. Причем в экипировке его солдат есть все — вплоть до какой-нибудь фляжки, а расцветка, конечно, не ограничивается красным.

ют, потому что красивые, у третьих — прихоть миллионера. В той же Франции в солдатики с азартом играют взрослые месть. Насыпят в коробочку грунт, расставят фигурки — и ну биться, заглядывая время от времени в толстый фолиант с правилами игры.

У нас мастера, которые делают эти роскошные вещи, объединились в Военно-исторической комиссии при Обществе охраны памятников. Проводят выставки, иногда выпускают буклеты и наборы открыток.

Но с фабриками игрушек дела иметь не стремятся. Технология там старая: будешь разрабатывать, например, красавца-драгуна, а с конвейе-

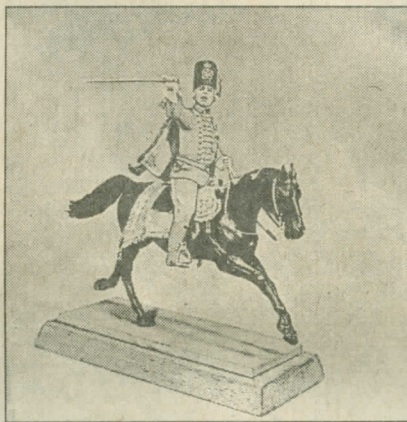
Мастерской у Андрея нет, как нет и специальных инструментов. Основу фигурки он отливает на кухне из олова, покрывает пластиком, который, к счастью, пока встречается в магазинах. Красит красками, которых в магазинах уже нет, а все мелочи процарапывает жуткими зубодробительными ковырялками. В общем, работает, как все у нас работают. Как Левша.

В ноябре солдатики Андрея попали на выставку в Париж. Там все всполошились, фирма «Семье» по изготовлению игрушек кинулась заключать с Блескиным контракт, но он не захотел: неохота туда уезжать, и вообще, дескать, французы — националисты, им подавай наполеоновскую армию, а наши-то их били...

Андрей «фанатеет» от кавалерии русской армии прошлого века. Все справки по форме брал из тридцатичетырехтомного труда Весковатова «История одежды и вооружения русской армии» (правда, многотомник, как выяснилось, далеко не полный, сейчас в архивах историки находят много нового материала по экипировке русских солдат). Еще слепил ради интереса несколько красноармейцев, советских пехотинцев образца 1941 года и немецко-фашистских захватчиков со зверскими рожами.

Выставляется Блескин не очень часто, ближайшая выставка будет осенью в обществе охраны памятников истории и культуры на улице Разина. Не персональная, конечно, выставка. Оказывается, таких, как Блескин, мастеров по солдатикам у нас много...

Вообще, кто считает, что солдатами интересуются единицы, глубоко ошибается. Коллекционеров масса, одни равнодушны к солдатикам с детства, другие просто собира-

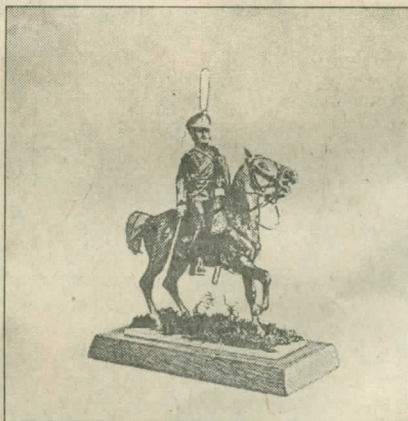

одеди их в потемкинскую форму (у его солдат была особая одежда): широкие штаны, свободную куртку. На заводе их не приняли, потому что якобы такой формы русские солдаты никогда не носили. После этого, конечно, не хочется ничего для предприятий делать. И не делают.

Поэтому Андрей Блескин спокойно работает себе пожарником в Балашихе: сутки дежурство, трое дома. Занимается сколько душе угодно своими солдатиками для себя. Продает их редко, неохотно. И мы видим его работы только на снимках.

В последнее время часто говорят о милитаристском воспитании — мол, много военных игрушек. Но, как ни крути, мальчик из всего многообразия зайчиков и пупсиков выберет автомат и танк, а лучшим подарком будет считать набор солдатиков. Природа! И не стоит из-за этого убиваться, просто надо сделать игрушку грамотно и красиво — так, чтобы к ней отношение было как к живой.

Елена АВЕРИНА

ра сойдет какой-нибудь уродец. Обидно. Ну а потом сплошь и рядом подобные случаи: недавно в Суворовском музее Ленинграда сделали для Донецкого завода игрушки набор солдатиков времен Екатерины II и

МОЙ ДРУГ — Иван Бурбицкий

Признаюсь сразу: из всех художников его люблю больше всех. Во-первых, потому что — соседи и, как принято говорить, дружим домами. Во-вторых, потому что Лена, его жена, печет вкуснейшие пироги, а уж какие соленья готовит — это отдельная тема. В-третьих, потому что мой Ленка с младшими Бурбицкими — Вовкой и Сашкой — готов хоть каждый день бегать «в подвал, к дядь Ване» — в детскую изостудию, откуда возвращается со всей палитрой на одежде, но захлебываясь от восторга. И, наконец, в-четвертых, потому что когда поздно вечером, устав от газет, телевизора и «видюшника», ложусь на диван и начинаю разглядывать Ванькины пейзажи, то как-то успокаиваюсь, отхожу от дневной суеты. Есть в них спокойная надежность, гармония и искренность. Как и в самом Иване: с которым мы сидим

в его подвале и беседуем под Ленкины изумительные помидоры.

— Родился в Полесье, на проселочной дороге. Маму отправили рожать в город на телеге, а я поторопился. Обыкновенное детство — в футбол любил гонять, боксом увлекался, потом рисовать начал (тут дядька помог — научил масляными красками рисовать). Школа. В 68-м — армия. Чехословакия. Отдельный саперный батальон. Честно говоря, не люблю вспоминать. Запомнил два лозунга: «Отец — освободитель, сын — оккупант» и «Давать будем — рожать нет». Хотя никаких особых эксцессов не было. К тому же язык быстро освоил и подружку завел (я к ней на свидание в самоволку бегал, а в промежутках мы взаимной контрпропагандой занимались). Демобилизовался и поехал в Москву поступать «на художника». Но опоздал на экзамены. Наверное, к

лучшему, ибо с теми моими работами и соваться не стоило. Но домой не вернулся, а пошел в лимитчики. Причем опытные люди советовали податься в дворники, но тут сработали провинциальные амбиции: как так художнику метлой махать. Посему устроился в «Метрострой» и там лопатой вдоволь намахался. И рисовал, хотя после лопаты кисточку в руке с трудом держал. Со второго захода поступил в Строгановку, но не на живопись, а на факультет монументально-прикладного искусства, на отделение керамики. Понимаешь, рисовать я и так рисовал, а тут еще — скульптура, архитектура, витражи, мозаика — сразу несколько ремесел. Потом пришел в «Росмонумент», организовал там керамическую мастерскую. Работал нормально, семью кормил. Но вот какая штука. Работаешь ведь под заказчика, а это так или иначе сказывается. А живопись — это только мое, тут мне никто не указ, и занимаюсь я ею потому, что мне это доставляет удовольствие. А сейчас вообще только живописью. Ну, раз жена из дома не гонит, значит, на жизнь хватает. К тому же она сама — художница. Честно говоря, считаю, что она талантливее меня, но, как всякая русская женщина, думает, что если бросит своего мужика, то он непременно умрет с голодухи, а тут еще Вовка с Сашкой плюс вот эта черная псина — Чер. Так что мое искусство требует ее жертв.

Почему изостудию для детей организовал и веду? Да нравится мне это. И им тоже. Раньше я их учил, как рисовать, а сейчас больше хожу и смотрю, как они рисуют. Сам, наверное, учусь. Чему? Искренности. Это главное в живописи, в искусстве. Без этого нельзя. И для этого нужно иметь их смелость и наивность. И не спрашивай, ради Бога, что я хотел сказать своими картинками! Смотри...

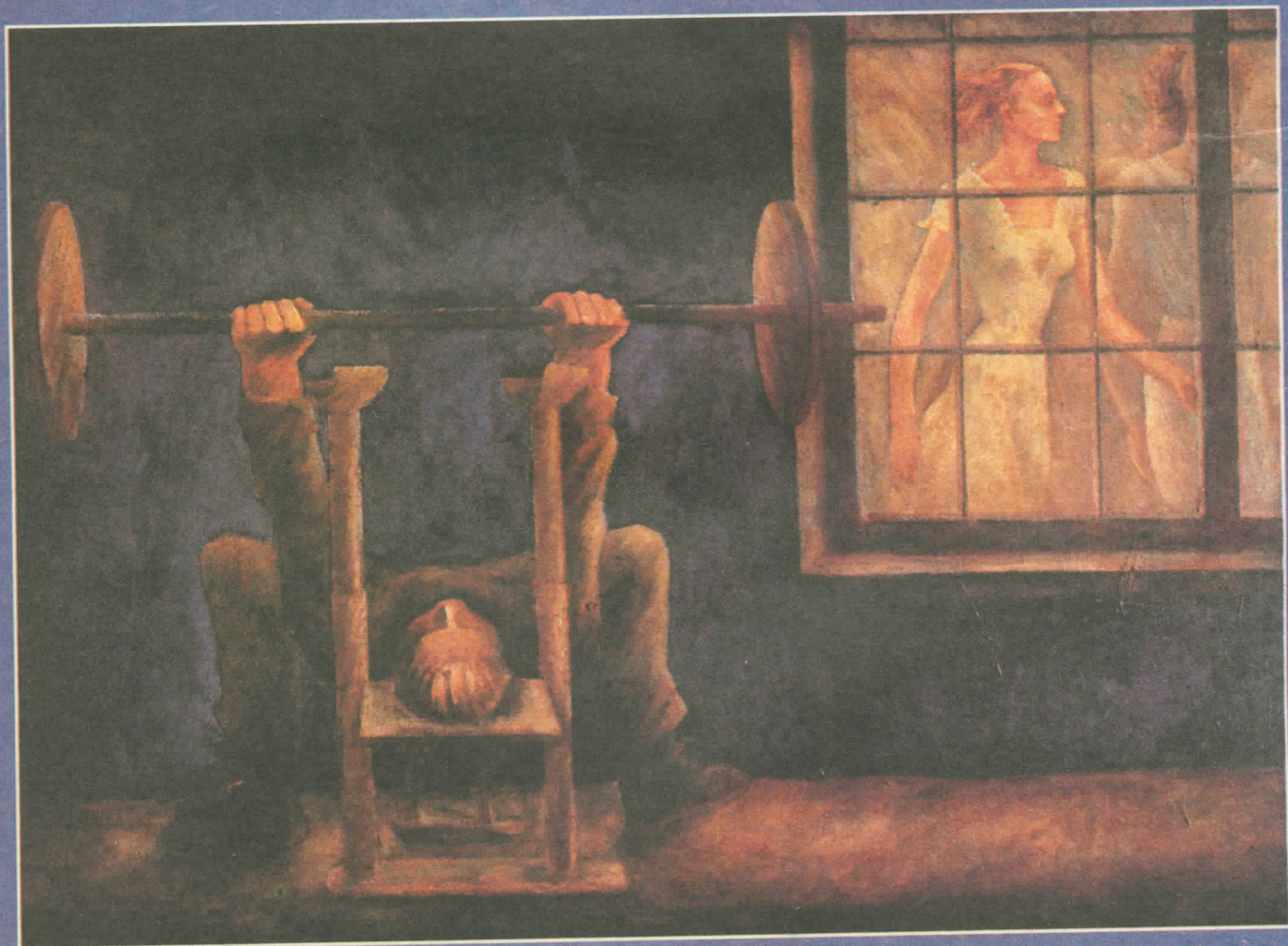
И я смотрю. И вы посмотрите. Может, понравится?

Петр СМЕРНОВ

«КОЛЯДА»

8

«ПРЕОДОЛЕНИЕ»

«НА ОКРАИНЕ»